7: Sedel'nikov et al RQ2 Kazak

РОССІЯ.

ПОЛНОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ НАШЕГО ОТЕЧЕСТВА.

НАСТОЛЬНАЯ и ДОРОЖНАЯ КНИГА
ДЛЯ РУССКИХЪ ЛЮДЕЙ.

подъ редакціей
[illegible]
В. П. Семенова

и подъ общимъ руководствомъ

П. П. Семенова, и акад. **В. И. Ламанскаго,**

Вице-Предсѣдателя Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Предсѣдателя Отдѣленія Этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ТОМЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

КИРГИЗСКІЙ КРАЙ.

Съ 128 политипажами, 35 діаграммами, картограммами, схематическими профилями, 1 большой справочной и 9 малыми картами.

СОСТАВИЛИ:
А. Н. Сѣдельниковъ.—Л. Н. Семенова.—А. Н. Букейхановъ.—С. Д. Чадовъ.—
Н. А. Бородинъ.—Т. И. Бѣлослюдовъ.—П. П. Семеновъ.—Н. Н. Столпянскій.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. ДЕВРІЕНА.
1903.

[Title Page]

7: Sedel'nikov et al

RQ2 Kazak

[P. 138]

ОТДѢЛЪ II.

НАСЕЛЕНІЕ.

ГЛАВА IV.

Историческія судьбы Киргизскаго края и культурные его успѣхи.

А. Н. Сѣдельникова, А. Н. Букейханова и С. Д. Чадова.

Народы, населявшіе Киргизскій край въ древности.—„Чудь“.—Татары.—Башкиры.—Калмыки.—Джунгары.—Киргизы.—Заселеніе и два вида колонизаціи края—вольная и правительственная.—Крестьянская колонизація 80—90-хъ годовъ XIX в.—„Бѣловодье“.—Развитіе просвѣщенія въ краѣ.—Низшее и среднее образованіе.—Книжное и издательское дѣло въ краѣ.

Слѣды пребыванія въ Киргизскомъ краѣ первобытнаго человѣка найдены въ немногихъ мѣстахъ; это различныя каменныя орудія—топоры, молотки, наконечники стрѣлъ и копій и незначительное число грубыхъ металлическихъ издѣлій. Открыто также нѣсколько стоянокъ и могильниковъ у подножья Алтайскихъ горъ и по берегамъ Иртыша. Эти памятники говорятъ о томъ, что народъ, который ихъ оставилъ, находился еще въ младенчествѣ и только выступалъ на путь культуры. Нѣкоторые ученые относятъ этотъ народъ къ финскому племени.

Гораздо большую область распространенія имѣютъ здѣсь памятники, говорящіе о пребываніи въ Киргизскомъ краѣ болѣе могущественнаго племени, стоявшаго на болѣе высокой ступени культуры. Это тѣ памятники, которые современное населеніе приписываетъ сказочному народу „чудь“. Кажется, до самаго послѣдняго времени ученые не могли согласиться въ томъ, что за народъ оставилъ послѣ себя такое множество памятниковъ на громадномъ пространствѣ не одного только Киргизскаго края, но и по всей южной Сибири; тѣ-же памятники переходятъ даже въ южную Россію и далѣе на западъ—въ предѣлы Австріи и Германіи.

Одни придерживались Геродота, который, описывая Скиѳію (V в. до Р. Х.), упоминалъ, что у подножья горъ (Урала) жили *аргиппеи*, а къ востоку отъ нихъ *исседоны*, выше ихъ *аримаспы* и *грипы* (грифы), стерегшіе золото. Отъ послѣднихъ, черезъ посредничество исседоновъ, по показанію Геродота, получали греки золото. Геродотъ, однако, самъ мало вѣрилъ въ существованіе упомянутыхъ народовъ и называлъ ихъ съ чужихъ словъ. Позднѣйшіе историки также не признавали ихъ, хотя не отрицали существованія въ этихъ мѣстахъ народа, ставшаго родоначальникомъ современныхъ калмыковъ. Съ послѣднимъ, однако, многіе археологи и этнографы не могутъ согласиться, какъ потому, что дошедшія до насъ письменныя свидѣтельства (отъ XIV и XVI вѣка послѣ Р. Х.) говорятъ о „чудскихъ" могилахъ, какъ совершенно чуждыхъ и неизвѣстныхъ тогдашнимъ калмыкамъ, такъ и потому, что предметы, находимые въ чудскихъ могильникахъ, и другіе дошедшіе до насъ памятники говорятъ о высшей культурѣ „чуди", въ сравненіи не только съ тѣми калмыками и другими инородцами монгольскаго племени, которыхъ застали русскіе въ XVI и XVII вѣкѣ въ Киргизскомъ краѣ, но и съ современными. Трудно допустить, чтобы калмыки (или другое монгольское племя), такъ давно достигнувъ довольно высокой степени культуры, черезъ болѣе чѣмъ десятокъ вѣковъ не только не сдѣлали шага впередъ, но и значительно опустились. Нѣкоторые археологи видятъ въ „чудскихъ" памятникахъ слѣды пребыванія здѣсь *арійскихъ* племенъ, основываясь на сходствѣ предметовъ, находимыхъ въ южно-русскихъ и сибирскихъ курганахъ, а также и близостью формъ череповъ.

Изъ всего, что намъ до сихъ поръ извѣстно о курганномъ племени („чуди"), можно быть увѣреннымъ лишь въ томъ, что этотъ народъ жилъ здѣсь продолжительный періодъ времени, пройдя нѣсколько ступеней культуры—бронзовый и мѣдный періодъ, и перешелъ къ желѣзному. Онъ жилъ въ укрѣпленныхъ городахъ, имѣлъ довольно развитую промышленность, искусства, выработалъ письменные знаки, съ помощью которыхъ заносилъ свои историческія событія, имѣлъ наконецъ свою религію съ опредѣленными обычаями.

Каменная баба.
(*По фот. Рыжкова, изъ альб. З.-Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ.*)

Остановимся нѣсколько подробнѣе на памятникахъ этого древняго народа. До насъ дошли, какъ мы уже сказали, остатки городовъ курганнаго племени. Это небольшія сооруженія изъ глины, дерева (срубы) и камня: такія „*городища*", открыты во многихъ мѣстахъ—по берегамъ *Иртыша*, близъ *Павлодара*, *Усть-Каменогорска*, въ окрестностяхъ *Каркаралинска*, въ верховьяхъ *Ишима*, *Тобола* и *Ори*, по берегамъ *Илека* и *Урала*. Въ нихъ найдены мѣдныя и бронзовыя орудія и разнообразная глиняная и бронзовая посуда (чаши и урны); послѣднія всегда изукрашены различными узорами. Нѣкоторыя городища имѣли видъ укрѣпленій и помѣщались на неприступныхъ мѣстахъ (напр. въ окрестностяхъ Каркаралинска); другія расположены по берегамъ рѣкъ и озеръ и имѣли деревянныя и земляныя постройки. Находили въ городищахъ шорныя издѣлія (удила и стремена съ бронзовыми и мѣдными насѣчками и пр.) и орудія для обработки полей. Но особенно развито было горное дѣло. „Чудскія копи" въ массѣ разсѣяны по южной гористой полосѣ края; безъ преувеличенія можно сказать, что современная горная промышленность возникла на чудскихъ копяхъ: первые горнопромышленники начали разработку мѣди и серебра въ этихъ копяхъ и только въ недавнее время занялись разработкой никогда еще нетронутыхъ мѣсторожденій. „Чудскія копи“ найдены главнымъ образомъ въ Каркаралинскомъ у., гдѣ и въ настоящее время горная промышленность наиболѣе развита. Въ сѣверо-западномъ Алтаѣ также извѣстно много такихъ копей. Такъ, не далеко отъ впаденія въ Иртышъ р. *Шульбы* найдены были пять старинныхъ печей съ сохранившимися въ нихъ мѣдной рудой и шлаками. Извѣстный Змѣиновскій рудникъ въ Алтаѣ основанъ также на „чудскихъ копяхъ“. Слѣды древнихъ рудниковъ найдены въ *Мугоджарахъ* и въ верхнемъ теченіи Урала. Въ этихъ копяхъ находили главнымъ образомъ мѣдную руду, изрѣдка серебро (хотя желѣзная руда и обнаружена была во многихъ копяхъ, но повидимому выплавка металла была народу еще неизвѣстна).

Много осталось и памятниковъ религіознаго культа. Въ этомъ отношеніи богатый матеріалъ даютъ курганы и могильники. Тѣ и другіе говорятъ намъ, что у здѣшняго народа былъ уже не грубый фетишизмъ, а пантеизмъ и представленіе о загробной жизни. Народъ заботился о погребеніи умершихъ, убиралъ внутренность и внѣшность могилъ, выкладывая ихъ камнемъ или деревомъ, наряжалъ умершихъ въ лучшія одежды, украшалъ золотыми и серебряными вещами—ожерельями, кольцами, запястьями и клалъ вмѣстѣ съ умершимъ его любимыя вещи—чаши, тарелки, горшки и пр. Могилы (курганы) дѣлались для одного или немногихъ умершихъ—и такихъ большинство—или же для многихъ (такъ называемые могильники), причемъ, судя по убранству могилъ и находимымъ предметамъ, можно думать, что богатыя изъ нихъ служили усыпальницами для знатныхъ и почетныхъ людей. Нерѣдко курганы и могильники украшались каменными изваяніями („бабами“) и каменными плитами съ надписями. Въ нѣкоторыхъ могилахъ находили мѣдные жертвенники и сосуды съ пепломъ: повидимому умершіе иногда сжигались. Мѣстомъ для богослуженій служили капища, гдѣ находились изображенія боговъ въ видѣ мужчинъ и женщинъ, быковъ, гусей, змѣй и др. животныхъ. Письмена были знакомы этому народу, и онъ заносилъ ими событія своей жизни, причемъ сначала прибѣгалъ къ іероглифамъ, а позднѣе пользовался буквами. Такія „писаницы“ дѣлались чаще всего на камняхъ, выдалбливались или красились. Форма знаковъ напоминаетъ древнегреческія и индійскія (зендскія) буквы; запись дѣлалась въ горизонтальномъ порядкѣ.

О „чуди“, обитавшие здѣсь народы во время заселенія края русскими не имѣли ясныхъ понятій; для нихъ „чудь“ была такимъ-же таинственнымъ народомъ, какъ и для насъ по настоящее время. Но съ памятниками населеніе было знакомо; отъ здѣшнихъ инородцевъ уже узнали русскіе, что курганы суть „чудскія“ могилы, что въ нихъ зарыты различные цѣнные предметы. Какъ инородцы, такъ и первое время русскіе спеціально занимались поисками такихъ могилъ и похищали изъ нихъ все цѣнное.

По китайскимъ источникамъ, за 200 лѣтъ до Р. Х. въ предѣлахъ края появился опредѣленный народъ *усунь или уйсюнь*, выдѣлявшійся среди другихъ азіатскихъ народовъ своимъ типомъ (русые волосы, голубые глаза). Какъ и всѣ послѣдующіе народы, усуни двигались черезъ долину р. *Или* и *Ала-Куля*, которыя, по справедливости, называются „поторическими воротами" народовъ, и вышли къ *Балхашу*. Здѣсь они жили почти до Р. Х., когда, разрозненные междоусобіями и тѣснимые съ юга новыми народами, вышли далѣе на сѣверъ и сѣверо-западъ—въ степи, гдѣ смѣшались съ бродячими тюркскими племенами. Съ 119 г. по Р. Х. имя ихъ уже совершенно сошло съ исторической арены. Въ 177 г. послѣ Р. Х. обитавшія въ Киргизскомъ краѣ племена были оттѣснены къ западу вышедшими изъ китайскихъ владѣній *гуннами*, которые двигались по южнымъ степямъ на западъ и совершенно смели на пути родственное усунямъ племя *юэчжи*. Въ V вѣкѣ послѣ Р. Х. остатки гунновъ (большею частью уже ушедшихъ въ южно-русскія и венгерскія степи) въ разсматриваемомъ краѣ подпали подъ власть двигавшихся съ юго-востока монголовъ; бо́льшая часть ихъ вскорѣ была разсѣяна и истреблена ближайшими монгольскими полчищами изъ племени *уйгуровъ*, спустившихся съ Алтая (въ VII вѣкѣ). Въ этотъ періодъ (V—VII в.), послѣ сильной и успѣшной въ завоеваніяхъ гуннской волны, съ востока и въ частности съ Алтая происходило почти безпрерывное движеніе различныхъ *тюркскихъ* племенъ. Въ это время вышли на южныя степи *печенѣги*, но вскорѣ были оттѣснены *торками* въ современную Уральскую область и далѣе до Волги, и въ IX в. были уже хорошо извѣстны русскимъ князьямъ, какъ дикій степной (кочевой) народъ и безпокойный сосѣдъ. Въ XI вѣкѣ появилось по этому-же пути другое тюркское племя—*половцы*; они потѣснили печенѣговъ и торковъ и также двигались на западъ. Жили они, какъ и первые, кочевымъ хозяйствомъ, а, дойдя до русскихъ предѣловъ, также занялись набѣгами на ближайшіе русскіе города и села.

Каменная баба. (*По фот. Рыжкова, изъ альб. Зап.-Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ.*)

Приблизительно въ это-же время на историческую сцену выступили новыя тюркскія племена, извѣстныя подъ общимъ названіемъ *киргизъ-казаковъ* (кайсаковъ). Въ виду того, что этотъ народъ игралъ и теперь играетъ большую роль въ исторіи нашего края, мы дадимъ здѣсь болѣе подробное описаніе какъ его исторіи, такъ быта его и нравовъ (въ послѣдующихъ главахъ).

Нашъ очеркъ касается краткой исторіи киргизовъ, проживающихъ въ предѣлахъ нашего края, т. е. четырехъ степныхъ областей: Акмолинской, Семипалатинской, Тургайской и Уральской. Въ нихъ, по даннымъ губернаторскихъ отчетовъ 1890-хъ годовъ, числится

Каменная баба. (*По фот. Рыжкова, изъ альб. Зап.-Сиб. Отд. Имп. Р. Геогр. Общ.*).

1.875.000 душъ обоего пола, что составляетъ 58% всѣхъ киргизъ-казаковъ, считая въ томъ числѣ живущихъ въ Китаѣ, въ бухарскихъ и хивинскихъ владѣніяхъ [1]). Киргизы Семипалатинской и Акмолинской областей главнымъ образомъ состоятъ изъ нѣсколькихъ тюркскихъ племенъ: *керей*, *найманъ*, *кынчакъ*, *алчинъ* и *аргынъ*. По скуднымъ историческимъ о нихъ свѣдѣніямъ, упомянутыя тюркскія племена издавна кочевали въ разныхъ углахъ азіатскаго материка. *Кереи* жили въ перемежку съ монголами на рр. Керуленѣ и Ононѣ, родинѣ Чингисхана, и сдѣлались добычею первыхъ его завоеваній. *Найманы* въ XII вѣкѣ кочевали на юго-западъ отъ кереевъ, между рр. Орхономъ и Иртышомъ. *Кынчаки* и *алчины* кочевали въ сѣверо-западной половинѣ нынѣшнихъ степныхъ областей. Монголы Чингисхана, идя изъ восточной Сибири въ Среднюю Азію, затѣмъ полчища Батыя, отправляясь изъ восточной-же Сибири сначала на верхнее теченіе р. Иртыша (гдѣ Батый назначилъ сборный пунктъ), потомъ оттуда черезъ нынѣшній Степной край къ устью Волги,—произвели перетасовку всѣхъ кочевыхъ народовъ, встрѣченныхъ по пути. Благодаря общности быта монголовъ и тюркскихъ племенъ, послѣднія смѣшались съ первыми. Послѣ этого смѣшенія, произведеннаго полчищами Чингисхана и Батыя, оказалось, что найманы и аргыны, о которыхъ нѣтъ болѣе раннихъ свѣдѣній, вошли въ улусъ второго сына Чингисхана Джагатая и въ XIV вѣкѣ кочевали отъ р. *Имиля* на юго-западъ до *Каратала* и на западъ до р. *Нуры*; кереи очутились на *Черномъ Иртышѣ*, а кынчаки и алчины вошли въ улусъ старшаго сына Чингисхана Джучія и составили ядро *Золотой* или *Кынчакской* орды Батыя. Со времени послѣдняго историческая судьба упомянутыхъ племенъ тѣсно связана съ исторіею улусовъ Джагатая и Джучія. Находясь номинально подъ властью чингисидовъ, кочевыя племена сохраняли родовой бытъ и кочевой образъ жизни. Функцію судьи по гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ отправлялъ *бій*, выдвинувшійся изъ народа краснорѣчіемъ, знаніемъ народныхъ юридическихъ обычаевъ, безпристрастіемъ и справедливостью своихъ рѣшеній. Благодаря особой подвижности, которая неизбѣжна при скотоводческомъ хозяйствѣ, въ степи происходили весьма часто столкновенія между родами изъ-за пастбищъ. Борьба родовъ выдвигала находчивыхъ, смѣлыхъ вожаковъ, носившихъ званіе *батырь*. Часто бій и батырь совмѣщались въ одномъ лицѣ. Искусный слѣдователь, мудрый судья въ мирное время, отправляясь на войну въ защиту рода, превращался въ лазутчика, полководца, солдата, а послѣ войны—въ дипломата. Кочевники, располагая превосходными наѣздниками и необычайною подвижностью, въ свое время, въ XIII—XIV вѣкахъ, представляли огромную военную силу. Каждый родъ, руководимый своимъ біемъ, предводительствуемый своимъ батыремъ, свободно вступалъ въ союзъ и свободно выдѣлялся изъ него, признавая надъ собою только ту верховную власть, которая соотвѣтствовала интересамъ рода или его руководителя. Обычная борьба между чингисидами за власть и удѣлы рѣшалась при непремѣнномъ вмѣшательствѣ сильнѣйшихъ тюркскихъ племенъ, сыгравшихъ дѣятельную роль при распаденіи улусовъ Джагатая и Джучія.

---

[1]) Населеніе степныхъ областей называетъ себя „казакъ". Существуетъ много фантастическихъ объясненій этого слова. Умиралъ отъ жажды больной, оставленный на произволъ судьбы, полководецъ Колча-Кадыръ и молилъ небеса послать ему скорѣйшую смерть. Но небеса сжалились: спустился геній добраго духа пери, въ образѣ бѣлой гусыни каз-ак; гусыня слетала за водой, напоила страдальца и осталась жить съ нимъ. Потомки этого брака получили имя казакъ. Слово „киргизъ", вошедшее въ употребленіе и означающее „казаковъ", было первоначально совершенно неизвѣстно послѣднимъ, и они стали слышать это слово преимущественно отъ русскихъ. Въ старшей ордѣ кайсаковъ есть родъ „киргизъ". Это одно изъ самыхъ древнѣйшихъ тюркскихъ племенъ. Киргизы встарину были извѣстны тѣмъ, что нападали на города, села и караваны. Имя ихъ стало ненавистнымъ ихъ сосѣдямъ. Впослѣдствіи за набѣги, учиненные сосѣдямъ, послѣдніе „казаковъ" стали называть киргизами. Это слово вошло въ общее употребленіе и постепенно вытѣснило собственное народное названіе казакъ.

Въ половинѣ XV вѣка на развалинахъ упомянутыхъ улусовъ выступили на историческую сцену въ видѣ самостоятельной политической силы тюркскія племена, впослѣдствіи вошедшія въ степныя области подъ именемъ *киргизовъ*.

Киргизское кладбище Адоевскаго рода въ Кара-Чунгулѣ.

Пользуясь слабостью власти узбекскаго хана Абулхаира [1]), отъ него отложились со своими приверженцами султаны-джучиды Гирей и Джаны-Бекъ, которые, благодаря враждѣ къ Абулхаиру джагатайда, моголистанскаго хана Иса-Буга, нашли пріютъ на западѣ его улуса, на р. Чу и положили основаніе союзу кочевниковъ, получившему впослѣдствіи названіе „киргизъ-казаковъ (кайсаковъ)“.

Послѣ смерти Абулхаира въ третьей четверти XV вѣка въ его улусѣ усилились среди чингисидовъ обычныя усобицы за власть. Кочевникамъ, тяготившимся всегда враждою своихъ властителей, стало невмоготу оставаться въ Узбекской ордѣ. Большая часть кыпчаковъ присоединилась къ союзу киргизъ-казаковъ, увеличивъ число ихъ до 200.000. При сынѣ Джаныбека Касымъ-ханѣ (умершемъ въ первой четверти XVI вѣка) союзъ киргизъ-казаковъ, принявъ къ себѣ коченые народы восточной половины джагатайскаго улуса, насчитывалъ болѣе милліона населенія. Касымъ-ханъ, объединивъ весь киргизскій народъ, располагалъ огромной военной силой. Къ счастью своихъ подданныхъ, этотъ послѣдній изъ могущественныхъ хановъ не принадлежалъ къ числу обычныхъ завоевателей Азіи и стяжалъ любовь своего народа миролюбивой политикой. Касымъ-ханъ, уклоняясь отъ предложенія воевать, говорилъ, что „казаки, какъ народъ кочевой, должны думать о зимовкахъ, а не о войнѣ“. За свое миролюбіе Касымъ-ханъ пользовался необычайной популярностью въ народѣ. Послѣ смерти Касымъ-хана союзъ киргизъ-казаковъ раздробился; всякій изъ султановъ его старался захватить власть, и усобицы среди нихъ способствовали распаденію союза киргизъ-казаковъ. Спустя 200 лѣтъ послѣ смерти объединителя киргизъ-казаковъ Касымъ-хана его народъ снова появился на исторической сценѣ въ видѣ трехъ политическихъ союзовъ, извѣстныхъ подъ именами: старшей, средней и младшей ордъ [1]).

---

[1]) Золотая орда со времени своего хана Узбека, умершаго въ 1343 г., стала носить его имя.

Въ первой четверти XVIII вѣка „возникли наименованія юго-восточныхъ казачьихъ родовъ *дулатъ* и *канловъ*, какъ древнѣйшихъ тюркскихъ племенъ, занявшихъ земли казачьяго союза, старшею (улы) ордою, кыпчаковъ, аргыновъ, наймановъ и кереевъ, какъ болѣе позднихъ пришельцевъ,—среднею (орта) ордою, и отдѣлившихся отъ племенъ орды родовъ и племени алчинъ—младшею (киш) ордою“ (Аристовъ). Въ это время всѣ три орды, вытѣсненныя съ юго-восточныхъ своихъ земель калмыками, кочевали въ бассейнахъ р.р. *Ишима*, *Нуры* и *Сары-Су*. Въ 1723 году джунгарскій властитель Галданъ-Цыренъ покорилъ роды старшей и средней ордъ. Нашествіе джунгаръ и калмыковъ заставило киргизскія орды подвинуться на западъ—къ Аральскому и Каспійскимъ морямъ и на сѣверъ—къ верховьямъ рѣкъ *Ишима*, *Урала* и *Тобола*. Младшая и средняя орды, прижатыя съ юга своими врагами къ такъ называемой *Горькой линіи*, были вынуждены признать русскую власть. Киргизы относились свободно къ своимъ султанамъ и ханамъ, признавая ихъ власть, пока ихъ интересы совпадали съ видами самоуправляющихся родовъ. Въ 1730 году султанъ младшей орды Абулхаиръ, отчасти боясь нашествія Галданъ-Цырена на свои земли, отчасти хлопоча усилить свою пошатнувшуюся отъ вражды между султанами власть, обратился къ русскому правительству съ просьбой принять его народъ въ подданство. Султаны старшей и средней орды Аблай, Абулъ-Мамбетъ и Баракъ, пользовавшіеся расположеніемъ народа, въ XVIII вѣкѣ остались правителями его. Самый популярный среди киргизовъ, названный ими ханомъ, Аблай, тщательно избѣгалъ подчиненія киргизовъ чужой власти. Нѣкоторые роды средней орды приняли русское подданство при сынѣ хана Аблая, въ 1782 году, и при сынѣ Барака, Букей-ханѣ—въ концѣ XVIII вѣка. Нѣкоторые роды старшей орды въ лицѣ своего султана Сюка-Аблайханова приняли русское подданство въ XIX вѣкѣ. Затѣмъ до третьей четверти этого вѣка постепенно признали русскую власть всѣ киргизскіе роды, за исключеніемъ наймановъ и кереевъ, ушедшихъ, послѣ уничтоженія китайцами въ третьей четверти XVIII вѣка Джунгарскаго царства, изъ нынѣшней Акмолинской области на свои старыя земли—на *Тарбагатай* и *Черный Иртышъ*, а оттуда въ предѣлы Китая.

---

[1]) Считаемъ нужнымъ замѣтить, что ходячія названія ордъ *большая* и *малая* совершенно неправильно характеризуютъ орды, невѣрно передавая и смыслъ киргизскихъ словъ; *улы*—старшій, древній, а не большой въ смыслѣ количества (тѣмъ болѣе, что по количеству эта орда меньше другихъ), *киш*—значитъ не малая (въ смыслѣ количества), а *младшая*.

Киргизы, никогда не знавшіе верховной власти, которую немыслимо было создать въ вольной степи, гдѣ искони традиціонная форма власти сосредоточивалась въ рукахъ самоуправляющагося рода и его вожаковъ, въ XIX вѣкѣ вошли въ составъ населенія степныхъ областей. Признавъ свою зависимость отъ русскаго правительства, киргизы не сразу помирились съ этимъ положеніемъ и даже пытались потомъ снова возстановить свою независимость, но эти попытки кончились неудачей.

Въ сороковыхъ годахъ XIX вѣка Киргизская степь въ послѣдній разъ вспомнила старину. Внукъ Аблай-хана Кенесары-Касимовъ, затмившій въ народныхъ сказаніяхъ славу своего популярнѣйшаго дѣда, собралъ нѣсколько тысячъ наѣздниковъ изъ представителей недовольныхъ и, объявивъ себя возстановителемъ былого величія киргизскаго народа, пытался поднять подъ свое знамя весь киргизскій народъ. Огромная масса кочевого населенія осталась, однако, равнодушной къ воззванію Кенесары. Но смѣлость и удальство, обнаруженныя его братомъ Наурзбаемъ и товарищами послѣдняго, завоевали симпатію населенія, которое, не выражая активно своего сочувствія, постоянно оказывало покровительство людямъ Кенесары, спасая ихъ отъ преслѣдованія русскихъ отрядовъ. Благодаря этому обстоятельству Кенесары втеченіе 7 лѣтъ продержался господиномъ Киргизской степи, которую исколесили его приверженцы отъ Оренбурга до Каркараловъ, отъ Петропавловска до Туркестана, предавая уничтоженію киргизскіе аулы и русскія поселенія и забирая въ плѣнъ людей. Въ 1847 году Кенесары и Наурзбай были убиты дикокаменными киргизами, и теперь объ ихъ необычайной удали и смѣлости осталась только пѣсни въ памяти народной.

Киргизская зимовка въ степи.

На этомъ мы пока закончимъ описаніе киргизъ и вернемся къ хронологическому порядку историческихъ событій въ жизни края.

Въ XVI вѣкѣ, какъ мы видѣли, въ южной полосѣ края появился народъ, извѣстный у русскихъ подъ именемъ *калмыковъ*, которые оттѣснили киргизъ на сѣверо-западъ. Калмыки представляли изъ себя союзъ нѣсколькихъ племенъ (*торгоутовъ*, *хонзовъ*, *хошоутовъ* и *джунгаровъ*), извѣстный подъ именемъ *ойратскаго*. Въ началѣ XVII в. наступившія внутреннія усобицы и борьба съ восточными монголами расшатали его, и онъ распался. Въ 1628 г. торгоуты ушли на западъ, къ верховьямъ *Тобола* и *Урала* и далѣе къ Волгѣ (1630). Среди другихъ племенъ загорѣлась война за первенство, которое и осталось за джунгарами; по имени ихъ Джунгаріей и сталъ называться прежній союзъ. Объединенная мужественными повелителями, Джунгарія стала опаснымъ сосѣдомъ не только для восточно-монгольскихъ, алтайскихъ и барабинскихъ племенъ, но и для Китая. Послѣдній много терпѣлъ въ своихъ западныхъ провинціяхъ отъ набѣга джунгаръ, пока, послѣ нѣсколькихъ походовъ, многочисленныя китайскія войска не нанесли рѣшительнаго пораженія (въ 1696 г.) войскамъ джунгарскаго контайши (князя), извѣстнаго Галданъ-Цырена.

Это нѣсколько ослабило могущество Джунгаріи; но прикочевавшіе обратно съ Волги торгоуты снова усилили ея вліяніе на окрестныя племена. Вліяніе это было настолько значительно, что барабинскіе татары, номинально подвластные русскимъ, признавали однако могущество за джунгарами и платили дань имъ, а не русскимъ. Наконецъ и русскимъ пришлось столкнуться съ ними и сначала уступить. Въ 1714 г. русское правительство послало Бухгольца для основанія по *Иртышу* ряда крѣпостей (которыми предполагалось связать золотыя розсыпи Яркенда съ Сибирью). Послѣдній близъ *Ямышевскаго* поселка (гдѣ сосредоточивалась главная мѣновая торговля русскихъ, джунгаровъ, бухарцевъ и ташкентцевъ), заложилъ крѣпость. Но джунгары не допустили основаться здѣсь русскимъ. Несмотря на то, что у Бухгольца былъ значительный отрядъ (3 тыс. чел.), его осадили и заставили съ большими потерями отступить къ устью *Оми* и отказаться отъ намѣченной цѣли. Только черезъ пять лѣтъ русскимъ удалось основать, съ согласія джунгаровъ, нѣсколько крѣпостей по Иртышу (*Омскую*, *Старо-Семипалатинскую*, *Усть-Каменогорскую*).

Въ 1723 г. джунгары покорили, какъ мы видѣли, часть старшей и средней киргизской орды (кочевавшія къ западу отъ нихъ). Малая и оставшаяся независимой часть средней орды передвинулись на сѣверо-западъ—къ сибирской границѣ русскихъ и къ башкирамъ, причемъ ханы Абулхаиръ и Семеке присягнули на подданство русскимъ, чтобы еще болѣе обезопасить себя отъ джунгаръ. Въ этотъ періодъ Джунгарское царство достигло наибольшей силы и могущества. Оно простиралось отъ Алтая черезъ южную часть теперешнихъ Семипалатинской, Акмолинской и Тургайской областей до Аральскаго моря и на югъ—до предгорій Тянь-Шаня. Въ 1739 г. джунгары напали на киргизъ и гнали ихъ до р. *Урала* (Яика), причемъ много было побито подвластныхъ русскимъ башкиръ; русское правительство не рѣшалось однако наказать джунгаръ за набѣгъ, такъ какъ признавало еще въ нихъ сильнаго врага. Джунгарскіе же контайши настолько считали себя могущественными, что не заботились о хорошихъ отношеніяхъ со своими сильными сосѣдями—Китаемъ и Россіей. Только послѣ того, какъ въ Джунгаріи снова начались родовыя распри, могущество ея пало и на этотъ разъ окончательно, чѣмъ не пропустили воспользоваться китайцы и русскіе. Въ 1751 г. власти надъ Джунгаріей добивался контайша Амурсана. Не надѣясь достигнуть цѣли своими силами, онъ обратился за помощью къ китайскому правительству; послѣднее, думая извлечь пользу изъ начавшейся борьбы, послало Амурсанѣ войско, которое и помогло ему добиться власти. Но вмѣсто того, чтобъ признать себя, послѣ этого, зависимымъ отъ Китая, Амурсана, пользуясь довѣріемъ китайцевъ, неожиданно напалъ на нихъ и опустошилъ ближайшія провинціи (Хами). Возмущенный императоръ объявилъ джунгарамъ безпощадную войну. Нѣсколько разъ вступали китайскія войска въ предѣлы Джунгаріи, но были отражаемы. Только въ 1756 г. Амурсана былъ наконецъ разбитъ и бѣжалъ въ Сибирь, къ русскимъ. Китайцы прошли всю Джунгарію „огнемъ и мечемъ“, безпощадно истребивъ почти все населеніе (до милліона человѣкъ), не разбирая ни пола, ни возраста. Это было не покореніе, а поголовное истребленіе націи. И дѣйствительно съ этого времени Джунгарское царство совершенно исчезло съ исторической сцены. Спаслись только нѣсколько тысячъ западныхъ олютскихъ племенъ, успѣвшихъ убѣжать въ калмыцкія орды на Волгу.

Съ уничтоженіемъ Джунгарскаго царства, въ южной полосѣ современнаго Киргизскаго края остались киргизы-казаки (старшая, средняя и младшая орда), которые то признавали надъ собой власть русскихъ, то переходили къ китайцамъ. Въ началѣ XIX вѣка бо́льшая часть киргизъ, какъ мы видѣли, признала власть русскихъ и осталась кочевать въ южной полосѣ нашего края (гдѣ и кочуетъ до настоящаго времени).

Такова, въ краткихъ чертахъ, политическая исторія кочевыхъ народовъ Киргизскаго края.

Какъ мы видимъ, Киргизскій край съ древнѣйшихъ временъ до конца XIX столѣтія не переставалъ быть ареной крупныхъ историческихъ событій. Здѣсь появились первобытныя племена и проходили первыя ступени своего культурнаго развитія (каменный и мѣдный вѣка), двигались десятки народовъ Средней, Внутренней и Восточной Азіи, почему южныя равнины края и извѣстны подъ именемъ „историческихъ воротъ народовъ“. Разнообразные памятники, находимые всюду въ краѣ, являются нѣмыми свидѣтелями разыгравшихся здѣсь событій въ различныя эпохи. Мы уже видѣли памятники древнѣйшихъ обитателей края—сказочной „чуди“. Немало памятниковъ оставлено монголами, киргизами, калмыками, джунгарами, китайцами и др. народами, жившими или проходившими по краю. Таковы различныя могилы (изъ нихъ слѣдуетъ упомянуть могилу Алача-хана въ верховьяхъ р. *Сары-Су*), каменныя изваянія („бабы“), фигуры и надписи, высѣченныя на камняхъ и утесахъ, слѣды укрѣпленій и арыковъ въ долинахъ горъ, развалины монастырей (знаменитый *Аблайкитскій* буддійскій монастырь близъ Усть-Каменогорска) и много другихъ мелкихъ памятниковъ—оружіе, сосуды, хозяйственныя принадлежности. Письменная исторія и памятники говорятъ, что большинство этихъ народовъ вело кочевой образъ жизни, благодаря чему смѣна одного народа другимъ, одной культуры другою происходила быстро и легко.

Со второй половины XVI столѣтія сюда сталъ надвигаться съ сѣвера новый народъ—*славяне*; его культура была выше культуры тогдашнихъ властителей Киргизскаго края, и послѣдніе должны были уступить пришельцамъ господство въ своемъ краѣ. Къ разсмотрѣнію движенія сюда русскихъ и колонизаціи ими края мы теперь и перейдемъ.

Въ колонизаціи края *русскими* можно различать два момента: появленіе здѣсь *вольныхъ* колонизаторовъ и движеніе по слѣдамъ ихъ *правительственныхъ* дружинъ. Вольная колонизація создалась появленіемъ крестьянъ, преступниковъ, сектантовъ и разнаго сброда, бѣжавшихъ сюда отъ тяжелыхъ условій тогдашней жизни, или ради легкаго способа наживы отъ беззащитнаго инородца. Въ этомъ отношеніи особенно излюбленнымъ мѣстомъ явились южный Уралъ и сѣверо-востокъ нашего края. Здѣсь скоплялись въ XVI, XVII и XVIII вѣкахъ тысячи такихъ безъимянныхъ людей. Здѣсь зарождалась мысль о „приисканіи землицъ“, сопровождаемая движеніемъ впередъ, вглубь невѣдомыхъ странъ. Насколько сильно и могущественно было это движеніе, можно судить по тому, что волна безъимянной вольницы въ какія нибудь сто—полтораста лѣтъ (1560—1750) пробѣжала всю Сибирь отъ Урала до Камчатки, отъ Березова до Алтая. Одна изъ такихъ боковыхъ волнъ шла въ Киргизскій край съ сѣвера, по Иртышу и Барабинской степи, другая—съ южнаго Урала по рѣкѣ Уралу и его притокамъ. Послѣднее движеніе началось раньше, но колонизація по Иртышу совершалась скорѣе, такъ какъ эта волна была сильнѣе; Иртышскій край и Алтай, благодаря природнымъ богатствамъ, имѣли въ глазахъ колонизаторовъ большую цѣну, и сюда направлялось ихъ больше. Это сознавало и русское правительство, направляя сюда впослѣдствіи главныя военныя силы. Ниже мы увидимъ, что правительственная колонизація (и завоеваніе) шла по слѣдамъ вольной и, такъ сказать, узаконивала ее; въ нѣкоторыхъ случаяхъ правительству приходилось просто признать извѣстный участокъ земли своимъ, такъ какъ онъ былъ уже захваченъ вольницей.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ разсматривать отдѣльно завоеваніе и колонизацію *восточной* части края (современныхъ Акмолинской и Семипалатинской областей) и *западной* (Уральской и Тургайской областей).

Какой годъ нужно считать годомъ появленія русскихъ людей въ Ишимо-Иртышскомъ краѣ—точно сказать трудно. Несомнѣнно, что какъ въ Сѣверной Сибири, такъ и здѣсь завоеванію края предшествовали частичныя проникновенія разнаго рода промышленныхъ людей за пушнымъ звѣремъ, а то и просто для грабежа инородцевъ. Эти отдѣльные передовые застрѣльщики русской колонизаціи, являясь сбродомъ вольницы, не объединеннымъ какой-нибудь намѣченной цѣлью (кромѣ грабежа), не могли однако послужить надежнымъ оплотомъ колонизаціи, несмотря на то, что въ первое время вѣроятно не встрѣчали дружнаго отпора со стороны инородцевъ. Когда на Ишимо-Иртышскія степи во второй половинѣ XVI в. распространилась власть Кучума, эта вольница должна была на нѣкоторое время перенести свою арену въ Сѣверную Сибирь. Тѣмъ не менѣе путь въ богатый край былъ указанъ, чѣмъ и воспользовались сибирскіе воеводы.

Въ началѣ 80-хъ годовъ XVI в. на Иртышѣ появились вслѣдъ за Ермакомъ первыя дружины изъ служилыхъ людей, которыя задались уже опредѣленной цѣлью—продолжать дѣло, начатое Ермакомъ, именно подвести инородцевъ „подъ высокую царскую руку“ и завладѣть краемъ.

Двинувшіяся сюда дружины русскихъ должны были снова встрѣтиться съ Кучумомъ, который послѣ цѣлаго ряда пораженій отъ Ермака, по выраженію сибирскаго лѣтописца Ремезова, „утече на калмыцкій рубежъ Ишима, Норъ-Ишима, Оми и Камышлова“, т. е. въ современную Ишимо-Иртышскую степь. Но это ужъ не былъ прежній грозный сибирскій царь, и русскимъ не пришлось вести съ нимъ серьезной открытой борьбы. Повидимому предъидущія пораженія сильно поколебали престижъ его власти и убили надежду въ подвластныхъ ему инородцахъ на удачный исходъ борьбы, почему они неохотно подчинялись его призывамъ къ открытой борьбѣ съ русскими; а можетъ быть потому, что ихъ было мало, и, наученные горькимъ опытомъ и не имѣя огнестрѣльнаго оружія, они не рѣшались пробовать счастья въ открытомъ бою. Такъ или иначе, но втеченіе шести лѣтъ, которыя прожилъ здѣсь Кучумъ, русскіе вели мелкую борьбу и не могли двинуться впередъ, хотя и не имѣли ни одного серьезнаго дѣла съ кучумовскими сторонниками, послѣдніе-же „живяша сокрытно и пакостиша русскимъ и ясачнымъ зельне“. Въ слѣдующіе годы Кучумъ появился на правомъ берегу Иртыша выше современнаго Омска. Здѣсь Кучумъ не давалъ покоя русскимъ дружинамъ, нападая то на русскихъ ясачныхъ инородцевъ, то на караваны бухарскихъ купцовъ, ѣздившихъ къ русскимъ.

Перекочевка киргизъ.

Русскимъ воеводамъ приходилось трудно еще и потому, что у нихъ не было здѣсь опорныхъ пунктовъ; необходимость ихъ была скоро сознана русскимъ правительствомъ, и въ 1594 г. было повелѣно основать на границѣ съ тогдашнимъ Кучумовскимъ царствомъ городъ *Тару* (Тобольской губ.). Городъ сослужилъ свою службу: русскіе окончательно оттѣснили татаръ, нанеся нѣсколько сильныхъ пораженій Кучуму. Послѣдній бѣжалъ на югъ къ калмыкамъ (по нѣкоторымъ извѣстіямъ къ ногайцамъ), гдѣ и погибъ. О погибшемъ сибирскомъ царѣ и его царствѣ въ началѣ XVII в. остались лишь одни воспоминанія.

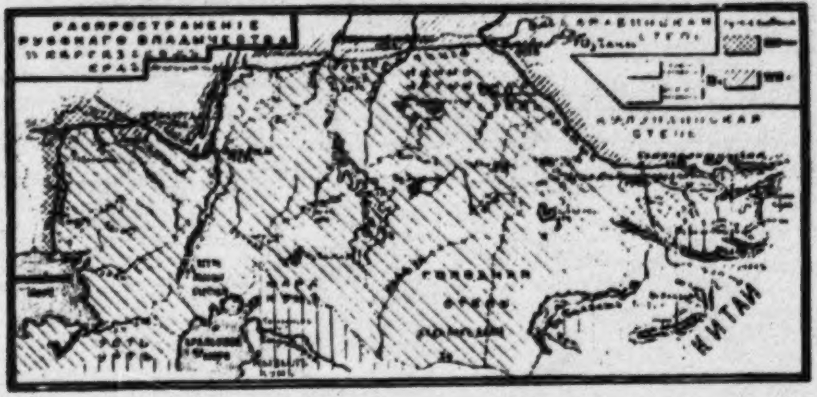
Трудно думать, чтобы завоеваніе края было обязано исключительно отвагѣ и силѣ казаковъ и служилыхъ людей. Несомнѣнно, что въ самомъ татарскомъ царствѣ началось уже разложеніе. Состоя изъ цѣлаго ряда волостей, подчиненныхъ ради ясака родамъ кучумовцевъ,—царство это не представляло изъ себя чего-либо цѣльнаго и прочнаго, какъ не имѣвшее глубокой внутренней связи. Это особенно сказалось послѣ первыхъ пораженій Кучума Ермакомъ, когда за отступавшими кучумовцами почти совершенно не двигались самовольно ясачные инородцы. То-же мы видѣли и здѣсь: даже собственно татары и тѣ не сплотились вокругъ Кучума, чтобы дать дружный отпоръ московскимъ воеводамъ. Они или соглашались платить ясакъ русскимъ, или бѣжали отъ нихъ и отъ кучумовцевъ. И чѣмъ болѣе тѣснили Кучума царскіе воеводы, тѣмъ труднѣе приходилось ему удерживать въ подчиненіи татаръ и собирать вокругъ себя надежныхъ воиновъ. На Ирмени, напр., у Кучума было уже только около 500 чел., а послѣ этого пораженія въ 1598 г. онъ не могъ собрать и половины ихъ; оставалось одно—признать власть русскихъ, покориться, или бѣжать изъ своихъ владѣній; онъ выбралъ послѣднее и погибъ насильственной смертью.

Такимъ образомъ 1598 годъ можно считать годомъ покоренія послѣднихъ владѣній кучумовскаго царства (современныхъ Ишимо-Иртышскихъ степей или сѣверной половины Акмолинской обл.).

Русскимъ не удалось однако воспользоваться своими побѣдами: вмѣсто кучумовцевъ пришлось защищать завоеванную землю отъ *ногайцевъ*, къ которымъ бѣжали сыновья Кучума Алей и Канай и подняли ихъ противъ русскихъ. Не имѣя нужныхъ силъ для открытой войны, ногайцы занялись грабежами ближайшихъ русскихъ острожковъ и ясачныхъ татаръ. Наказывать и бороться съ ними было трудно, такъ какъ при появленіи русскихъ дружинъ они быстро исчезали въ степяхъ верхняго теченія Тобола, Ишима и Тургая. Въ это-же время появился на югѣ болѣе опасный врагъ—*калмыки* (джунгары), которые вытѣснили изъ южныхъ прииртышскихъ степей татаръ и ногайцевъ къ востоку и западу, а на сѣверѣ дошли до Оми, гдѣ и встрѣтились съ русскими. Несмотря на протесты русскихъ воеводъ, мѣста по Оми, Камышлову и Иртышу были захвачены калмыками. Русскимъ воеводамъ пришлось снаряжать команды и строить временные острожки для защиты пограничной полосы; но это не приносило большой пользы: полчища калмы-

Развалины Кутмурунскаго укрѣпленія (Петропавл. у.).

ковъ были слишкомъ велики, чтобы ихъ могла удержать небольшая горсть русскихъ; только вскорѣ начавшіяся внутреннія усобицы среди калмыковъ помогли русскимъ удержаться на занятыхъ мѣстахъ. Русскихъ кромѣ того заставляла держаться крѣпко на этихъ мѣстахъ и другая необходимость. Все иртышское населеніе получало соль съ *Ямышевскаго* и др. соленыхъ озеръ, лежавшихъ въ непокоренномъ еще краѣ, и русскимъ необходимо было стремиться во чтобы то ни стало къ завоеванію ихъ, или стараться хоть обезопасить къ нимъ доступъ. Частыя поѣздки русскихъ создали здѣсь впослѣдствіи нѣчто вродѣ мѣнового двора, куда стали съѣзжаться бухарцы, татары и калмыки. Это также увеличивало значеніе упомянутыхъ мѣстъ для русскихъ. Поѣздки за солью, съ появленіемъ калмыковъ, стали не всегда проходить мирно; калмыки иногда не пускали русскихъ и не давали имъ соли; приходилось силой брать или уходить ни съ чѣмъ. Въ 1624 г., съ открытіемъ здѣсь залежей алебастра (который былъ принятъ сначала за слюду) русскіе стали еще болѣе стремиться къ удержанію въ своихъ рукахъ долины Иртыша; но привести это въ исполненіе долго не удавалось. Въ 1713 г. сибирскій генералъ-губернаторъ кн. Гагаринъ доносилъ Петру I о возможности построить по Иртышу рядъ крѣпостей. Въ 1715 г. былъ посланъ бригадиръ Бухгольцъ съ 3 тысячами человѣкъ привести это намѣреніе въ исполненіе. Ему удалось уже заложить крѣпость у Ямышевскаго озера, но, осажденный джунгарами, онъ вынужденъ былъ съ большими потерями отступить къ устью Оми, гдѣ на высокомъ лѣвомъ берегу Оми была заложена крѣпость *Омская*. Въ слѣдующіе годы стремленіе русскихъ къ завладѣнію Иртышемъ привелось въ исполненіе: джунгары разрѣшили построить крѣпость у Ямышевскаго озера и укрѣпленіе *Семипалатинское* (1718 г.)—нынѣ *Старо-Семипалатинское*. Въ 1720 г. Лихаревъ съ 440 чел. и пушками проплылъ въ оз. *Зайсанъ* и далѣе въ *Черный Иртышъ*; на обратномъ пути онъ основалъ крѣпость *Усть-Каменогорскую*. Съ этого времени движеніе по всему Иртышу стало болѣе доступнымъ, хотя бухарскіе и другіе караваны отправлялись еще съ охраной. Для усиленія русской власти въ



Ямышевской крѣпости велѣно было приписать семейныхъ въ качествѣ постоянныхъ жителей и завести торговыя сношенія съ Джунгаріей, Тибетомъ и Китаемъ. Усиленіе Джунгаріи въ 30-хъ и 40-хъ годахъ XVIII в. помѣшало прочному основанію здѣсь русскихъ, принудивъ ихъ отказаться временно отъ наступательнаго движенія и заставило обратить главное вниманіе на укрѣпленіе границъ. Въ 1745 г. правительство прислало пять полковъ пѣхоты и конницы для охраны границъ, причемъ велѣно было устроить рядъ новыхъ крѣпостей. Съ этого времени началась усиленная колонизація края военнымъ населеніемъ и постепенное расширеніе русскихъ границъ на югъ и вглубь степей.

Въ 1752 г. ген. Киндерманъ выстроилъ крѣпость *Петропавловскую* и линію редутовъ отъ Омской крѣпости до Оренбургской крѣпостной линіи; (двѣ шестиугольныхъ крѣпости, 9 четырехугольныхъ, 33 редута и 42 маяка, населивъ ихъ 3.642 чел.). Мѣста для крѣпостей выбраны были неудачно (но по кратчайшему разстоянію)—близъ цѣпи горько-соленыхъ озеръ, отчего и вся линія стала называться *Горькой*. Послѣ побѣды китайцевъ надъ джунгарами русскіе хотѣли занять весь Иртышъ до Зайсана, но послѣднее озеро было уже захвачено китайцами; русскіе довели свои крѣпости только до *Бухтармы* (въ 1760 г.). Китайцы выстроили рядъ своихъ крѣпостей по р. *Нарыму* до южныхъ отроговъ *Калбинскаго* хребта, чтобы преградить движеніе русскихъ на югъ. Столкнувшись съ китайцами, русское правительство начало обращать вниманіе на внутреннія киргизскія степи, населеніе которыхъ то переходило въ подданство Россіи, то уходило къ китайцамъ.

Въ концѣ XVIII столѣтія (какъ мы видѣли выше) значительная часть кочевниковъ Киргизскаго края признала русскую власть и кочевала въ русскихъ предѣлахъ. Съ начала XIX столѣтія правительство заботилось объ укрѣпленіи завоеваннаго края; въ городахъ (*Омскѣ*, *Петропавловскѣ*, *Семипалатинскѣ*) оно старалось образовать мѣстное осѣдлое населеніе. Съ этой-же цѣлью было образовано въ 1808 г. мѣстное линейное казачье войско, надѣлено землей, жалованьемъ и продовольствіемъ. Въ 20-хъ годахъ казачье войско захватило лучшую (гористую) часть современнаго Кокчетавскаго у. и появилось на мѣстѣ современныхъ *Акмолинска*, *Баянъ-Аула*, *Кокчетава* и *Каркаралинска*. Кромѣ казаковъ въ степь проникли русскіе промышленные люди, которые открыли тамъ золото, серебряныя и мѣдныя руды. Въ 1837 г. строились пикеты между Кокчетавомъ и Акмолинскомъ; въ этомъ-же году правительство возбуждало вопросъ о перенесеніи южныхъ границъ къ р. *Чу*, но воздержалось отъ этого шага изъ опасенія усилить броженіе среди киргизъ, вызванное возмущеніемъ Кенесары ¹). Съ водвореніемъ спокойствія русское правительство окончательно удержало въ своей власти киргизскія орды, кочевавшія въ предѣлахъ современной Акмолинской и западной части Семипалатинской *обл.* Тѣмъ временемъ шли дальнѣйшія русскія завоеванія—въ Семирѣчьѣ. Наконецъ въ 1860 г. былъ заключенъ Пекинскій трактатъ съ Китаемъ, по которому русская

---

¹) Съ 1847—56 г. въ Кокчетавскій и Петропавловскій у.у. были переселены малороссійскіе казаки и крестьяне Оренбургской и Самарской губ.—болѣе 8 тыс. душъ, а всѣ крестьянскія деревни по Горькой линіи и по Иртышу (до 14 тыс. д.) были перечислены въ казаковъ и прикрѣплены къ землѣ.

граница изъ Нарымской долины отошла къ югу до оз. *Зайсана* (гора *Чакильмесъ*) и черезъ Тарбагатай къ Тянь-Шаню. Это увеличеніе территоріи вызывалось уже торговыми соображеніями: къ этому времени русскіе купцы завели милліонные обороты съ китайцами и монголами, покупая у нихъ чай и сырье и продавая фабричныя издѣлія.

Сношенія велись черезъ Зайсанскій край, гдѣ находилось два главныхъ торговыхъ пути — *Чугучакскій* и *Зайсанскій*; необходимо было имѣть ихъ въ своей власти, чтобы производить торговлю безъ риска. Кромѣ того (какъ мы увидимъ ниже) здѣсь уже поселилось много самовольныхъ переселенцевъ-крестьянъ, не признававшихъ китайской власти. Также выгоднѣе было русскому правительству держать здѣсь охрану противъ набѣговъ дунганъ и другихъ пограничныхъ народовъ, усобицы которыхъ вносили смуту и раздоры въ подвластные Россіи южные народы. Смуты конца 70-хъ годовъ въ западномъ Китаѣ заставили Россію принять участіе въ ихъ усмиреніи, а затѣмъ потребовать себѣ, въ видѣ возмѣщенія расходовъ, расширенія границъ вглубь Китая. Въ 1881 г. Петербургѣ былъ заключенъ трактатъ, по которому къ Россіи отошла полоса земли отъ горы *Кійтына* (въ южномъ Алтаѣ) по р. *Акъ-Кабъ* и *Алкабеку* до *Чернаго Иртыша*. Эта граница остается и до сихъ поръ нашей государственной границей съ Китаемъ.

Съ этого времени на сцену выступаетъ вопросъ о крестьянской колонизаціи края. Въ исключительно военномъ населеніи нужды уже болѣе не было; нужно было позаботиться о созданіи въ краѣ мирнаго культурнаго элемента, который оказалъ бы благотворное вліяніе на покоренныхъ кочевниковъ. Но прежде чѣмъ коснуться вопроса крестьянской колонизаціи восточной части Киргизскаго края, мы скажемъ нѣсколько словъ о завоеваніи западной его части, т. е. территоріи Уральской и Тургайской областей.

Движеніе сюда безвѣстныхъ русскихъ людей началось, по всей вѣроятности, еще съ конца XV вѣка. Въ царствованіе Грознаго здѣсь уже хорошо извѣстны были „воровскіе люди", пришедшіе съ Дона; они спустились по Волгѣ въ Каспійское море и берегомъ дошли до устья *Яика* (Урала), гдѣ и остановились, устроивъ на одномъ изъ рукавовъ рѣки небольшое укрѣпленное селеніе. Край какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ желанію вольницы: онъ былъ богато одаренъ природой (рыба, соль и звѣрь) и почти необитаемъ; отсюда было удобно выходить, когда нужно, въ море и грабить торговые караваны персидскихъ и другихъ купцовъ. Бояться нападеній враговъ или наказаній отъ московскаго царя было нечего: мѣсто было слишкомъ удалено отъ Персіи и отъ Москвы. Первое время вольница тѣмъ и занималась, что лѣтомъ промышляла разбоемъ, а зимой проживала въ устьѣ Урала. Слухи о привольномъ житьѣ скоро разнеслись по Волгѣ и Дону, вызвавъ усиленный притокъ новой вольницы. Жить всѣмъ на устьѣ стало однако тѣсно: приходилось двигаться вверхъ по рѣкѣ. Въ среднемъ и верхнемъ теченіи Яика вольницѣ пришлось столкнуться съ татарами, башкирами и калмыками. Частыя столкновенія съ ними побудили вольницу попытаться узаконить свое положеніе, чтобы дѣйствовать далѣе отъ имени московскаго царя и получить отъ него поддержку. Посланные съ челобитной добились отъ Михаила Θеодоровича признанія вольницы за служилыхъ людей, и ей оффиціально пожаловано было все теченіе Яика отъ вершинъ до устья. Съ этого времени движеніе разнаго рода вольницы еще болѣе усилилось; сюда или какъ на новую родину, бѣжали отъ крѣпостныхъ притѣсненій, отъ религіозныхъ преслѣдованій, отъ наказаній за преступленія. Пріѣзжали сюда, хотя очень рѣдко, и промышленники за рыбой. Одинъ изъ первыхъ такихъ промышленниковъ Гурьевъ основалъ (въ 1640 г.) даже особый городокъ на устьѣ Яика, который носитъ его имя и до сихъ поръ.

Скопленіе вольницы и разнаго рода безпокойныхъ людей на отдаленной территоріи хотя и способствовало укрѣпленію здѣсь русскаго владычества, но создало много хлопотъ правительству. Вольница представляла благодарную почву для всякаго рода волненій, чѣмъ и пользовались враги московскаго правительства. Во время междуцарствія „яицкіе" казаки оказали плохую услугу московскимъ воеводамъ, а потомъ пріютили у себя Заруцкаго и Марину Мнишекъ. Въ послѣдующіе годы броженіе не прекращалось: вольница не хотѣла признать надъ собой полной власти Москвы, а элементы, озлобленные чѣмъ-либо противъ Москвы, пользовались этимъ для достиженія своихъ цѣлей, волнуя населеніе. Здѣсь же, среди этой вольницы, зародилась у Пугачева мысль „тряхнуть" Москвой и приведена была въ исполненіе, найдя значительное сочувствіе у яицкихъ казаковъ и башкировъ. Правительство, сознавая всю опасность, какую представлялъ этотъ элементъ для государства, не стѣснялось въ крутыхъ мѣрахъ, чтобы, если не смирить, то обезвредить его.

Послѣ наказанія пугачевцевъ были введены ограниченія въ самоуправленіи яицкихъ казаковъ. Именно была введена строгая регламентація службы и даже перемѣнено было самое имя вольницы: вмѣсто „яицкихъ" казаки стали называться *уральскими* (съ 1775 года), а р. Яикъ—*Ураломъ*. Крутыя мѣры оказали свое дѣйствіе, хотя внутреннія броженія не прекращались до XIX в. Съ середины этого столѣтія уральскіе казаки оказали огромную услугу въ дѣлѣ завоеванія зауральскихъ киргизскихъ степей и въ походахъ въ Среднюю Азію: они были такими-же аванпостами русскаго движенія вглубь Киргизскаго края, какими были на востокѣ иртышскіе служилые люди и мѣстная вольница.

Тотъ-же характеръ носило завоеваніе и современной Тургайской области. Небольшая, сѣверо-западная часть ея была населена башкирами, а юго-восточная—киргизами младшей и средней ордъ. Первые, т. е. башкиры, съ появленіемъ среди нихъ фанатиковъ-мусульманъ (послѣ покоренія Казанскаго царства), стали неспокойнымъ сосѣдомъ для русскихъ, что, въ связи съ волненіями яицкой вольницы, не могло не казаться опаснымъ для правительства. Не встрѣтивъ открытаго сопротивленія, русскіе стали занимать мѣста по теченію правыхъ притоковъ Урала и Тобола, гдѣ были построены и крѣпости; постройка ихъ вызвала среди башкиръ возбужденіе, перешедшее потомъ въ возстаніе. Но всѣ возстанія кончались пораженіемъ башкиръ и усиленіемъ русской власти. Въ 1731—32 г. прикочевали къ границѣ Башкиріи средняя и младшая киргизскія орды и отдались въ подданство Россіи. Это заставило усилить положеніе русской власти на границѣ, отчасти для защиты киргизъ отъ джунгаръ, отчасти для поддержанія мирныхъ отношеній между башкирами и киргизами. Послѣднее однако не удалось:

съ одной стороны мусульманская пропаганда, самозванцы и бѣглые, мутившіе среди населенія, а съ другой—вызывающій образъ дѣйствій агентовъ русскаго правительства—способствовали частому возникновенію волненій. Отдача русской администраціей башкирской земли по *Илеку* прикочевавшимъ киргизамъ вызвала большое возстаніе (1735—40), кончившееся страшнымъ избіеніемъ башкиръ. Большую услугу правительству для упроченія власти оказалъ одинъ изъ первыхъ начальниковъ этой границы Неплюевъ. Онъ основалъ современный Оренбургъ и отъ него провелъ три линіи укрѣпленій, которыя прорѣзали край и дѣйствовали сдерживающимъ образомъ на населеніе. Одна изъ такихъ линій—*Нижне-Яицкая дистанція* шла по правому берегу *Урала* (Яика) до Каспійскаго моря: здѣсь было устроено 9 крѣпостей и 19 форпостовъ, защита которыхъ была возложена на яицкихъ казаковъ. Чтобы увеличить русское населеніе, Неплюевъ добился того, что безымянной вольницѣ было разрѣшено свободно осѣдать около форпостовъ и другихъ мѣстъ края. Значеніе этой вольницы стало замѣтно особенно послѣ того, какъ административная колонизація (русскими и татарами) не привела къ положительнымъ результатамъ. Чтобы прикрѣпить казаковъ (вольницу) къ этимъ мѣстамъ, всѣмъ служилымъ людямъ положено было жалованье и право на исключительное пользованіе рыбными богатствами въ р. Уралѣ. Впослѣдствіи къ нимъ были присоединены служилые люди изъ камскихъ поселеній и часть гарнизоннаго населенія изъ Оренбургскаго войска. Изъ нихъ составилось первое русское легальное населеніе на уральской границѣ.

Переходимъ къ *крестьянской* колонизаціи Киргизскаго края.

Акмолинская и Семипалатинская области долгое время были оффиціально закрыты для переселенія. Однако, уже за нѣсколько лѣтъ до возбужденія вопроса о возможности и разрѣшеніи колонизаціи степи земледѣльческимъ элементомъ, жизнь взяла свое. Такъ, въ 1866 г. образовались крестьянскіе поселки въ Акмолинской области, причемъ часть переселенцевъ, появившихся въ краѣ или случайно, или по вызову родственниковъ-казакóвъ, осѣдала по казачьимъ станицамъ съ конца семидесятыхъ годовъ и до половины восьмидесятыхъ самовольно устраивались, арендуя земли у киргизъ.

Представителями этой самовольной колонизаціи края въ большинствѣ случаевъ являлись частью мѣщане разныхъ сибирскихъ городовъ, а главнымъ образомъ крестьяне Тобольской губерніи изъ Курганскаго и Ишимскаго уѣздовъ, прилегающихъ къ Акмолинской обл., и уже населенныхъ настолько густо, что тамъ стала ощущаться, нѣкоторая, правда очень относительная, тѣснота при вошедшемъ въ обыкновеніе слишкомъ экстенсивномъ (полухищническомъ) землепользованіи. Переселеніе это велось систематически и въ извѣстной степени раціонально. Обыкновенно желавшіе переселиться въ Акмолинскую область высылали туда ходоковъ, которые высматривали подходящія мѣста, арендовали у киргизъ небольшіе участки (изъ-полу или за небольшую плату), дѣлали распашки и посѣвы и, убѣдившись въ доброкачественности (вѣрнѣе въ полной нетронутости, дѣвственности) почвы и угодій, законтрактовывали эти земли юридическими актами на извѣстные сроки. Новоселы, убѣдившись въ высокомъ качествѣ своихъ участковъ, начинали энергично вызывать къ себѣ земляковъ или принимать странствующихъ русскихъ переселенцевъ. Такимъ образомъ среди киргизскихъ степей возникали русскіе поселки въ нѣсколько десятковъ домовъ, со всѣмъ деревенскимъ обзаведеніемъ. Съ теченіемъ времени и увеличеніемъ населенія, въ отношеніяхъ между хозяевами-киргизами и арендаторами-переселенцами (иногда заходившими слишкомъ далеко въ эксплоатаціи своихъ невѣжественныхъ хозяевъ) возникали недоразумѣнія, кончавшіяся вмѣшательствомъ администраціи. При этомъ крестьяне обыкновенно возбуждали ходатайства объ образованіи русскаго поселенія на занятой ими землѣ. До перваго (въ 1879 г.) оффиціальнаго разрѣшенія на образованіе въ краѣ русскаго населенія такихъ семей въ области проживало 317.

На почвѣ арендныхъ соглашеній была возможна и совершалась позднѣе персональная колонизація и другихъ мѣстностей Киргизской степи—въ Тургайской области и въ Павлодарскомъ уѣздѣ Семипалатинской области. Но естественный и необходимый переходъ отъ аренднаго пользованія киргизскими участками къ собственному землепользованію всюду совершался туго, доставляя русскимъ насельникамъ степи всевозможныя мытарства и лишенія (въ Павлодарскомъ уѣздѣ онъ и до сихъ поръ не завершился).

Состояніе русской колонизаціи Киргизскаго края въ 70-хъ годахъ XIX вѣка обрисовано такъ во всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1875 г. одного изъ наиболѣе выдающихся генералъ-губернаторовъ Западной Сибири ген. Казнакова:

„Положеніе степныхъ областей“, читаемъ мы въ этомъ отчетѣ, „требуетъ особеннаго вниманія. Со времени принятія киргизами русскаго подданства, успѣхи, сдѣланные ими въ гражданственности, ничтожны. Попытки перехода къ земледѣлію остались почти только тѣ, которыя были введены китайскимъ правительствомъ. Между тѣмъ доколѣ киргизы будутъ одиноко совершать въ пустынныхъ пространствахъ степей огромныя орбиты своихъ кочевокъ, вдали отъ русскаго населенія, они останутся вѣрноподданными лишь по названію и будутъ числиться русскими только по переписямъ. Сопредѣльные съ ними по линіи казаки, по малочисленности своей, не принесли дѣлу пользы, но сами научились поголовно киргизскому нарѣчію и переняли нѣкоторыя, впрочемъ безвредныя, привычки кочевого народа“.

Поднимая вопросъ о необходимости заселенія Киргизскаго края чисто-земледѣльческимъ элементомъ—крестьянами, генералъ-губернаторъ Казнаковъ ставилъ для новой колонизаціи широкія задачи и вполнѣ опредѣленно намѣчалъ ея основные принципы: „осторожное“, говоритъ онъ, „безъ стѣсненія кочевого населенія водвореніе внутри степей осѣдлаго населенія, частое общеніе русскаго населенія съ киргизами и наглядный примѣръ болѣе удобной жизни представляетъ единственное средство, могущее смягчить нравы и поднять уровень благосостоянія полудикаго народа“.

Этотъ взглядъ на колонизацію Киргизскаго края нашелъ себѣ поддержку въ центральной власти. Поэтому рѣшено было образовать на киргизскихъ земляхъ русскія поселенія, которыя предполагалось размѣщать главнымъ образомъ при почтовыхъ и коммерческихъ трактахъ, такъ какъ это даетъ извѣстныя удобства для передвиженія торговыхъ транспортовъ, а развитіе хлѣбопашества на пунктахъ новыхъ поселеній должно было удешевить хлѣбъ и обезпечить существованіе кочевниковъ. Для проведенія въ жизнь всѣхъ этихъ предначертаній была образована при главномъ управленіи Западной Сибири особая коммиссія, которая должна была выработать положеніе о порядкѣ колонизаціи степи.

Вслѣдъ затѣмъ было приступлено къ работамъ по образованію переселенческихъ участковъ. Сначала были произведены предварительное обозрѣніе и изысканіе удобныхъ мѣстъ для возведенія въ степи осѣдлыхъ поселеній, а затѣмъ было приступлено къ производству надлежащихъ съемочныхъ работъ. Хотя всѣ эти подготовительныя работы продолжались четыре года (при участіи въ спеціально предназначенныхъ къ тому коммисіяхъ уѣздныхъ начальниковъ, которые должны были являться защитниками интересовъ киргизъ), но они въ значительной мѣрѣ не оправдали возлагавшихся на нихъ надеждъ, вслѣдствіе того, что не было твердой основы для выбора мѣстностей, годныхъ для образованія участковъ — не было надлежащихъ детальныхъ естественно-историческихъ и статистическихъ данныхъ, вслѣдствіе чего необходимые разсчеты зачастую приходилось производить слишкомъ грубо и приблизительно.

Элементъ, необходимый для заселенія заготовленныхъ участковъ, былъ уже въ области: то были переселенцы, такъ или иначе обосновавшіеся въ степи. Поэтому уже въ 1879 г. на двухъ участкахъ въ Кокчетавскомъ уѣздѣ были основаны поселки, заключавшіе въ себѣ до 164 ревизскихъ душъ (причемъ на душу было нарѣзано 30 десятинъ). Въ 1880 — 1881 г.г. были заселены еще 9 участковъ (435 душъ м. п.) также въ Кокчетавскомъ уѣздѣ. Съ 1882 г. было рѣшено уменьшить норму надѣла до 15 дес., такъ какъ это количество земли, по разсчетамъ центральныхъ органовъ, было признано достаточнымъ для обезпеченія крестьянской семьи. Въ 1882—1884 г.г. въ Атбасарскомъ уѣздѣ были заселены 7 намѣченныхъ участковъ (съ 210 душами м. п.). Такимъ образомъ изъ 30 заготовленныхъ участковъ остались незаселенными 12 участковъ, т. е. 40%. Эти участки повидимому пустуютъ и до настоящаго времени по своей непригодности для земледѣльческаго населенія.

Засельщикамъ участковъ при поселеніи предоставлялись слѣдующія льготы: 1) право выбора участка; 2) льгота отъ платежа податей и отъ натуральныхъ повинностей, кромѣ воинской, на десять лѣтъ, если переселенцы втеченіе двухъ лѣтъ обзаведутся постройками и приступятъ къ распашкѣ надѣла; 3) на первоначальное обзаведеніе: а) безплатно 100 корней и по 20 руб. безвозвратно на каждый дворъ и б) на земледѣльческія орудія и на пріорѣтеніе скота по 20 руб.—также безвозвратно.

Несмотря на всѣ эти привилегіи, новоселы перенесли немало тяжелыхъ испытаній. На большинствѣ участковъ, занятыхъ переселенцами, почва оказалась очень дурного качества и ничего не родила, лѣса и луговъ было вездѣ нарѣзано въ недостаточномъ количествѣ, а нѣкоторые участки были лишены питьевой воды. Много претерпѣли новоселы также и отъ незнакомства съ мѣстными климатическими условіями: хлѣбъ у нихъ то погибалъ отъ засухи, то вымерзалъ отъ морозовъ, то наконецъ потреблялся бичемъ степей—кобылкой (саранчей). Въ довершеніе бѣдъ новоселамъ пришлось пережить подрядъ три неурожайныхъ года, и дошедшіе до крайности, они цѣлыми семьями стали уходить на пріиски и заводы сосѣднихъ уѣздовъ въ поискахъ за работой. Въ то-же время переселенцы ежегодно обращались съ просьбами о пособіи не только на обсѣмененіе полей, но и на продовольствіе, такъ что за четыре года—съ 1880 по 1884—имъ было выдано до 26 тыс. руб. или приблизительно по 30 руб. на каждую ревизскую душу. А около половины 1884 г. выяснилось, что новоселы десяти селеній, т. е. около 55,6°/₀ всѣхъ поселившихся крестьянъ, послѣ трехлѣтнихъ тщетныхъ попытокъ устроиться, очутились въ такомъ безнадежномъ состояніи, что администрація должна была переселить ихъ на новые участки, а нѣсколько семей тогда-же ушло на родину. Даже лучшія изъ крестьянскихъ поселеній, какъ въ этомъ пришлось при ревизіи лично убѣдиться акмолинскому губернатору Ливенцову, представляли безотрадный видъ: во всѣхъ поселеніяхъ онъ видѣлъ много наглухо заколоченныхъ домовъ; нигдѣ почти ему не пришлось наблюдать домашняго скота, а запасовъ хлѣба нигдѣ не было.

Съ бóльшимъ успѣхомъ за тотъ-же періодъ времени шла самовольная колонизація, но ей приходилось испытывать трудности своего такъ сказать „узаконенія“.

Неудачи правительственной колонизаціи начала 80-хъ годовъ заставили мѣстную власть принять мѣры къ пріостановкѣ прилива переселенцевъ со второй половины этого десятилѣтія. Но на практикѣ оказалось невозможнымъ остановить стихійное движеніе переселенцевъ въ киргизскія степи—„на Ишимъ“, окрестности котораго издавна славились своими угодьями, лучшими во всей Акмолинской области: прекрасной пахатной землей, заливными лугами, достаточнымъ количествомъ лѣса и изобильными рыбою и дичью старицами (прежнія русла рѣкъ) и озерами. Количество переселенцевъ прогрессивно возрастаетъ съ каждымъ годомъ, что видно изъ нижеслѣдующей табличкп, составленной на основаніи матеріаловъ, собранныхъ чинами переселенческаго отряда Западной Сибири при поземельномъ устройствѣ крестьянъ-новоселовъ Кокчетавскаго и Петропавловскаго уѣздовъ въ 1891 году:

Годы.	Число семей	Число душъ (приблизительно).
1860—1875	80	150
1876—1878	287	1.700
1879—1881	304	1.800
1882—1884	373	2.200
1885—1887	418	2.500
1888—1890	2.140	12.000 [1].

Эта таблица не захватываетъ переселенцевъ всей Акмолинской области: сюда не входятъ новоселы Атбасарскаго и Акмолинскаго уѣздовъ (въ Атбасарскомъ уѣздѣ за этотъ періодъ времени—1860—1890 г.г.—образовано 10 поселковъ, а въ Акмолинскомъ—одинъ).

Съ конца восьмидесятыхъ годовъ появились и прочно обосновавшіеся переселенческіе поселки въ Семипалатинской области. Однако здѣсь колонизація совершалась гораздо медленнѣе, также не безъ осложленій. До 1887 г. въ Семипалатинскомъ уѣздѣ было только пять крестьянскихъ поселковъ (*Александровской* волости), которые были образованы въ 1871 г. изъ упраздненныхъ казачьей станицы *Канонирской* и четырехъ казачьихъ выселковъ съ сохраненіемъ прежняго земельнаго надѣла (т. е. по 30 десятинъ на душу). Въ 1887 г. генералъ-губернаторъ Г. А. Колпаковскій, придавая большое значеніе осѣдлому населенію сопредѣльныхъ съ Китаемъ окраинъ, командировалъ въ расположенную въ горахъ Алтая восточную часть Семипалатинской области особую коммисію для осмотра урочищъ въ долинѣ озера *Марка-Куль* и рѣки *Кара-Кабы*, уступленныхъ Китаемъ въ 1881 г. Россіи, и для выбора мѣстъ для устройства русскихъ поселеній. Вслѣдъ за коммисіей тотчасъ-же явились въ область и самовольные переселенцы изъ Томской губерніи, гдѣ быстро разнесся среди крестьянскаго населенія ложный слухъ о даровой раздачѣ земли на границѣ.

---

[1] Эта цифра, по всей вѣроятности, ниже дѣйствительности.

Съ девяностыхъ годовъ начался усиленный наплывъ въ Акмолинскую область переселенцевъ, съ которыми администрація первое время не знала, что дѣлать и куда размѣщать. Такъ, лѣтомъ 1890 года скопилось въ области никуда не причисленныхъ переселенцевъ болѣе 17 тыс. человѣкъ (въ Кокчетавскомъ уѣздѣ—болѣе 14 тыс., въ Атбасарскомъ—1.728 и въ Петропавловскомъ — 1.200 душъ обоего пола). Переселенцы буквально наводнили всѣ казачьи и крестьянскія поселенія; но такъ какъ вездѣ все было переполнено, то они цѣлыми массами безцѣльно блуждали изъ поселка въ поселокъ, въ тщетныхъ поискахъ пристанища. Уѣздныя власти, не видя возможности какъ-нибудь устроить всѣхъ этихъ несчастныхъ и опасаясь волненія и развитія различныхъ эпидемій, употребляли всѣ мѣры, чтобы удалить переселенцевъ изъ предѣловъ области, тѣмъ болѣе, что трудно было убѣдить невѣжественную, темную массу крестьянства въ томъ, что селиться, гдѣ придется, нельзя, хотя земли и много. Преувеличенные слухи и письма переселившихся земляковъ о привольномъ житьѣ на новомъ мѣстѣ, а съ другой стороны—неурожаи и вообще тяжелое экономическое положеніе на родинѣ—особенно побуждали крестьянство двигаться въ Киргизскій край, несмотря ни на какія запретительныя мѣры.

Саманная хата на вновь образовавшемся поселкѣ на урочищѣ Кайракъ-Куль Петропавл. у. (По фот. Э. А. Ярженовскаго).

Уже въ 1890 г. было образовано въ Кокчетавскомъ и Петропавловскомъ уѣздахъ 11 новыхъ поселковъ, въ которыхъ поселилось до $8^{1}/_{2}$ тыс. душъ мужского пола (около 17 тыс. обоего пола).

При устройствѣ 11 тыс. переселенцевъ на долю командированнаго чиновника выпала чрезвычайно трудная работа. Втеченіе двухъ-трехъ мѣсяцевъ ему пришлось устраивать тысячи крестьянскихъ семей изъ 30 различныхъ губерній, большею частью уже разорившихся. Работа была спѣшная. Некогда было обращать вниманіе на то, куда выгоднѣе было бы помѣстить ту или другую семью. Требовалось только распредѣлить огромныя толпы жаждущихъ найти какое-нибудь пристанище и притомъ какъ можно скорѣе. Распредѣленіе дѣлалось упрощеннымъ способомъ. Всей массѣ наличныхъ переселенцевъ, собравшихся въ томъ или другомъ мѣстѣ, предлагались разные участки, которыхъ переселенцы заранѣе не знали.

Вслѣдствіе спѣшности распредѣленія переселенцевъ по участкамъ, поселки оказались составленными изъ переселенцевъ самыхъ разнообразныхъ мѣстностей (въ нѣкоторыхъ были представители болѣе, чѣмъ изъ двадцати губерній). Иногда даже родственнымъ семьямъ не удавалось записываться на одинъ и тотъ-же участокъ, изъ-за чего начинались потомъ долгія хлопоты, причинявшія новоселамъ много убытковъ. Въ самыхъ поселкахъ скоро дала себя почувствовать эта случайность ихъ состава, и возникшая отсюда рознь среди новоселовъ мѣшала мирному теченію жизни.

Для поземельнаго устройства переселенцевъ была командирована въ 1891 г., по ходатайству степного генералъ-губернатора, въ Акмолинскую и Семипалатинскую области часть западно-сибирскаго переселенческаго отряда, которая отвела подъ неустроенныя еще 24 поселенія въ Кокчетавскомъ и Петропавловскомъ уу. (на 10.940 д. м. п.) 250 тыс. дес. земли и подъ 4 участка въ Семипалатинской области, занятые самовольными переселенцами (поселки *Тюсь-Каинскій*, *Балакты-Булакскій* и *Чанагатинскій*—на Алтаѣ и еще одинъ, занятый повидимому позднѣе)—33 тыс. дес.

Хотя доступъ въ Киргизскую степь съ весны 1891 г. и былъ закрытъ оффиціально, однако наплывъ переселенцевъ въ Акмолинскую область безпрерывно продолжался подъ вліяніемъ недорода, охватившаго тогда Россію. Страшный неурожай постигъ и Акмолинскую область. Не успѣвъ обосноваться и зачислиться въ переселенческіе участки въ области, переселенцы, подъ вліяніемъ голода, перешли зимой изъ крестьянскихъ и казачьихъ поселковъ, гдѣ они временно поселились, въ города; въ Омскѣ насчитывалось до 6 тысячъ переселенцевъ, въ Петропавловскѣ ихъ скопилось до 800 человѣкъ, въ Акмолинскѣ и Атбасарѣ—около 600. Съ наступленіемъ весны всѣ они опять разошлись въ разныя стороны. Часть ушла въ Алтайскій округъ и дальше въ Сибирь, часть вернулась назадъ въ Россію, но большинство опять разбрелось по области по разнымъ станицамъ и поселкамъ.

Послѣ громаднаго наплыва въ Сибирь переселенцевъ подъ вліяніемъ голода, въ 1891 г. движеніе это нисколько не ослабѣло, а напротивъ даже увеличилось—съ 82 тыс. въ 1891 году до 84 тыс. въ 1892 году. Изъ этого громаднаго контингента переселенцевъ на долю Акмолинской области выпало однако очень незначительное количество, что̀ объясняется, какъ на это было указано выше, неурожаемъ въ Киргизской степи. Высочайшія повелѣнія отъ 26 марта и 23 апрѣля, узаконившія положеніе массы сибирскихъ переселенцевъ, были распространены и на Степной край, и въ Акмолинской области было водворено 4.390 д. обоего пола (915 семей); при этомъ переселенцамъ были выданы ссуды и пособія изъ переселенческаго кредита.

Съ проведеніемъ Великой Сибирской магистрали и учрежденіемъ Комитета Сибирской желѣзной дороги, въ компетенцію котораго вошло между прочимъ и „содѣйствіе заселенію и промышленному развитію прилегающихъ къ дорогѣ мѣстностей“ (сначала въ 100-верстной полосѣ, а затѣмъ и далѣе на югъ), заселеніе Сибири стало на болѣе раціональную почву. Такъ, въ частности, колонизація Киргизской степи приняла съ этого времени менѣе безпорядочный характеръ, какъ было раньше, когда обыкновенно переселенцамъ отводили участки уже послѣ того, какъ они поселились на нихъ.

Первое время по проведеніи Сибирской желѣзной дороги переселеніе находилось тѣмъ не менѣе все еще въ неблагопріятныхъ условіяхъ. Переселенцевъ перевозили въ неприспособленныхъ и переполненныхъ вагонахъ; на узловыхъ станціяхъ (Петропавловскъ, Омскъ) скоплялись за лѣто десятки тысячъ и, за неимѣніемъ помѣщеній, переселенцы жили подъ открытымъ небомъ даже въ ненастную погоду [1]. Отсутствіе необходимаго продовольствія и медицинской помощи способствовало сильному развитію болѣзней и смертности. Вскорѣ однако устроены были въ Омскѣ и Петропавловскѣ „переселенческіе пункты“—больничные бараки, при которыхъ находится медицинскій персоналъ и съ переселенческими поѣздами сталъ отправляться фельдшеръ.

Чтобы поставить въ лучшія условія дѣло объ отводѣ переселенцамъ земельныхъ участковъ, были образованы двѣ межевыхъ партіи въ Акмолинской обл. и одна въ Семипалатинской, а для того, чтобы выдѣленіе участковъ происходило безъ нарушенія интересовъ киргизъ, произведено было статистическое и естественно-историческое обслѣдованіе Акмолинской и Семипалатинской областей особой экспедиціей. Межевыя („землеустроительныя“) партіи съ 1893 г. по 1900 г. отвели въ Акмолинской обл. 193 участка на 77.837 д. мужского пола, но, какъ оказалось, эти участки не могли вмѣстить всѣхъ желающихъ. За послѣднія 5 лѣтъ (1896—1900 г.) число устроенныхъ селеній и число новоселовъ (для Акмолинской обл.) выражалось въ слѣдующихъ цифрахъ:

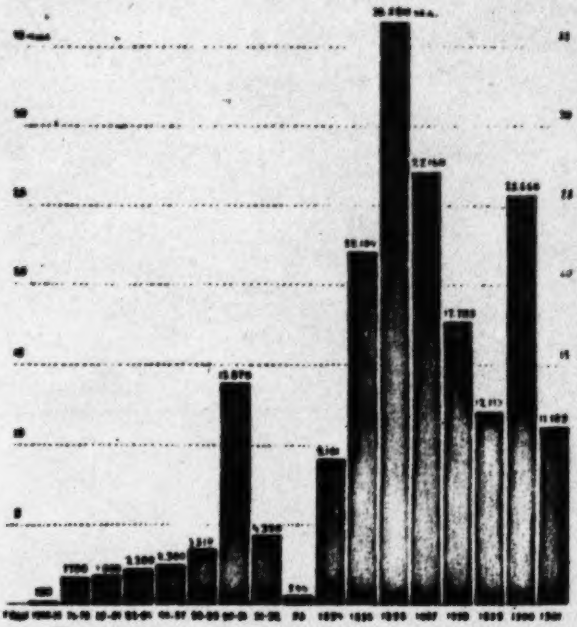
въ	1896 г.	было	132	сел.	съ	99.399	жит.
„	1897 „	„	134	„	„	113.249	„
„	1898 „	„	138	„	„	122.311	„
„	1899 „	„	150	„	„	134.424	„
„	1900 „	„	200	„	„	160.090	„

На приложенной на стр. 162-й діаграммѣ показано движеніе переселенцевъ въ Акмолинскую область съ 1860-хъ годовъ; изъ нея видно, какъ росло оно сначала постепенно (до 1889 г.) и какъ рѣзко мѣнялось въ слѣдующіе годы; колебаніе это объясняется отчасти неурожаями въ Европейской Россіи, которые усиливали переселеніе, и неурожаями въ Сибири, вызвавшими *обратное* переселеніе. Главный процентъ переселенцевъ даютъ сосѣднія съ краемъ губерніи—Пермская и Тобольская (до 50% въ сѣверной части Акмолинской обл.), затѣмъ идутъ Самарская, Саратовская, Воронежская, Курская, Кіевская, Оренбургская, Орловская, Тамбовская,

---

[1] Переселенцевъ перевозятъ по 0,1 коп. съ версты; дѣти до 10 лѣтъ ѣдутъ безплатно

Полтавская, Черниговская, Донская обл. и др. Изъ этого можно заключить, насколько на дѣлѣ условно понятіе малоземелья. При этомъ замѣчено, что крестьяне степныхъ губерній (Самарской, Харьковской, Донской обл.) идутъ въ южные степные уѣзды, къ природѣ которыхъ они болѣе привыкли; жители лѣсныхъ губ. (Пермской, Тобольской) выбираютъ участки въ сѣверной части края. Съ 1893 года въ Акмолинской области образовано, какъ мы уже сказали, 193 участка на 77.837 д. м. п.; болѣе всего образовано участковъ въ Петропавловскомъ у. (49 сел. съ населеніемъ въ 21.610), затѣмъ идутъ Кокчетавскій у. (42 сел. съ нас. 19.200). Акмолинскій (46 сел. съ насел. 19.122), Омскій (37 сел. съ насел. 8.141) и Атбасарскій (10 сел. съ нас. въ 6.205 ч.). Кромѣ того образованы въ послѣднее время дворянскіе участки: въ Кокчетавскомъ у. — семь на 2.342 ч. и одинъ на 62 ч. въ Акмолинскомъ у.



Переселенческое движеніе въ Акмолинскую область.

Положеніе переселенцевъ на участкахъ является часто довольно затруднительнымъ. Большинство ихъ — бѣдняки, не имѣющіе возможности сразу поставить крѣпко свои хозяйства; это сказывается на нихъ, особенно, если первый годъ неурожайный: хозяйства совершенно падаютъ, и переселенцамъ приходится голодать. Положеніе ухудшается еще и тѣмъ, что край мало населенъ, а заработковъ на сторонѣ почти невозможно достать: отсутствіе удобныхъ путей сообщенія между прочимъ мѣшаетъ этому. Нельзя сказать, чтобы и выборъ участковъ былъ всегда удаченъ: многіе участки (Акмолинскій у.) оказались безъ воды, или съ плохой водой, другіе — съ плохой почвой и отсутствіемъ сѣнокосовъ. Переселенцы вынуждены были бросить ихъ и, разорившись, уходить на другіе участки. Статистическія изслѣдованія показали, что выгоднѣе переселяться сюда среднимъ хозяйствамъ: богатымъ часто бываетъ невыгодно, а неимущимъ и малорабочимъ трудно; послѣднимъ трудно потому, что при мѣстныхъ почвенныхъ, климатическихъ и др. условіяхъ заведеніе хозяйства требуетъ съ перваго-же года большихъ затратъ денегъ и труда; богатому невыгодно подвергать себя риску потому, что неурожай перваго же года можетъ поставить его въ тяжелое положеніе. Хотя переселенцамъ и выдаются пособія лѣсомъ и сѣменами и денежныя ссуды (въ 1900 г. на всю Акмолинскую обл. было выдано ссудъ на 405.124 руб.), но ихъ нельзя назвать достаточно обезпечивающими переселенца на новомъ мѣстѣ, какъ это и показали послѣдніе три года, когда потребовались сотни тысячъ рублей на продовольствіе переселившихся въ Акмолинскую область.

Въ настоящее время Акмолинская обл. почти совсѣмъ закрыта для переселенія; допускаютъ только въ Акмолинскій у. Въ Семипалатинскую обл. переселеніе только начинается (если не считать самовольныхъ).

Переселенія послѣднихъ лѣтъ не носятъ уже случайнаго характера: большинство семей шло на участки, выбранные довѣренными лицами—„ходоками“, а не куда глаза глядятъ. Съ другой стороны мѣстная администрація — на родинѣ земскіе и крестьянскіе начальники слѣдятъ за тѣмъ, чтобы не отпускать въ Сибирь тѣхъ, кто не приписался къ какому-нибудь участку; принимались мѣры и къ тому, чтобы задерживать состоятельныя семьи; были наконецъ изданы оффиціально наставленія ходокамъ при выборѣ участковъ. Все это значительно способствовало упорядоченію переселенческаго движенія.

Колонизація западной части края (Тургайской и Уральской областей) крестьянскимъ населеніемъ началась сравнительно недавно и въ скромныхъ размѣрахъ, отчасти потому, что и самыя области въ ихъ нынѣшнемъ составѣ образованы недавно, отчасти потому, что въ нихъ мало мѣстъ, пригодныхъ для земледѣлія, а Уральская область совершенно закрыта для переселенія; въ настоящее время въ ней есть небольшія крестьянскія колоніи только въ *Темирѣ*, *Уилѣ* (*Шиповскій* поселокъ) и *Жилой Косѣ* (на берегу Каспійскаго моря); но ихъ нельзя назвать земледѣльческими. Колонизація Тургайской обл. началась съ основаніемъ въ 1869 г. первой крѣпости *Ак-Тюбе*, вокругъ которой осѣло нѣсколько вольныхъ крестьянскихъ семей. Въ концѣ 1870-хъ годовъ здѣсь уже считалось нѣсколько десятковъ дворовъ, которые и стали просить о припискѣ, приписаться было разрѣшено и дозволено селиться на другихъ мѣстахъ (на арендованныхъ у киргизъ земляхъ). Въ 1886 г. въ Актюбинскомъ у. было 177 дворовъ, а, по переписи 1897 г.,—23.400 чел. обоего пола. Кустанайскій у., какъ самый плодородный во всей западной части края, заселяется быстрѣе. Первые колонисты появились, по вызову администраціи, въ 1881 г., при основаніи г. *Кустаная*; въ томъ же году въ новомъ городѣ появилось 1.200 семействъ крестьянъ-земледѣльцевъ (нѣкоторые изъ нихъ жили ранѣе на арендованныхъ у киргизъ участкахъ). Въ 1889 г. въ городѣ числилось уже 18 тысячъ жителей Затѣмъ населеніе начало убывать, благодаря неурожаямъ и переходу на другіе участки. По переписи 1897 г., въ Кустанаѣ жило 14.065 жит. Это не помѣшало однако новымъ переселенцамъ осѣдать въ уѣздѣ. Для урегулированія этого движенія были приняты мѣры къ выдѣленію опредѣленныхъ участковъ для переселенцевъ. Съ 1885—88 годовъ въ с.-з. части уѣзда было основано одиннадцать поселковъ. Но такъ какъ не былъ выясненъ вопросъ, насколько нарушаются этимъ интересы киргизъ, то поселки получили землю только въ аренду. Только уже послѣ статистическаго изслѣдованія въ

1899 г. (экспедиція Щербины) было выяснено, что безъ всякаго ущерба для киргизъ переселенцамъ могутъ быть выдѣлены большіе участки. Въ Кустанайскомъ у. было выдѣлено около 300 тыс дес., и образовано съ надѣлами 11 поселковъ. Съ этого времени переселенческое дѣло здѣсь было поставлено въ одинаковыя условія съ другими степными областями Сибири.

Нѣсколько особенный характеръ носитъ колонизація Алтая въ предѣлахъ разсматриваемаго края. До самаго послѣдняго времени она сохранила на себѣ отпечатокъ тѣхъ чертъ, какія носила вольная колонизація Сибири въ XVI и XVII вѣкахъ. Колонизаціонный элементъ не составлялся изъ казаковъ или служилыхъ людей; это были безъимянные люди, но отважные и рѣшительные, которымъ тяжело жилось на родинѣ, и они двинулись „куда глаза глядятъ" искать себѣ новую родину. Естественно, что движеніе это должно было направиться на югъ, въ горы, гдѣ природа богаче, и гдѣ можно было легко укрыться отъ всякихъ враговъ и преслѣдованій. Здѣсь мы остановимся только на исторіи заселенія юго-западныхъ алтайскихъ долинъ, входящихъ въ предѣлы Семипалатинской области.

Временное жилище переселенцевъ въ Акмолинскомъ у.

Въ 1761 г., когда основана была *Бухтарминская* крѣпость, обнаружилось, что въ окрестныхъ горахъ есть уже русскія поселенія, образованныя русскими звѣропромышленниками, бѣглыми крестьянами и всякого рода иной вольницей. Русскому правительству приходилось такимъ образомъ ловить своихъ же русскихъ и облагать ихъ ясакомъ, или совсѣмъ высылать на мѣста приписки. Несмотря на это, съ образованіемъ южной пограничной линіи, переступать которую строго запрещалось, въ Джунгарской землѣ къ 1761 г. существовало уже 17 русскихъ поселеній (по р. *Бухтармѣ*). Очевидно, что ни строгіе запреты, ни наказанія не могли остановить русской вольницы: стремленіе къ свободѣ и приволью брало верхъ надъ страхомъ быть наказаннымъ за ослушаніе. Кто были эти передовые посты русской колонизаціи, точно выяснить трудно; часть ихъ, услышавъ о приближеніи русскихъ отрядовъ, обыкновенно бросала поселенія и уходила дальше въ горы. Но, какъ мы увидимъ ниже, сюда бѣжали чаще всего крестьяне, особенно заводскіе, отъ тяжелыхъ условій жизни; были здѣсь и преступники, скрывавшіеся отъ наказанія, спасались сектанты отъ гоненій за свои обычаи, были наконецъ и звѣропромышленники.

Природа Алтая какъ нельзя лучше соотвѣтствовала стремленію этихъ людей: съ одной стороны цвѣтущія, плодородныя долины, обиліе звѣря и рыбы, съ другой—высокіе, недоступные хребты и очень рѣдкое туземное населеніе. Неудивительно, что въ глазахъ вольницы эти мѣста имѣли особенно притягательную силу. Нельзя однако отрицать того, что для рѣшимости идти селиться въ чужую, невѣдомую страну у этихъ людей было много мужества и даже геройства (нижеприведенные примѣры показываютъ это). Нельзя смотрѣть на это движеніе какъ на простое бродяжничество; какъ мы увидимъ ниже, вольные колонизаторы съ перваго же года заводили хозяйство и дѣлались осѣдлыми. Это переселеніе отчасти напоминало заселеніе Дона или Сѣчи въ Европейской Россіи или таперство и скваттерство въ первые годы завоеванія Америки. Какъ тамъ, такъ и здѣсь люди шли искать себѣ новую родину или безопасное убѣжище и находили ихъ. Необычныя условія жизни, какъ и слѣдовало ожидать, выдвинули здѣсь рядъ необыкновенныхъ личностей, окруженныхъ въ народномъ сознаніи ореоломъ особеннаго геройства и съ именемъ которыхъ теперь связанъ цѣлый рядъ легендъ; ихъ именами названы немало рѣчекъ и урочищъ въ горахъ. Вотъ одна изъ такихъ эпопей.

Въ пятидесятыхъ годахъ XVIII столѣтія содержался въ Кузнецкомъ острогѣ за цѣлый рядъ „подвиговъ" (кражи, побѣги и т. п.), нѣкто Аѳанасій Селезневъ. Много разъ сидѣлъ онъ въ острогѣ и одинъ, и съ товарищами; но обыкновенно, какъ только поступала весна, онъ убѣгалъ: „пора селезню крылышки расправить"—говаривалъ онъ, и трудно было его удержать въ неволѣ; зимой-же, не имѣя пристанища, онъ снова отдавался въ руки полиціи. Уходилъ онъ въ лѣса и горы, гдѣ занимался звѣроловствомъ, а при случаѣ не брезгалъ и угономъ чужого скота. Въ послѣдній разъ Селезневъ бѣжалъ съ братомъ и товарищемъ по заключенію; но дорогой онъ поотсталъ въ одной деревнѣ, у знакомыхъ, и былъ тамъ пойманъ. Пришлось снова сидѣть въ тюрьмѣ цѣлыхъ два года; съ нимъ же посадили его девятилѣтняго сына и старика отца. За это время Селезневъ успѣлъ научить своего сына грамотѣ (и часослову) и составить новый планъ бѣгства: дѣйствительно на второй годъ всѣ трое и двое другихъ заключенныхъ убѣжали изъ тюрьмы. Сначала они скрывались въ Касмалинскомъ бору у первыхъ двухъ товарищей, бѣжавшихъ съ Селезневымъ. Здѣсь они держали совѣтъ и порѣшили на томъ, чтобы, взявъ съ собой женъ и что можно изъ хозяйства, двинуться на Бухтарму. За неимѣніемъ нужнаго числа своихъ лошадей, они угнали ихъ изъ сосѣднихъ деревень, нагрузили четыре воза мукой, захватили еще кое-что для хозяйства и двинулись „на Бухтарму", но вѣрнѣе—куда глаза глядятъ. Всего поѣхало семь мужчинъ, одна женщина и мальчикъ. Дорогой имъ пришлось пережить немало страха и лишеній. Надо было незамѣтно переѣхать границу и не встрѣтиться съ бродячими шайками урянхайцевъ; послѣднихъ они избѣжали, но избѣжать встрѣчи съ пограничной военной командой имъ не удалось: у пикета Красноярскаго они натолкнулись на такую команду, отъ которой пришлось искать спасенія верхами, бросивъ всѣ запасы. Послѣ долгихъ скитаній добрались наконецъ смѣльчаки до Бухтармы, гдѣ и построили себѣ двѣ деревянныхъ избы. Селезневъ, какъ человѣкъ бывалый и предусмотрительный, построилъ себѣ избу отдѣльно и укрѣпилъ ее, такъ что она представляла собою блокгаузъ. Занялись селезневцы охотой и рыбной ловлей Но съ первыхъ же дней имъ пришлось защищать себя отъ урянхайцевъ.

Вскорѣ по пріѣздѣ урянхайцы угнали у нихъ всѣхъ лошадей. Въ другой разъ урянхайцы сдѣлали нападеніе на ихъ поселеніе, но селезневцы отсидѣлись въ своихъ избахъ, причемъ были однако двое изъ нихъ ранены. Тогда селезневцы рѣшили перейти въ наступленіе и силой избавиться отъ непріятнаго сосѣдства. Зимой, вооружившись чѣмъ только могли, селезневцы отправились на поиски врага, напали ночью на партію сонныхъ урянхайцевъ и всѣхъ перебили. Приставали къ нимъ и калмыки, но селезневцы повидимому ужиться съ ними не могли. Такъ, одна партія калмыковъ, поселившаяся у нихъ, стала нарушать право гостепріимства—отнимала хлѣбъ у оставшихся, когда селезневцы уходили на охоту; это возмутило ихъ, и они убили калмыковъ. Живя въ чужой странѣ, селезневцамъ приходилось быть каждую минуту на стражѣ, чтобы не допустить внезапныхъ нападеній урянхайцевъ, калмыковъ и другихъ инородцевъ, занимавшихся здѣсь звѣроловствомъ или просто грабежомъ (угономъ скота и др.). Разъ проходила мимо нихъ партія киргизъ-кайсаковъ (до 500 чел.), занимавшаяся грабежомъ окрестнаго населенія. Селезневцы засѣли въ своихъ укрѣпленныхъ домахъ и рѣшились защищаться до послѣдней крайности; но киргизы не рѣшились нападать, очевидно признавъ въ нихъ силу. Въ другой разъ эта-же партія предложила вступить селезневцамъ въ обмѣнъ, не рѣшаясь отобрать у нихъ силой нужные предметы. Оставшись безъ лошадей, селезневцамъ волей-неволей приходилось добывать ихъ тѣмъ-же путемъ у русскихъ. Весной на плотахъ спустился Селезневъ съ

Русскій поселокъ Джума-Базаръ въ пескахъ Тайсуйюнъ.

тремя товарищами внизъ по Иртышу до дер. Прапорщиковой и здѣсь угналъ шесть лошадей; кража однако была замѣчена, и казаки поймали Селезнева съ однимъ изъ его товарищей, а другіе убѣжали. О дальнѣйшей судьбѣ этого, несомнѣнно недюжиннаго человѣка съ большой волей и умомъ, исторія ничего не говоритъ. Изъ слѣдственнаго показанія Селезнева видно, что у него на Бухтармѣ осталось послѣ поимки десять маральихъ и лосевыхъ кожъ, десять куницъ, пять красныхъ лисицъ, два волка, сто бѣлокъ, десять бараньихъ тулуповъ, четыре мѣдныхъ котла, три чугунныхъ, одинъ желѣзный, одинъ мѣденникъ и полтора фунта серебра. Очевидно, что Селезневъ былъ человѣкъ предпріимчивый и занимался не только охотой, но и раскопками въ древнихъ рудникахъ, а можетъ быть и въ курганахъ. По указанію Селезнева, на Бухтарму была отправлена команда казаковъ, которая и поймала селезневцевъ, за исключеніемъ одного, который убѣжалъ. Все добро, накопленное селезневцами, было захвачено казаками и ихъ командиромъ.

Разсказанный эпизодъ даетъ представленіе о томъ, какъ безъименная вольница заселила эти края. Большее значеніе въ дѣлѣ колонизаціи съиграли старообрядцы, или, какъ ихъ здѣсь называютъ, „двоедане". Здѣсь мы коснемся этого движенія только отчасти, такъ какъ главная масса „двоеданъ" шла на югъ современной Томской губ., гдѣ оно и будутъ разсмотрѣно болѣе подробно. Появились они сначала на нижней Бухтармѣ въ сороковыхъ годахъ XVIII столѣтія. Сначала жила небольшая семья очевидно наиболѣе терпѣвшихъ гоненія за свои обычаи и бѣжавшихъ съ пограничныхъ деревень. Неприступность мѣстности защищала ихъ отъ всякихъ преслѣдованій. Достаточно было обжиться здѣсь первой семьѣ, чтобы на слѣдующіе годы сюда потянулись и болѣе рѣшительные. Скоро по Бухтармѣ и ея притокамъ образовалось нѣсколько селеній. Богатая природа и свобода способствовали скорому обогащенію трудолюбивыхъ жителей, и объ ихъ житьѣ пошли заманчивые разсказы. Это вызвало новый усиленный притокъ поселенцевъ; кто шелъ и селился около прежде поселившихся, кто шелъ дальше на новыя мѣста. Массовый побѣгъ пограничнаго населенія не могъ не вызвать стѣсненій со стороны администраціи, но это не помогало; не дали положительныхъ результатовъ и поиски командъ. Попасть въ Бухтарминскую долину съ сѣвера и теперь можно только по одному пути (изъ Усть-Каменогорска) и притомъ съ затрудненіями, а въ прежнее время это было тѣмъ болѣе затруднительно. Чтобы не потерять такъ много рабочаго крестьянства, правительство имп. Екатерины II пошло на уступки: оно обѣщало всѣмъ бѣжавшимъ („каменьщикамъ", какъ называла ихъ администрація за то, что они убѣжали и скрывались въ каменистыхъ горахъ и ущельяхъ) прощеніе съ тѣмъ, чтобы они дали себя переписать и согласились нести подати. „Каменьщики" согласились: оффиціально ихъ стало числиться тогда 318 чел., но на самомъ дѣлѣ ихъ было конечно больше: нѣкоторые не хотѣли записываться, другіе—не могли, въ виду небезупречнаго прошлаго; тѣ и другіе предпочли остаться свободными и передвинулись дальше вглубь горъ.

Присоединеніе „каменьщиковъ" въ 1792 г. не остановило и не могло остановить начавшагося движенія. Причины, создавшія его (тяжелыя условія жизни на родинѣ, особенно заводскихъ крестьянъ, и прикрашенные разсказы о привольной жизни „каменьщиковъ") продолжали существовать и влекли сюда многихъ. Признаніе за „каменщиками" законныхъ правъ на проживаніе въ чужой землѣ скорѣе усилило это движеніе, такъ какъ ободрило къ этому менѣе рѣшительные элементы населенія; для болѣе же отважныхъ оно давало увѣренность, что и на новомъ мѣстѣ они не будутъ наказаны за самовольный уходъ. Дѣйствительно здѣсь съ начала XVIII столѣтія и, какъ мы увидимъ ниже, до настоящихъ дней продолжается какое-то стихійное движеніе русскихъ на югъ, стремленіе найти мѣсто, гдѣ-бы жилось привольно, безъ стѣсненія. Это стремленіе, передаваясь изъ поколѣнія въ поколѣніе, укоренилось въ сознаніи пограничнаго населенія; народная фантазія прибавила къ этому разсказы о существованіи блаженныхъ странъ, гдѣ людямъ нѣтъ ни отъ кого обиды, гдѣ природа щедро разсыпала свои дары,—и вотъ въ сознаніи мѣстныхъ жителей появилось смутное представленіе о дѣйствительности такихъ сказочныхъ странъ или *Бѣловодья*. „Черезъ все XVIII столѣтіе проходитъ неустанное исканіе этого фантастическаго эльдорадо, гдѣ рѣки текутъ медомъ, гдѣ не собираютъ податей, гдѣ, наконецъ, спеціально для раскольниковъ, не существуетъ Никоновской церкви" говоритъ проф. Шмурло. Что населеніе не давало себѣ точнаго и яснаго отчета въ томъ, гдѣ есть такая страна, видно изъ того, что въ XVIII вѣкѣ „Бѣловодья" искали въ сѣверо-западномъ Алтаѣ, и можетъ быть первые піонеры колонизаціи и находили его, но когда сюда передвинулась русская граница, Бѣловодье перешло въ таинственныя Бухтарминскія горы, куда скоро потянулись и „бѣловодцы". Съ появленіемъ тамъ русской власти и болѣе многочисленнаго населенія, народное сознаніе перенесло „Бѣловодье" далѣе на югъ, въ южные, неприступные хребты Алтая, а затѣмъ еще далѣе на югъ—въ Китай. И это естественно: „Надѣляя намѣченную область идеальными качествами, русскій колонизаторъ, попадая въ нее, каждый разъ долженъ неизбѣжно убѣждаться, что и тутъ жизнь имѣетъ свою оборотную сторону, что и тутъ соціальныя отношенія зачастую выступаютъ во всей своей жестокости и неумолимой требовательности. Первоначальная мысль, что онъ нашелъ Бѣловодье, смѣнилась мыслью, что это Бѣловодье въ другомъ мѣстѣ. Такимъ образомъ наступало извѣстное разочарованіе, слабѣе, если новыя условія жизни, при всѣхъ своихъ несовершенствахъ, всетаки оказывались существенно лучше старыхъ, сильнѣе—если разница между брошеннымъ гнѣздомъ и вновь заведеннымъ оказывалась ничтожною. Въ первомъ случаѣ человѣкъ легко примирялся съ мыслью, что Бѣловодье такъ-таки и не далось ему въ руки, во второмъ случаѣ—вновь поднимался съ мѣста при первомъ же случаѣ и шелъ на его поиски" (Шмурло). Для иллюстраціи этого движенія остановимся на нѣкоторыхъ случаяхъ исканія Бѣловодья въ 20—60-хъ годахъ XIX столѣтія.

Въ 1826 г. партія въ 38 чел. (мужчинъ, женщинъ и дѣтей) бѣжала на оз. *Канасъ* (въ китайскихъ предѣлахъ), гдѣ и думала зажить на привольѣ. За ними была послана погоня, которой, однако, не удалось вернуть бѣжавшихъ, и только обѣщаніемъ манифеста о помилованіи воротили ихъ обратно. Большіе размѣры приняло исканіе Бѣловодья въ 1828 г. въ предѣлахъ Томской губ. Въ 1832 г. бѣгали въ Китай 42 крестьянина, но были возвращены. Въ 1861 г. появились крестьяне въ Нарымской долинѣ (дер. Таловка и Медвѣдка), смущенные фантастическими разсказами бывалыхъ людей Бобровыхъ о существованіи гдѣ-то вблизи Бѣловодья: 55 чел. мужчинъ и женщинъ въ тотъ же годъ изъ пограничныхъ деревень перешли границу (р. Нарымъ), перевалили Нарымскій хребетъ и направились „въ Бѣловодье“, но вожаки Бобровы сбились съ пути и вывели партію на призайсанскія пустыни и въ низовья *Алкабека* (на пески). Два года бродила партія въ китайскихъ предѣлахъ, но обѣтованной земли не нашла; да и китайцы не вездѣ позволяли селиться. Ничего не оставалось дѣлать, какъ возвращаться домой. Бобровы и нѣсколько другихъ не захотѣли возвращаться и исчезли неизвѣстно куда. Администрація посмотрѣла на воротившихся снисходительно и даже сдѣлала имъ благодѣяніе—вернула дома и часть имущества, которое было распродано, когда крестьяне задумали искать Бѣловодье. Это не остановило движенія: вскорѣ появились русскія селенія въ горахъ по р. *Кабѣ* и близъ оз. *Марка-Куль*. Хлѣбопашество, пчеловодство, рыболовство, охота—все это давало тамъ хорошіе результаты, и крестьяне, несмотря на протесты киргизъ, основали здѣсь свои деревни. Русскому правительству, при заключеніи трактата съ китайцами (1881 г.), пришлось выговаривать себѣ всю полосу земли между Нарымомъ и Кальджиромъ, какъ фактически уже захваченную русскими. Департаментъ земледѣлія въ 1885 г. включилъ эти мѣста въ число тѣхъ, гдѣ должны быть отведены участки для переселенцевъ, послѣ чего заселеніе ихъ пошло еще быстрѣе. Первые колонисты Кабинскихъ долинъ однако вскорѣ снова поднялись и пошли на новыя мѣста; образованныя деревни запустѣли, но потомъ снова пополнялись пришлымъ населеніемъ; послѣднее, проникшись стремленіемъ къ „Бѣловодью“, само пополнило ряды идущихъ на новыя мѣста, усиливая такимъ образомъ вольную колонизацію края. Въ 1896 г. въ Кабинскихъ долинахъ существовало три оффиціальныхъ деревни (болѣе 500 чел. обоего пола)—*Тюсь-Каинъ*, *Чанагаты* и *Балыкъ-Булакъ*; да можетъ быть человѣкъ до ста или болѣе, ищущихъ „Бѣловодья“ и ушедшихъ въ предѣлы Китая, жило въ горахъ.

Такимъ образомъ и въ настоящее время вольная колонизація, несмотря на препятствія, продолжаетъ существовать и будетъ, пока существуютъ причины, ее создающія. Насколько сильно это стремленіе къ исканію привольныхъ мѣстъ, можно судить по тому, что крестьяне проникаютъ въ самыя глухія мѣстности, преодолѣвая всѣ препятствія: извѣстно, что Пржевальскій открылъ колонію русскихъ крестьянъ-старообрядцевъ въ центральномъ Китаѣ (у Лобъ-Нора).

Въ настоящее время еще нѣтъ возможности подвести итоги крестьянскому заселенію края, какъ потому, что оно еще продолжается, такъ и потому, что прошло еще недостаточно времени. Но во всякомъ случаѣ край много выигралъ отъ переселенія. Разнообразныя природныя богатства края, какъ мы видѣли изъ первой главы, оставались нетронутымъ, мертвымъ капиталомъ; самъ край былъ дикой, почти безлюдной страной, по которой только изрѣдка кочевали киргизы. Коренное осѣдлое населеніе—казаки оказалось неспособнымъ къ колонизаторской дѣятельности, чтò признавала (какъ мы видѣли выше) и мѣстная администрація [1].

---

[1] Не безъинтересно отмѣтить, что съ 1850-хъ годовъ у сибирскихъ казаковъ не возникло ни одного селенія.

При такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ колонизація края и его культурное развитіе совершались бы крайне медленно, природныя богатства оставались бы долго недоступными. Съ появленіемъ крестьянъ, край получилъ довольно значительное земледѣльческое населеніе (болѣе 200 тыс. ч.), былъ прорѣзанъ въ нѣсколькихъ направленіяхъ цѣпью крестьянскихъ деревень и проселочныхъ дорогъ, въ сѣверной же части даже довольно часто. Въ краѣ развилась хлѣбная производительность настолько, что Кустанайскій уѣздъ сталъ одинъ вывозить хлѣба милліоны пудовъ. Съ проведеніемъ Сибирской желѣзной дороги колонизація прилегающихъ степей пріобрѣла еще большее значеніе для культурнаго развитія края.

Грамотность и *распространеніе знаній* опредѣляютъ собой ростъ и культурное развитіе страны. Познакомившись съ исторіей развитія просвѣщенія въ краѣ, мы можемъ составить представленіе объ его культурности въ теперешнемъ состояніи.

Киргизскій край въ этомъ отношеніи находился въ весьма неблагопріятныхъ условіяхъ. Покоривъ край, русскіе не могли перейти къ культурной работѣ потому, что первоначальное завоеваніе совершалось исключительно съ цѣлью обогащенія, и первые завоеватели были совершенно неподготовлены къ культурной роли. Это были грубые, невѣжественные люди съ первобытной нравственностью, съ сомнительнымъ прошлымъ; правда, и при всемъ этомъ, они оказались развитѣе инородцевъ, но не настолько, чтобы, покоривъ ихъ, могли сознательно перейти къ мирной культурной работѣ; они не приложили усилій даже къ тому, чтобы разумно воспользоваться богатыми дарами природы или прокормить себя своимъ трудомъ. Напротивъ, они выбрали другой, болѣе легкій способъ наживы — грабежъ покореннаго инородца и расхищеніе природныхъ богатствъ.

Просвѣтительную роль при завоеваніи восточной части Киргизскаго края могло бы играть тогда только духовенство, но оно было слишкомъ незначительно, и центръ его находился слишкомъ далеко отъ края (Тобольскъ), чтобы можно было оказывать замѣтное вліяніе на жизнь края. Московское правительство, правда, старалось посылать въ Сибирь воеводъ и другихъ своихъ представителей—грамотныхъ; но источниками просвѣщенія эти люди не были, и забота объ этомъ не вмѣнялась имъ въ обязанность; грамотность ихъ служила имъ только для донесеній и приказовъ; московскому правительству, назначая ихъ, приходилось заботиться главнымъ образомъ о томъ, чтобы они не притѣсняли народъ и исправно присылали подати. Сосланные въ тѣ времена грамотные поляки и запорожцы также повидимому не оказали въ этомъ отношеніи какого-нибудь вліянія: скорѣе они забывали здѣсь свои прежнія знанія и грамотность.

Послѣ того, какъ русское населеніе достаточно увеличилось и болѣе или менѣе осѣло на своихъ мѣстахъ (съ конца XVII в.), въ немъ началось стремленіе къ грамотности, но это стремленіе вызывалось чисто эгоистическими побужденіями небольшой сословной кучки. Воеводы, приказные, дьяки и др. служилые люди старались дать своимъ дѣтямъ (или родственникамъ) грамотность, чтобы удержать за своей семьей привиллегированное положеніе. Только въ XVIII вѣкѣ центральная власть (генералъ-губернаторы) выдвинули вопросъ объ открытіи школъ, хотя также не для всего населенія, а только для военнаго сословія. Изъ послужныхъ списковъ 1761 г. видно уже, что на Сибирской линіи (отъ Тобола до Иртыша) изъ 78 урядниковъ и капраловъ—47 были грамотны, изъ 18 офицеровъ—всѣ были грамотны. Въ 1765 году начальникомъ сибирскихъ войскъ Шпрингеромъ были открыты „гарнизонныя школы“ въ *Омскѣ, Петропавловскѣ* и *Ямышевѣ*; эти школы въ первый-же годъ имѣли 240 чел. учащихся. Въ 1789 г. въ Омскѣ была открыта „азіатская школа“ для подготовки переводчиковъ (толмачей); въ ней, кромѣ элементарной грамоты и ариѳметики, преподавались татарскій, турецкій, арабскій и персидскій языки. Позже къ ней были прибавлены землемѣрный и топографическій классы. Въ 1813 г. въ Омскѣ было открыто первое общеобразовательное училище съ военными предметами—„войсковое училище“, нѣчто вродѣ военной гимназіи. О доступномъ же всѣмъ народномъ образованіи тогда серьезно никто не заботился

Духовенство хотя и имѣло съ начала XIX столѣтія свои церковныя школы, но ихъ было мало, и результаты обученія въ нихъ были неудовлетворительны благодаря плохому подбору учителей (малограмотные дьячки, отставные солдаты и т. п.). Казачьи школы (въ Сибирскомъ войскѣ) хотя заведены были также издавна (къ началу 50-хъ годовъ ихъ считалось 60), но въ задачу ихъ входило не распространеніе грамоты во всемъ казачьемъ населеніи: онѣ служили больше для удовлетворенія потребности въ грамотныхъ людяхъ на службѣ (подготовляли писарей, урядниковъ и т. д.). Учителями въ нихъ были такіе-же малограмотные казаки; отпускалось на такую школу по 2 р. 40 к. въ мѣсяцъ.

Дѣло народнаго образованія замѣтно двинулось впередъ въ царствованіе имп. Александра II, когда и въ сибирскомъ обществѣ стало замѣчаться стремленіе къ просвѣщенію вообще. Въ 1860-хъ годахъ въ Акмолинской и Семипалатинской областяхъ существовали уже, благодаря заботамъ одного изъ наиболѣе выдающихся мѣстныхъ генералъ-губернаторовъ, ген. Казнакова, десятки низшихъ школъ (кромѣ казачьихъ), открылось нѣсколько прогимназій; преобразованы были кантонистскія училища (въ Омскѣ) и замѣнены военно-начальными [1]; у казаковъ стали отпускаться средства на стипендіи въ спеціальныя учебныя заведенія и увеличилось число низшихъ школъ. Появились частныя школы (напр. Соколова въ Омскѣ), воскресныя школы, библіотеки уѣздныхъ и городскихъ училищъ стали доступными постороннимъ лицамъ. Параллельно съ этимъ шло открытіе среднихъ и спеціальныхъ школъ, главнымъ образомъ въ Омскѣ, какъ административномъ центрѣ. Въ 1836 г. въ Омскѣ былъ открытъ кадетскій корпусъ; въ 1852 г.—фельдшерская школа; въ 1858 г.—уѣздное училище; въ 1863 г.—Омская женская гимназія; въ 1871 г. были открыты женскія прогимназіи въ Петропавловскѣ и Семипалатинскѣ; въ 1872 г.—

---

[1] До 1856 г. всѣ солдатскія дѣти должны были съ 14 лѣтъ поступать въ кантонистскія школы, гдѣ они и подготовлялись, а потомъ сразу шли на службу. Съ закрытіемъ школъ солдатскимъ дѣтямъ позволено было оставить школы и идти къ родителямъ. „Монаршая милость эта“, говоритъ манифестъ, „возвратила въ нѣдра семействъ до 378 тысячъ малолѣтнихъ (по всей Россіи, а въ Омскѣ—до 600 чел.), которые, получивъ гражданскія права, перестали считать себя при жизни родителей сиротами“.

учительская семинарія въ Омскѣ, въ 1876 г.—мужская гимназія въ Омскѣ. Общество начало относиться къ дѣлу просвѣщенія ревностнѣе: города ассигновали значительныя суммы на поддержку начальныхъ школъ и женскихъ прогимназій [1].

Въ началѣ 1880-хъ годовъ открылось въ краѣ первое частное просвѣтительное общество — „попеченія о начальномъ образованіи“ (въ Омскѣ). Вообще начиная съ 1860-хъ годовъ просвѣщеніе стало дѣлать въ краѣ замѣтные успѣхи. За послѣднее время обращено вниманіе на сельскохозяйственное образованіе и на распространеніе въ краѣ знаній и ремеслъ; съ этой цѣлью съ 1885 г. были открыты въ уѣздахъ низшія сельско-хозяйственныя школы. Наконецъ нельзя не упомянуть объ открытіи въ Омскѣ Западно-Сибирскаго Отдѣла Имп. Русск. Геогр. Общества, который, какъ въ дѣлѣ изученія края, такъ и въ качествѣ просвѣтительнаго общества, занимаетъ видное мѣсто въ исторіи просвѣщенія края, сплачивая около себя лучшія мѣстныя культурныя силы (открытъ въ 1877 г.).

Распространенію грамотности въ *киргизскомъ* населеніи было положено основаніе давно: первыя начальныя школы были открыты даже значительно ранѣе, чѣмъ для русскаго населенія, но русская грамотность среди нихъ весьма незначительна.

Такой неуспѣхъ русской грамоты среди инородцевъ объясняется, можетъ быть, тѣмъ, что въ этихъ школахъ вначалѣ заботились не столько о томъ, чтобы научить дѣтей русской грамотѣ, сколько о томъ, чтобы дать имъ опредѣленное идейное направленіе. Такъ, первыя школы были открыты администраціей въ 1782 г. при многихъ мечетяхъ; учителями были наняты тобольскіе татары для того, чтобы парализовать вліяніе средне-азіатскихъ муллъ на подвластное русскимъ киргизское населеніе. Киргизамъ былъ открытъ вмѣстѣ съ тѣмъ полный доступъ въ русскія училища. Въ семидесятыхъ годахъ XIX столѣтія были открыты во всѣхъ уѣздныхъ городахъ Акмолинской и Семипалатинской областей школы-интернаты исключительно для киргизскихъ дѣтей (впослѣдствіи преобразованныя въ низшія сельско-хозяйственныя школы). Въ настоящее время здѣсь открываются аульныя школы.

Въ Тургайской обл. начало народному образованію положено съ основанія области (1869 г.), на что ассигновано было 800 руб.; но первую школу, двухклассную русско-киргизскую, удалось открыть только въ 1879 г. Затѣмъ развитіе школьнаго дѣла продолжалось довольно успѣшно. Въ 1883 г. была открыта учительская школа въ *Орскѣ* Оренбургской губ. (пограничномъ съ Тургайской обл.), ремесленное училище въ *Тургаѣ*; въ 1887 г. появились русскія волостныя школы; въ 1891 г.—женскія начальныя въ *Тургаѣ*, *Актюбинскѣ*, *Кустанаѣ* и *Кара-Бутакѣ*; въ 1892 г. были спеціально для киргизъ устроены передвижныя аульныя школы, по программѣ, равной двумъ первымъ отдѣленіямъ одноклассныхъ министерскихъ школъ. Есть также около 20 школъ церковно-приходскихъ. Наибольшее число школъ (до 54) находится въ наиболѣе населенномъ уѣздѣ.—Кустанайскомъ, менѣе (до 12)—въ Тургайскомъ. Среднихъ учебныхъ заведеній въ Тургайской области нѣтъ. Въ Уральской области начальное образованіе поставлено довольно удовлетворительно: кромѣ войсковыхъ казачьихъ школъ здѣсь есть министерскія (русскія и киргизскія) и церковно-приходскія. Статистическія данныя за 1900 г. рисуютъ намъ положеніе начальнаго образованія въ краѣ въ слѣдующемъ видѣ (см. таблицу на этой страницѣ).

---

[1] До 1856 г. въ Омскѣ, напр., была одна приходская школа, поддерживаемая двумя купцами, на которую городъ давалъ только 30 руб.; въ 1870-хъ же годахъ городъ содержалъ 4 училища, тратя на нихъ до 4 т. р.

Первое мѣсто по числу школъ занимаетъ Уральская обл., послѣднее — Семипалатинская. Одна школа приходится въ краѣ на 3.065 ч. Наличнаго числа школъ, какъ мы видимъ, весьма еще недостаточно, и мысль о всеобщемъ обученіи въ краѣ — пока недостижимая мечта.

Не въ лучшемъ положеніи находится край и относительно *средняго и спеціальнаго* образованія. Такіе значительные и сравнительно довольно богатые города, какъ Семипалатинскъ и Петропавловскъ, не имѣли до сихъ поръ ни одного средняго учебнаго заведенія (если не считать въ первомъ недавно открытой мужской прогимназіи); между тѣмъ нужда въ нихъ весьма ощущается, такъ какъ имѣющіяся среднія учебныя заведенія въ Омскѣ переполнены. Въ Уральскѣ имѣется реальное (войсковое) училище и женская гимназія — единственныя среднія учебныя заведенія на Уральскую и Тургайскую области, а первое кромѣ того и на весь Киргизскій край. Лучшее положеніе занимаетъ г. Омскъ, гдѣ находятся мужская и женская гимназіи, кадетскій корпусъ, учительская семинарія, механико-техническое, желѣзнодорожное техническое училища и фельдшерская школа. Въ селѣ *Боровомъ* (въ 60 в. отъ Кокчетава) находится лѣсное училище.

ОБЛАСТИ.	Населеніе въ 1900 г.	Пространство въ кв. вер.	Школы М. Н. П.			Духовнаго вѣдомства.			Казачьяго вѣдомства.			Другихъ вѣдомствъ и частныя.			ИТОГО.				Одна школа прих.	
			школ.	мальч.	дѣвоч.	школ.	мальч.	дѣвоч.	школ.	мальч.	дѣвоч.	школ.	мальч.	дѣвоч.	школ.	мальч.	дѣвоч.	Всего.	на жителей	на кв. вер.
Акмолинская.	803.994	479.200	129	6.028	2.354	¹) —	—	—	90	2.765	1.082	22	746	272	241	9.539	3.708	13.247	3.336	1.988
Семипалат.	686.053	442.245	25	1.276	727	13	522	149	56	1.420	457	19	897	—	114	4.115	1.357	5.472	6.018	3.879
Уральская.	691.687	284.412	42	1.835	60	57	1.017	969	107	2.955	977	74	1.665	174	280	²) 7.472	2.180	9.652	2.470	1.015
Тургайская.	461.516	400.830	117	2.466	475	45	1.094	487	—	—	—	—	—	—	162	3.560	962	4.522	2.849	2.474
Весь край	2.443.250	1.606.687	323	11.605	3.616	115	2.633	1.615	253	7.140	1.613	115	3.308	446	797	24.686	8.207	32.893	3.065	2.016

---

¹) Въ томъ числѣ и церковно-приходскія школы.

²) Кромѣ того 183 школъ мастеровъ и мастерицъ съ 1.214 муж. и 915 женщ.

Остается за Омскомъ первенство и со стороны развитія *книжнаго, типографскаго* и *издательскаго* дѣла. Въ Омскѣ есть три частныхъ типографіи (двѣ изъ нихъ съ литографіями) и двѣ правительственныхъ (съ литографіями), картографическое и литографическое заведеніе (Военно-Топографическаго отдѣла); издаются четыре періодическихъ изданія („Степной Край", „Сельскохозяйственный Листокъ"—на русскомъ и киргизскомъ языкахъ, „Епархіальныя Вѣдомости" и „Областныя Вѣдомости") и кромѣ того отдѣльные „Труды" ученыхъ обществъ (Географическаго, Медицинскаго и Сельскохозяйственнаго). Имѣется два книжныхъ магазина и четыре мелкихъ торговли книгами, двѣ публичныхъ библіотеки и двѣ народныхъ читальни. Изъ другихъ городовъ восточныхъ областей края имѣетъ типографію, одну книжную торговлю, библіотеку и періодическое изданіе („Областныя Вѣдомости") Семипалатинскъ; въ Петропавловскѣ есть небольшая книжная торговля и библіотека; въ другихъ городахъ (Акмолинскъ, Кокчетавъ, Каркаралинскъ, Павлодаръ, Усть-Каменогорскъ и Зайсанъ) есть небольшія общественныя библіотеки. Въ западной части края (Уральской и Тургайской обл.) Уральскъ имѣетъ типографію, книжный магазинъ, общественную библіотеку, народную читальню и три періодическихъ изданія („Областныя" и „Войсковыя Вѣдомости" и газету „Уралецъ"). Въ Тургайской области въ Кустанаѣ, Иргизѣ и Актюбинскѣ есть общественныя библіотеки, въ первомъ кромѣ того—народная читальня; типографій и книжныхъ магазиновъ въ области нѣтъ; „Тургайскія Вѣдомости" съ приложеніемъ „Тургайской Газеты" (на русскомъ и киргизскомъ языкахъ) издаются въ Оренбургѣ.

Все сказанное о развитіи книжнаго, типографскаго, издательскаго и библіотечнаго дѣла въ краѣ иллюстрируется нижеслѣдующей таблицей, въ которую внесено кромѣ того и число ученыхъ и просвѣтительныхъ обществъ, играющихъ замѣтную роль въ культурномъ развитіи края:

ОБЛАСТИ.	Типографій и литографій.	Книжныхъ магазиновъ и лавокъ.	Періодическихъ и ученыхъ изданій.	Ученыхъ и просвѣтительныхъ обществъ.	Библіотекъ.		Музеевъ.
					Общественныхъ.	Народныхъ читаленъ.	
Акмолинская	10	6	7	7	6	3	1
Семипалатинская	2	1	2	2	5	2	1
Тургайская	—	—	2	1	3	1	—
Уральская	2	2	3	3	1	2	1
Всего въ краѣ	14	9	14	13	15	8	3

Изъ этой таблицы, а также изъ предъидущаго видно, что Акмолинская обл. (собственно г. Омскъ) занимаетъ въ культурномъ отношеніи первое мѣсто въ краѣ; наиболѣе отсталой является Тургайская обл., культурный ростъ которой тормозится отчасти отсутствіемъ крупныхъ населенныхъ пунктовъ. Высшее образованіе въ краѣ удовлетворяется учрежденіемъ стипендій въ ближайшихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ—Томскомъ университетѣ и технологическомъ институтѣ, Казанскомъ университетѣ и ветеринарномъ институтѣ, Московскомъ университетѣ, сельскохозяйственномъ институтѣ и нѣкоторыхъ другихъ; но такихъ стипендій немного. Край нуждается въ открытіи высшаго сельскохозяйственнаго и ветеринарнаго института, такъ какъ земледѣліе и скотоводство составляютъ краеугольный камень его экономическаго благосостоянія; отсутствіе же ученыхъ и практиковъ-спеціалистовъ по этимъ отраслямъ отзывается весьма неблагопріятно какъ на ихъ теперешнемъ состояніи, такъ и на ихъ дальнѣйшемъ развитіи.

ГЛАВА V.

Распредѣленіе населенія Киргизскаго края по территоріи, его этнографическій составъ, бытъ и культура.

А. Н. Сѣдельникова.

Пространство и административное дѣленіе края.—Сибирское и Уральское казачьи войска.—Количество населенія и распредѣленіе его въ краѣ.—Сравнительная плотность населенія.—Ростъ и движеніе населенія за послѣдніе годы.—Сравнительное количество городского, сельскаго и кочевого населенія.—Величина и ростъ городовъ; густота и людность русскихъ и киргизскихъ поселеній.—Распредѣленіе населенія по поламъ, сословіямъ и вѣроисповѣданіямъ.—Этнографическій составъ населенія.—Общія замѣчанія о „сибирякѣ", великоруссахъ, малоруссахъ и другихъ народностяхъ края.—Сибирскіе казаки.—Уральскіе казаки.—Крестьяне.—Киргизы

Киргизскій край занимаетъ обширную площадь въ 1 606.687 кв. верстъ, что̀ равняется $^1/_3$ всей Европейской Россіи (считая Финляндію, Польшу и Кавказъ) или $^1/_3$ всей Западной Европы, такъ что пространство каждой изъ входящихъ въ его составъ областей равно пространству главныхъ государствъ Европы.

Въ административномъ отношеніи Киргизскій край представляетъ четыре военныхъ области: Акмолинскую, Семипалатинскую, Уральскую и Тургайскую. Учреждены области въ 1868 году изъ земель сибирскихъ и оренбургскихъ киргизъ и земель Сибирскаго и Уральскаго казачьихъ войскъ—для бо̀льшаго удобства въ управленіи киргизами и казачьими войсками, причемъ были сдѣланы большія преобразованія. „Уставъ о сибирскихъ киргизахъ", которымъ опредѣлялась жизнь этой окраины до того, былъ отмѣненъ и было введено новое „Временное положеніе объ управленіи въ степныхъ областяхъ" (въ настоящее время нѣсколько измѣненное). Въ силу этого положенія киргизскія земли признаны государственной собственностью, предоставленной киргизамъ лишь въ общественное пользованіе, а въ управленіи введены значительныя перемѣны. Султанская власть и окружные приказы упразднены; киргизамъ предоставлено народное управленіе (выборными изъ своей среды); ясачная подать замѣнена кибиточнымъ сборомъ и введены различныя другія реформы.

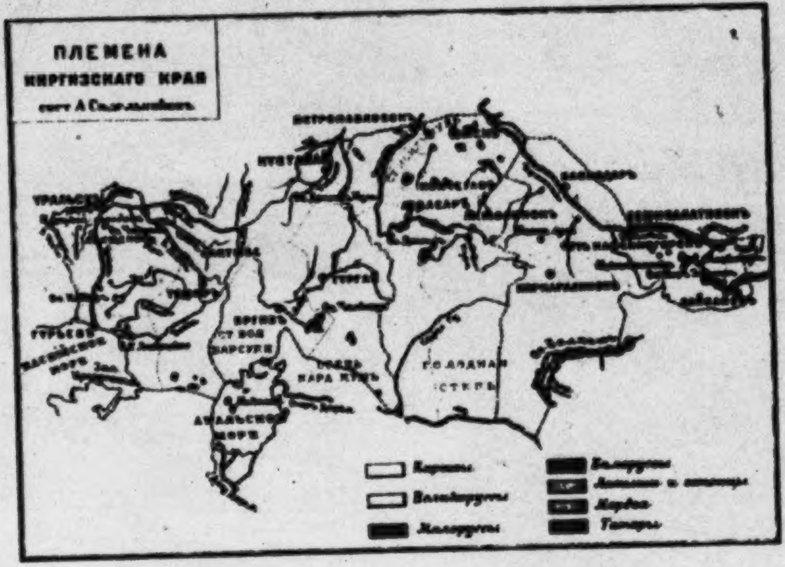
Военное и гражданское управленіе ввѣрялось съ этого времени военнымъ губернаторамъ областей. Акмолинская и Семипалатинская вмѣстѣ съ сосѣдней Семирѣченской составляли (съ 1882 г.) кромѣ того Степное генералъ-губернаторство. Мелкими административными дѣленіями какъ для киргизскаго, такъ и для русскаго населенія являются уѣзды.

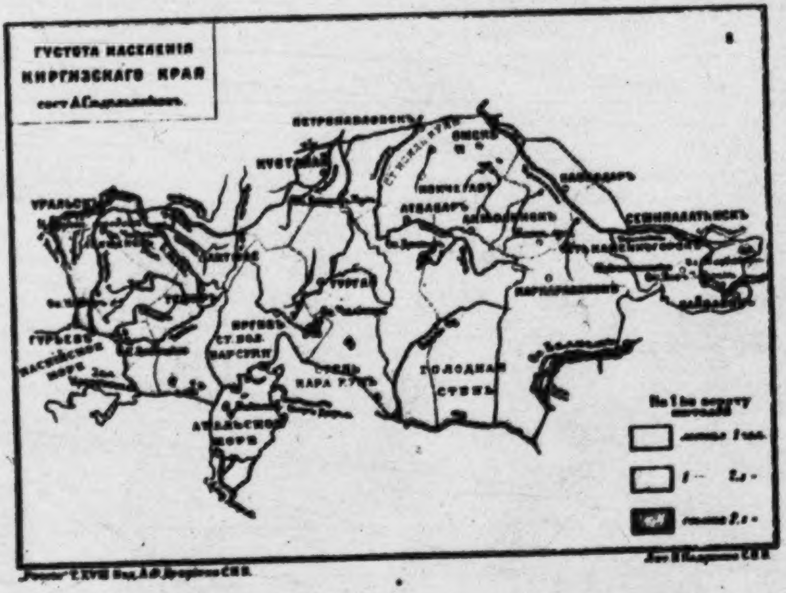
Акмолинская и Семипалатинская области раздѣлены на пять уѣздовъ каждая; Уральская и Тургайская—на четыре уѣзда каждая; такимъ образомъ во всемъ краѣ 18 уѣздовъ. Киргизское населеніе, какъ и русское, разбито кромѣ того по волостямъ. Въ Акмолинской обл.—55 волостей, въ Семипалатинской—84, въ Уральской—60, въ Тургайской—54 (?); волости въ свою очередь раздѣлены на *аулы*, а послѣдніе на *кибитки* (юрты). Во главѣ волостей стоятъ выборные киргизы—волостные старшины; они подчинены непосредственно уѣздному начальнику. Кромѣ того въ составъ Акмолинской и Семипалатинской обл. входитъ, какъ самостоятельное административное учрежденіе, *Сибирское казачье войско*, а въ составъ Уральской—*Уральское казачье войско.*

Основаніемъ Сибирскаго казачьяго войска послужили первые военные колонисты края—„крѣпостные казаки“, состоявшіе изъ разнаго рода ратныхъ людей—городовыхъ, донскихъ, уральскихъ казаковъ, башкиръ, татаръ, малороссовъ и др. Извѣстный казачій писатель Усовъ такъ характеризовалъ Сибирское войско: „Оно не было, подобно Донскому и Яицкому, самобытнымъ продуктомъ земской колонизаціи окраинъ, но во всеоружіи вышло изъ рукъ администраціи и своимъ существованіемъ совершенно обязано правительству. Эта черта запечатлѣлась на всей его послѣдующей исторіи: во все время его существованія правительство, безъ посредства самого народа, производило въ немъ необходимыя реформы, увеличивало его составъ посредствомъ принудительной колонизаціи; открыло ему способы къ внутреннему естественному размноженію, доставляя женъ изъ ссыльныхъ, преступницъ и освобожденныхъ изъ остроговъ колодницъ; сплотило его изъ различныхъ элементовъ въ однородный организмъ, влило образованіе въ невѣжественную темную массу, дало общественныя учрежденія, мѣстное самоуправленіе; изъ общаго ультра-плебейскаго уровня массы выдвинуло на поверхность путемъ служебной выслуги и научнаго воспитанія привиллегированный классъ личныхъ дворянъ и офицеровъ; возбудило экономическую жизнь и дѣятельность хлѣбопахатную, промышленную, торговую, ремесленную и поставило эту дѣятельность въ опредѣленныя, стѣсняющія рамки въ силу военныхъ требованій отъ казаковъ“. Этими немногими словами вполнѣ опредѣляется характеръ Сибирскаго казачьяго войска.

Въ 1808 г. было утверждено положеніе о *Сибирскомъ линейномъ казачьемъ* войскѣ, какъ отдѣльномъ сословіи съ особыми правами, привиллегіями и обязанностями. Въ 1846 г. было введено новое положеніе, которое въ 1861, 69 и 71 г.г. было нѣсколько измѣнено; въ 1880 г. было учреждено новое положеніе о службѣ казаковъ, которое дѣйствуетъ до настоящаго времени. Войско раздѣляется на три военныхъ отдѣла (1-й, 2-й и 3-й); изъ нихъ первые два входятъ въ составъ Акмолинской обл., послѣдній—въ составъ Семипалатинской обл. и части Томской губ. Вѣдѣнію атамановъ отдѣла подлежитъ военное, хозяйственное и администра-

[facing p. 176]


ПЛЕМЕНА
КИРГИЗСКАГО КРАЯ
сост. А. Седельниковъ
ПЕТРОПАВЛОВСКЪ
КУСТАНАЙ
УРАЛЬСКЪ
ГУРЬЕВЪ
КАСПІЙСКОЕ МОРЕ
ИРГИЗЪ
СТ. БОЛ. БАРСУКИ
ТУРГАЙ
АРАЛЬСКОЕ МОРЕ
ПАВЛОДАРЪ
СЕМИПАЛАТИНСКЪ
КАРКАРАЛИНСКЪ
ГОЛОДНАЯ СТЕПЬ
1
Киргизы
Великоруссы
Малоруссы
Белоруссы
Латыши и эстонцы
Мордва
Татары


ГУСТОТА НАСЕЛЕНІЯ
КИРГИЗСКАГО КРАЯ
сост. А. Седельниковъ
ПЕТРОПАВЛОВСКЪ
ОМСКЪ
КУСТАНАЙ
КОКЧЕТАВЪ
АТБАСАРЪ
АКМОЛИНСКЪ
ПАВЛОДАРЪ
СЕМИПАЛАТИНСКЪ
УРАЛЬСКЪ
ГУРЬЕВЪ
КАСПІЙСКОЕ МОРЕ
ТУРГАЙ
ИРГИЗЪ
СТ. БОЛ. БАРСУКИ
АРАЛЬСКОЕ МОРЕ
КАРКАРАЛИНСКЪ
ГОЛОДНАЯ СТЕПЬ
2
На 1 кв. версту приходится
меньше 1 чел.
1 — 2 „
свыше 2 „

тивное управленіе поселками; дѣйствія ихъ подлежатъ наблюденію и руководству войскового правленія и наказного атамана (степного генералъ-губернатора). Поселковое управленіе сосредоточено въ поселковыхъ и станичныхъ управленіяхъ, атаманы которыхъ избираются изъ казаковъ. (Въ настоящее время въ войскѣ 173 поселка и 35 станицъ). Войску принадлежитъ (въ Акмолинской и Семипалатинской обл.) болѣе 5 милліоновъ десятинъ (въ томъ числѣ отданная во временное пользованіе „десятиверстная полоса“—около милліона дес.). Земли войска дѣлятся на три типа: юртовые надѣлы (земли станицъ и поселковъ, изъ которыхъ отводится на мужскую душу по 25 дес. удобной земли), потомственные участки офицеровъ и чиновниковъ и запасные ($^1/_2$ милл. дес.). Войско имѣетъ свой капиталъ (къ 1895 г. 1.008.536 руб.; за послѣдніе годы, вслѣдствіе неурожаевъ и другихъ причинъ, сумма эта значительно уменьшилась). Войско само ведетъ хозяйство, устраиваетъ школьную и врачебную часть и т. д. Въ мирное время оно обязано выставлять до 3.150 чел., въ военное—до 9.120 чел., вполнѣ снаряженныхъ къ войнѣ.

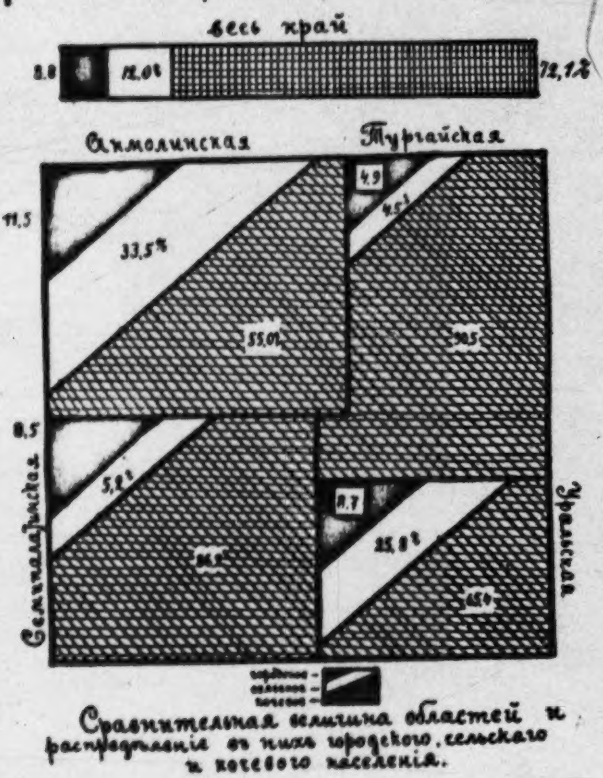
Уральское казачье войско образовано изъ Яицкаго (въ 1775 г., послѣ участія его въ пугачевскомъ бунтѣ); а 1591 г. считается годомъ основанія войска, какъ организованной военной силы. Въ настоящее время войско дѣлится на три военныхъ отдѣла (1-й Уральскій, 2-й Лбищенскій и 3-й Гурьевскій), управляемыхъ атаманами, которые подчинены, какъ и въ Сибирскомъ—войсковому правленію. Послѣднему принадлежитъ руководящая роль; въ его занятіяхъ принимаютъ участіе и съѣздъ выборныхъ отъ станицъ. Мѣстныя дѣла вѣдаются поселковыми и станичными атаманами (всего 135 поселковъ и 31 станица). Войско ведетъ разнообразное хозяйство (изъ нихъ особеннаго вниманія заслуживаетъ рыбный промыселъ); оно имѣло къ 1899 г. войскового капитала 1.874.303 руб. (изъ нихъ 601.000 р. „нѣтчиковаго“ спеціально на снаряженіе казаковъ). Войску принадлежитъ около 6 милл. дес. земли, которая находится въ *общинномъ* пользованіи. Община регулируетъ пользованіе землей, сѣнокосными и другими угодьями, рыбный промыселъ, скотоводство, сборъ ягодъ и др.—вообще такъ или иначе затрагиваетъ всѣ стороны хозяйственной жизни казака. Въ мирное время войско обязано выставлять до 2.500 чел. нижнихъ чиновъ, въ военное—до 8.670 чел. Воинская повинность въ обоихъ войскахъ—одна изъ главныхъ тяготъ, тормозящихъ мирное культурное развитіе казачьяго населенія, такъ какъ до 33 лѣтъ казакъ считается на службѣ и не можетъ свободно заняться хозяйствомъ.

Крестьянское населеніе края въ настоящее время еще не устроено окончательно. Въ первое время крестьянскія поселенія и волости подчинены были наравнѣ съ киргизами уѣзднымъ начальникамъ, затѣмъ для Акмолинской обл. были учреждены особые чиновники по крестьянскимъ дѣламъ, которыхъ замѣнили (съ 1897 г.) крестьянскіе чиновники, а съ 1902 г.—крестьянскіе начальники.

Перейдемъ теперь къ болѣе подробному описанію населенія края.

Насколько Европейская Россія, а въ особенности Западная Европа оживлены тысячами богатыхъ городовъ и селеній съ десятками милліоновъ населенія — настолько безлюдны громадныя пространства Киргизскаго края; на немъ совершенно теряются десятка два городовъ, нѣсколько сотенъ селеній и стоянки киргизъ, съ населеніемъ всего въ 2.643.250 чел., или по 1,6 ж. на 1 кв. вер. По даннымъ 1900 г., населеніе въ краѣ распредѣлялось слѣдующимъ образомъ:

ОБЛАСТИ.	Пространство въ кв. в.	Населеніе.			Жителей на 1 кв. в.
		Осѣдлое.	Кочевое.	Всего.	
Акмолинская . .	479.200	361.770	442.224	803.994	1,6
Семипалатинская	442.245	94.352	591.701	686.053	1,4
Тургайская . . .	400.830	41.224	420.292	461.516	1,1
Уральская. . . .	284.412	238.713	452.974	691.687	2,4
Весь край .	1.606.687	736.059	1.907.191	2.643.250	1,6



Сравнительная величина областей и распредѣленія въ нихъ городского, сельскаго и кочевого населенія.

Наибольшее число населенія приходится, какъ мы видимъ, на Акмолинскую область, наименьшее — на Тургайскую; по плотности населенія первое мѣсто занимаетъ Уральская обл., а послѣднее —Тургайская. Въ силу естественно-историческихъ условій населеніе края распредѣлялось въ областяхъ неодинаково: наиболѣе густо населены *сѣверные* уѣзды или, вѣрнѣе, уѣзды, соприкасающіеся съ губерніями Томской и Тобольской въ Сибири, Астраханской, Самарской и Оренбургской — въ Европейской Россіи. Объясняется это тѣмъ, что здѣсь лежатъ (какъ мы видѣли изъ первой главы) наилучшія по своимъ природнымъ богатствамъ мѣстности, что̀ привлекало какъ аборигеновъ края, такъ и, особенно въ послѣднее время,— переселенцевъ-крестьянъ; имѣло значеніе и то обстоятельство, что прилежащія губерніи населены были гуще, и этотъ избытокъ естественно переходилъ въ предѣлы нашего края (напр. изъ Тобольской губ. въ началѣ 1880-хъ годовъ въ сосѣдніе Петропавловскій и Кустанайскій уѣзды). Наконецъ нельзя не указать и на то, что завоеватели края—*служилые* люди и вольница, составившіе впослѣдствіи Сибирское и Уральское казачьи войска, начали свои наступательныя дѣйствія именно въ этихъ мѣстахъ, а, завоевавъ край, не разошлись по нему, но осѣли по сѣверной, восточной и западной его окраинамъ. Вотъ почему болѣе плотно населены уѣзды Уральскій, Петропавловскій, Кустанайскій, Семипалатинскій, менѣе—такіе малопригодные, по бѣдности природы, внутренніе уѣзды, какъ Атбасарскій, Иргизскій, Тургайскій, гдѣ не только для осѣдлаго населенія, но и для кочевника условія существованія неблагопріятны. Изъ прилагаемой картограммы видно. какъ неравномѣрно распредѣлено населеніе въ краѣ. Средняя плотность населенія весьма незначительна (1,6 чел.), такъ что съ этой стороны Киргизскій край занимаетъ одно изъ самыхъ послѣднихъ мѣстъ въ Россіи.

Если сравнить современное количество населенія съ тѣмъ, какое было двадцать лѣтъ назадъ, то мы увидимъ, что оно значительно увеличилось:

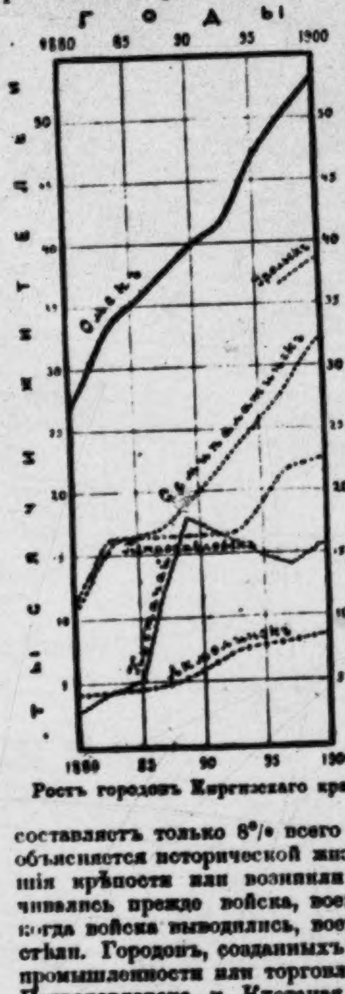
Области.	1880 г.	1890 г.	1897 г. (по переписи).	1900 г.
Акмолинская	454.205	519.929	682.429	803.994
Семипалатинская . . .	525.979	595.254	686.909	686.063
Уральская	?	?	645.590	691.687
Тургайская	320.070	?	453.691	461.516

Наиболѣе значительный приростъ населенія наблюдается въ Акмолинской области. Объясняется это не столько естественнымъ приростомъ населенія, сколько колонизаціей этой части края. Историческія справки рисуютъ намъ такую картину роста населенія этой области. Въ 1869 г. (годъ образованія области) населеніе ея состояло изъ 101.910 д. русскихъ и 274.750 д. кочевниковъ. Въ 1900 году приростъ осѣдлыхъ равнялся 259.860 д., т. е. 255°/o, а кочевого—167.474 д., или 61°/o. Усиленный приростъ населенія замѣчался съ 1879 г., когда населеніе городовъ области съ 50.394 д. возрасло до 92.127, а число крестьянъ съ 1.749 д. до 167.952 д. Приростъ кочевого населенія былъ значительно меньше. Съ 1870 по 1880 г. оно увеличилось на 66 тысячъ; съ 1880 по 1890 г. только на 9.520 д. (благодаря тяжелымъ годамъ), съ 1890 по 1900 г. снова увеличилось на 83.859 д.

Естественное движеніе населенія края за 1900 г. выразилось въ слѣдующихъ цифрахъ:

ОБЛАСТИ.	Браковъ.	Родившихся.	Умершихъ.	Приростъ.
Акмолинская	5.227	30.761	20.984	9.777
Семипалатинская . . .	2.733	15.160	11.529	4.631
Тургайская	3.175	16.441	10.009	6.432
Уральская (за 1895 г.).	1.812	9.110	5.369	3 741

Изъ нихъ видно, что въ отношеніи брачности край стоитъ невысоко (хотя преобладаніе магометанъ, казалось, должно бы ставить край на первое мѣсто). На 100 жителей приходится въ Акмолинской обл.—0,8 брака, въ Семипалатинской—0,6, въ Тургайской - 0,7, въ Уральской—0,3. *Рождаемость* также невелика: на каждые 100 ч. въ Акмолинской обл. приходится 3,6 родившихся, въ Семипалатинской—2,3, въ Тургайской—2,3, въ Уральской—1,6. *Смертность* въ краѣ довольна значительна, особенно въ Акмолинской области, гдѣ на 100 человѣкъ приходилось 2,4 умершихъ; въ Семипалатинской—1,6, въ Тургайской—1,4, въ Уральской—1,1. Естественный приростъ за годъ остается первымъ за Акмолинской обл., гдѣ равняется 1,2; въ Семипалатинской онъ достигаетъ 0,6, въ Тургайской—0,9, въ Уральской—0,6.



Ростъ городовъ Киргизскаго края.

Главная масса осѣдлаго населенія края живетъ въ селеніяхъ; городовъ въ краѣ немного, и городскіе жители составляютъ незначительный процентъ. Въ Акмолинской обл. кромѣ областного города (Омска) существуютъ только четыре города (уѣздныхъ); во всѣхъ живетъ 92 т. ж.; въ Семипалатинской обл. кромѣ областного города есть также только четыре уѣздныхъ и одинъ заштатный, всѣ вмѣстѣ съ населеніемъ въ 58 т.; въ Тургайской—областного города совсѣмъ нѣтъ, а есть только четыре уѣздныхъ съ населеніемъ въ 23 тыс.; въ Уральской—областной, четыре уѣздныхъ и одинъ заштатный, всѣ вмѣстѣ съ населеніемъ около 60 тыс. Всего же въ Киргизскомъ краѣ 3 областныхъ города, 16 уѣздныхъ и 2 заштатныхъ, всѣ вмѣстѣ съ населеніемъ около 234 тысячъ. Отношеніе городского, сельскаго и кочевого населенія (въ процентахъ) показано на діаграммѣ на стр. 178. Городское населеніе, какъ мы видимъ, составляетъ только 8°/₀ всего населенія. Такое слабое развитіе городовъ объясняется исторической жизнью края. Современные города суть бывшія крѣпости или возникли изъ военныхъ поселеній, гдѣ сосредоточивались прежде войска, военныя и административныя учрежденія. Но когда войска выводились, военныя учрежденія закрывались, города пустѣли. Городовъ, созданныхъ экономической жизнью края (какъ центры промышленности или торговли), почти не существуетъ, если не считать Петропавловска и Кустаная, гдѣ съ основанія ихъ завелась торговля и промышленность. Ростъ городовъ, по этимъ же причинамъ, былъ крайне ничтоженъ. Только въ 90-хъ годахъ XIX в., съ усиленіемъ переселенія въ край и особенно съ проведеніемъ Сибирской желѣзной дороги, города на пути ея начинаютъ замѣтно рости и развиваться. На діаграммѣ на стр. 180 показанъ ростъ нѣкоторыхъ сибирскихъ городовъ. Слѣдующій рисунокъ на стр. 181 показываетъ величину городовъ въ тысячахъ и количество мужского и женскаго населенія въ нихъ, по даннымъ 1900 г.

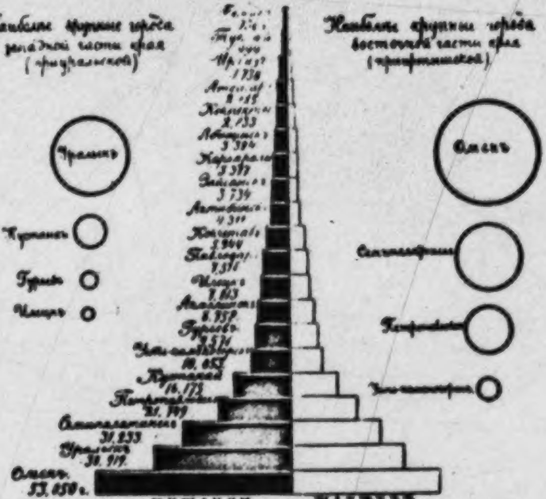
Негородское населеніе края приходится дѣлить на *сельское* и *кочевое*. По даннымъ всеобщей переписи 1897 года, оно распредѣлялось по селеніямъ, auламъ и стоянкамъ слѣдующимъ образомъ:

ОБЛАСТИ.	Населенныхъ мѣстъ.	Жителей.
Акмолинская	6.552[1]	608.316
Семипалатинская . . .	8.913[1]	634.345
Тургайская	499	430.096
Уральская.	849	582.703
	16.813	2.255.460

Въ 1900 г. русскихъ селеній было:

Въ Акмолинской обл. . .	198	въ нихъ жителей	77.057 ч.
„ Семипалатинской . .	160	„ „ „	47.047 „
„ Тургайской.	30 (?)	„ „ „	21.781 „
„ Уральской	158	„ „ „	172.415 „

По сравненію съ тѣмъ пространствомъ края, на которомъ раскиданы эти селенія,—число ихъ весьма незначительно; въ Акмолинской обл. одно русское селеніе приходится на 2.420 кв. в., въ Семипалатинской — на 2.514 кв. в., въ Тургайской — на 13.361, въ Уральской—на 1.800 кв. в.; если же считать число всѣхъ селеній (и города), то одно селеніе приходится на 95 кв. в. Тѣхъ, кто не знаетъ, что такое киргизское поселеніе, послѣдняя цыфра можетъ ввести въ заблужденіе относительно дѣйствительной плотности населенія; въ Акмолинской и Семипалатинской обл., вмѣстѣ, напр., около 13 тысячъ такихъ киргизскихъ поселеній (стоянокъ и ауловъ), гдѣ населенія не болѣе чѣмъ по 50 душъ. Для русскихъ селеній среднимъ можно считать се-



Населеніе городовъ Киргизскаго края.

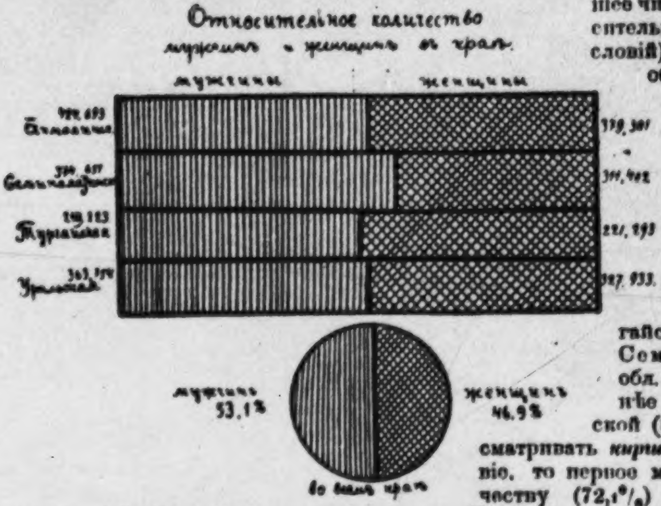
---

[1] Въ томъ числѣ мелкія киргизскія стоянки въ 25, 10 и менѣе человѣкъ.

леніе въ 500—800 душъ; селеній въ тысячу жителей и болѣе—очень мало и это исключительно старые поселки.

Распредѣленіе населенія по *полу* (количество мужчинъ и женщинъ) показано на прилагаемой на этой страницѣ діаграммѣ, изъ которой видно, что въ краѣ значительно преобладаетъ *мужской* полъ (53%). Разница эта особенно замѣтна въ Семипалатинской обл., гдѣ на каждыхъ 37 мужчинъ приходится 31 женщина; болѣе равномѣрно распредѣляется по полу населеніе Тургайской обл. (на 24 мужчины—22 женщины).

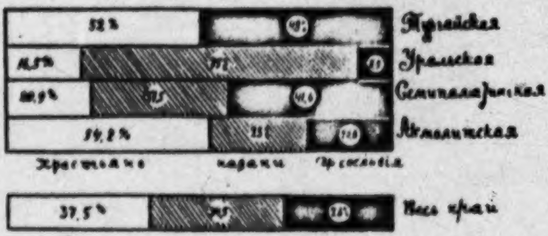
Распредѣленіе осѣдлаго населенія по *сословіямъ* представлено на слѣдующей діаграммѣ на стр. 183. Изъ нея видно, что первое мѣсто по количеству занимаютъ *крестьяне*, несмотря на то, что они стали заселять край лишь недавно. Наиболѣе крестьянской областью является Акмолинская, гдѣ крестьянъ 54,5%, наименѣе—Уральская (16,5%). За ними идутъ *казаки*; наибольшее число ихъ (относительно другихъ сословій) въ Уральской обл.—(75%), менѣе—въ Акмолинской (25%); въ Тургайской обл. ихъ совсѣмъ нѣтъ. *Мѣщанъ, дворянъ* и *разночинцевъ* болѣе всего въ Тургайской (48%) и Семипалатинской обл. (41,5%), менѣе — въ Уральской (8,5). Если разсматривать *киргизъ* какъ сословіе, то первое мѣсто по количеству (72,1%) останется за ними, что ясно видно изъ діаграммы. Другія сословія, составляющія въ совокупности 27,9% населенія по всемъ краѣ, распредѣлены между собою въ такомъ порядкѣ: крестьянъ—37,5%, казаковъ—34,5%, дворянъ, духовенства, купцовъ, мѣщанъ и разночинцевъ—28%.



Относительное количество мужчинъ и женщинъ въ краѣ.

По *вѣроисповѣданію* населеніе края можно разбить на двѣ главныхъ группы: магометанъ и христіанъ; іудеи и язычники составляютъ ничтожный процентъ. *Магометане* (киргизы, татары, сарты, бухарцы) составляютъ въ краѣ 73,5%; *христіане*—26,4%, *іудеи*—0,09%, язычники (калмыки)—0,06%. Изъ христіанъ большинство *православнаго* вѣроисповѣданія; другія христіанскія вѣроисповѣданія представлены небольшимъ числомъ: протестантовъ—0,2%, католиковъ—0,1%.

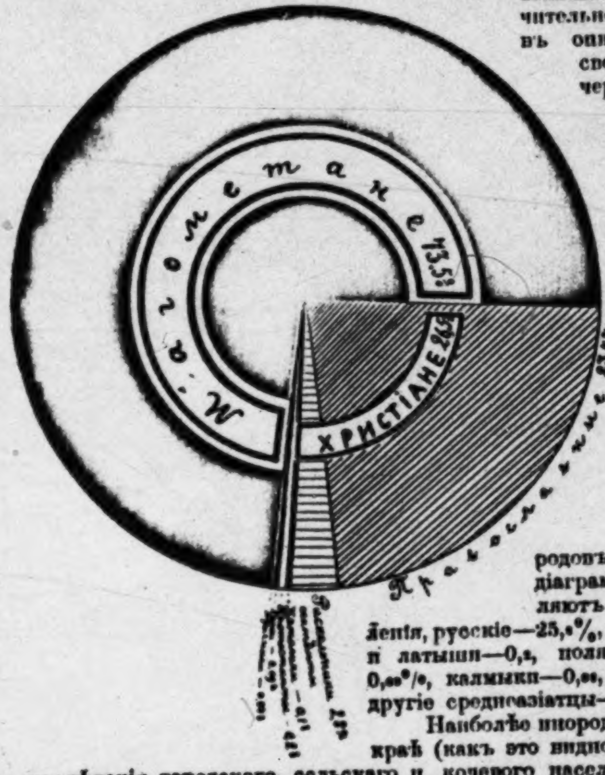
Сектантовъ и *раскольниковъ*, сравнительно съ общимъ числомъ православныхъ, довольно много. Бо́льшая часть ихъ живетъ въ Уральской области (65.630 ч.); изъ нихъ *пріемлющихъ священство*—30.360 ч.; одна часть ихъ — „австрійскаго“ толка — признаетъ главенство бѣлокриницкаго епископа, другая — „московскаго“ толка — признаетъ власть московскихъ епископовъ. *Безпоповцевъ* (непріемлющихъ священства)—до 85 тыс.; бóльшая часть ихъ признаетъ бракъ, но нѣкоторые не признаютъ. Кромѣ названныхъ есть въ области немного и сектантовъ. Въ Семипалатинской обл. сектантовъ „немоляковъ“, и другихъ—до 1.500 чел.; бóльшая часть ихъ живетъ въ деревняхъ Усть-Каменогорскаго у. Въ Акмолинской обл. сектантовъ и раскольниковъ — до 4.000 чел.; средоточіемъ ихъ являются Акмолинскій, Омскій и Кокчетавскій у.у. Среди нихъ извѣстна секта „*новыхъ духовныхъ христіанъ*“ или „*новаго израиля*“, по ученію которыхъ люди живутъ теперь во второмъ пришествіи Христа; священства они не признаютъ, иконъ и крестнаго знаменія также. Съ переселеніемъ крестьянъ въ Акмолинскую обл. число раскольниковъ и сектантовъ въ ней увеличилось. Въ Тургайской обл. сектантовъ и раскольниковъ насчитывается всего 120 чел. Такимъ образомъ во всемъ краѣ раскольниковъ и сектантовъ живетъ до 70.700 чел.



Относительное количество крестьянъ, казаковъ и др. сословій въ %.

Въ *этнографическомъ* отношеніи Киргизскій край не представляетъ большого разнообразія. Изъ историческаго обзора мы видѣли, что хотя онъ съ древнихъ временъ служилъ „воротами народовъ“, двигавшихся съ востока (изъ внутренней Азіи) на западъ, но всѣ они только *проходили* здѣсь, не осѣдая, а другіе, если и останавливались на болѣе продолжительный срокъ, то непрекращавшіяся волны движенія новыхъ народовъ смывали ихъ „съ лица земли“, не успѣвъ отразить въ себѣ хотя нѣкоторыя черты ихъ жизни. Только появившіяся въ XIII вѣкѣ тюркскія племена прочно осѣли въ предѣлахъ нашего края, образовавъ коренное населеніе—*киргизъ*. Вліяніе этихъ послѣднихъ сказалось на всѣхъ послѣдующихъ народахъ, появившихся въ краѣ. За киргизами появились *монголы* и *джунгары* (калмыки), но ихъ пребываніе было также недолговременнымъ, и они сошли съ исторической арены, не успѣвъ наложить замѣтнаго отпечатка на киргизъ. Наконецъ, съ начала XVI вѣка начинаютъ подвигаться въ край представители славянскаго племени—великоруссы различныхъ оттѣнковъ на сѣверѣ, великоруссы и малоруссы—на сѣверо-западѣ. Это движеніе не только не прекратилось, но еще усилилось въ наши дни; къ нему прибавились еще латыши и эстонцы.

Въ послѣдующемъ описаніи мы остановимся главнымъ образомъ на описаніи кореннаго населенія края—киргизахъ, какъ господствующаго народа въ краѣ и представляющаго въ этнографическомъ отношеніи вполнѣ опредѣленную группу. *Русское* старожильское населеніе края въ этнографическомъ отношеніи можно разсматривать только какъ особую областную разновидность великорусса. О великоруссахъ, малоруссахъ, латышахъ и эстонцахъ, поселившихся въ краѣ недавно, мы ограничимся лишь общими замѣчаніями, такъ какъ ни въ физическомъ, ни въ бытовомъ отношеніи они не успѣли еще слишкомъ уклониться отъ своего первоначальнаго типа на родинѣ (гдѣ они и описываются подробно), да къ тому-же и изслѣдованій этихъ областныхъ разновидностей было далеко недостаточно. На описаніи евреевъ, поляковъ, бухарцевъ, сартовъ мы не будемъ совершенно останавливаться какъ потому, что ихъ слишкомъ мало, такъ и потому, что большинство ихъ въ значительной мѣрѣ утратили въ описываемомъ краѣ свои національныя черты и образъ жизни.



Распредѣленіе племенъ, населяющихъ край, представлено на прилагаемой картограммѣ.

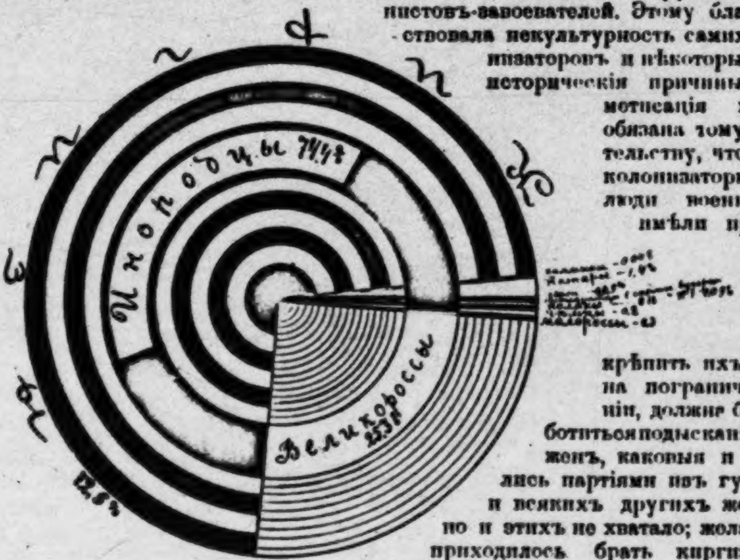
Изъ нея видно, что бо́льшая часть края занята *киргизами*; затѣмъ идутъ *великоруссы* и *малоруссы*, *татары*, *эстонцы* и *латыши*, *поляки*, *евреи*, *калмыки* и др. Количественное отношеніе этихъ народовъ представлено на діаграммѣ; *киргизы* составляютъ 73,4% всего населенія, русскіе—25,0%, татары—1,4, эстонцы и латыши—0,2, поляки—0,16%, евреи—0,06%, калмыки—0,06, сарты, бухарцы и другіе средне-азіатцы—0,06%.

Наиболѣе инородческой областью въ краѣ (какъ это видно изъ діаграммы распредѣленія городского, сельскаго и кочевого населенія) является Тургайская обл. и Семипалатинская, наименѣе—Уральская и Акмолинская. Опредѣлить точно количество киргизъ, русскихъ и др., при теперешнемъ положеніи областной статистики въ краѣ, не представляется возможнымъ (что признается и губернаторскими отчетами); діаграмма показываетъ только приблизительное соотношеніе этихъ народностей.

Перейдемъ теперь къ описанію представителей русской народности въ краѣ—*сибиряка-крестьянина* и *сибиряка-казака*.

Типъ сибиряка (въ предѣлахъ нашего края) вырабатывался вточеніе болѣе трехсотъ лѣтъ, и этого достаточно, чтобы мѣстная жизнь наложила на него своеобразныя черты, по которымъ его можно выдѣлить въ особый *областной* этнографическій типъ.

Кто были родоначальниками его—установить трудно, такъ какъ первые русскіе колонисты представляли сбродъ вольницы; несомнѣнно, что среди нея были и великоруссы, и малоруссы, и поляки. Съ первыхъ-же лѣтъ появленія въ краѣ они вошли въ тѣсное соприкосновеніе съ инородцами—татарами, киргизами и калмыками, неизбѣжнымъ результатомъ чего явились метисація, перемѣны въ образѣ жизни, привычкахъ, нравахъ и т. д.; все это, конечно, оставило глубокій слѣдъ какъ на физическомъ обликѣ, такъ и на всемъ складѣ жизни русскихъ колонистовъ-завоевателей. Этому благопріятствовала некультурность самихъ колонизаторовъ и нѣкоторыя другія историческія причины. Такъ, метисація многимъ обязана тому обстоятельству, что первые колонизаторы, какъ люди военные, не имѣли при себѣ женъ. Администрація, желая закрѣпить ихъ семьей на пограничной линіи, должна была озаботиться подысканіемъ имъ женъ, каковыя и набирались партіями изъ гулящихъ и всякихъ другихъ женщинъ; но и этихъ не хватало; желающимъ приходилось брать киргизокъ и жить съ ними. Нечего и говорить о томъ, что тогдашніе нравы и обстоятельства дозволяли казакамъ имѣть много женъ и часто мѣнять ихъ.



Насколько сильно развилось кровосмѣшеніе пограничнаго русскаго населенія съ инородцами (главнымъ образомъ съ киргизами)—можно судить потому, что тобольскій митрополитъ неразъ обращался въ Москву съ указаніемъ на крайнее распутство пограничнаго населенія и просилъ о самыхъ рѣшительныхъ мѣрахъ къ уничтоженію этого „грѣха“.

Но подобныя попытки не прекратили метисаціи, и она продолжала существовать. Большую роль въ выработкѣ физическаго типа и характера оказали, конечно, и природныя условія страны, а также историческія, при которыхъ складывалась жизнь первыхъ колонистовъ. Живя въ дикой степной странѣ, съ холодной зимой, жаркимъ и сухимъ лѣтомъ, жизнь въ особыхъ соціально-экономическихъ условіяхъ, вдали отъ непосредственнаго правительственнаго режима, жизнь въ роли привиллегированнаго (казачьяго) сословія, и т. п.,—все это не могло не способствовать выработкѣ изъ великорусса или малорусса особаго областного типа—*сибиряка-степняка*.

Характеристика сибиряка, сдѣланная этнографами (напр. Щаповымъ и Ядринцевымъ), во многомъ приложима къ живущимъ въ нашемъ краю крестьянамъ и казакамъ.

Въ *физическомъ* отношеніи этотъ типъ не можетъ назваться красивымъ: коренастый, средняго роста, смуглый, съ грубыми, круглыми чертами лица, съ черными глазами и волосами, съ медлительными или урывчатыми движеніями, онъ производитъ на первый взглядъ невыгодное впечатлѣніе; только, ближе столкнувшись, забываешь о первомъ впечатлѣніи. Женщины также смуглы, съ неправильными чертами лица; но среди нихъ встрѣчается много симпатичныхъ.

Разговоръ лѣнивъ, апатиченъ, но безъ легкомыслія, отрывчатъ и малословенъ. Выговоръ отличается грубостью произношенія и однообразіемъ тона; звуки выговариваются нечисто (гортанно), вѣроятно благодаря вліянію киргизскаго выговора; особеннаго выдѣленія нѣкоторыхъ гласныхъ звуковъ нѣтъ. Вліяніе киргизскаго языка сказалось непосредственно: съ малыхъ лѣтъ большинство казаковъ и многіе изъ крестьянъ говорятъ свободно по киргизски и даже употребляютъ его въ обиходной рѣчи. Интеллектуальныя способности соотвѣтствуютъ физическимъ особенностямъ: мысль работаетъ спокойно и медленно; разсужденія даются трудно, они коротки и отрывчаты. Идеалистическое настроеніе посѣщаетъ сибиряка рѣдко; умъ болѣе направленъ на матеріальное; утилитарныя побужденія берутъ перевѣсъ надъ идеалистическими. Религіозность и мистичность въ населеніи большей части края отсутствуетъ, особенно среди казачьяго населенія; расколъ и сектантство, несмотря на благопріятныя условія, распространяются въ краѣ медленно (увеличеніе ихъ происходитъ главнымъ образомъ черезъ естественный приростъ семей или вновь прибывшихъ); повидимому религіозные вопросы мало интересуютъ и затрагиваютъ теперешняго казака и крестьянина.

На сибиряка дѣйствовала не столько историческая жизнь, сколько окружавшая его первобытная природа и жизнь инородца; онѣ открывали широкій просторъ его натурѣ, позволяя развернуться индивидуальности, все равно, было-ли это направлено на использованіе богатствъ края собственнымъ трудомъ, или на извлеченіе выгодъ изъ своего положенія путемъ утѣсненія и обиранія инородцевъ; это была новая жизнь для колонизаторовъ, незнакомая на родинѣ. Здѣшніе крестьяне и казаки не были никогда забиты и угнетены, какъ многіе крестьяне Европейской Россіи; отсутствіе крѣпостного права, вольность, отсутствіе стѣсненій и ограниченій въ образѣ жизни и другія условія выработали въ нихъ независимый, даже подчасъ неспокойный характеръ. Яркой иллюстраціей этого можетъ служить вольная колонизація ими Алтая (см. предыдущую главу). Будь эти колонизаторы культурнѣе—жизнь края вылилась-бы въ болѣе совершенныя формы, близкія къ тѣмъ, какія создались, при такихъ-же условіяхъ, при колонизаціи Сѣверной Америки. Но условія русской жизни не благопріятствовали этому; тогдашняя русская жизнь способствовала укорененію въ населеніи лишь хищническихъ инстинктовъ; начала общественности и мирной культурной работы подавлялись ими.

Здѣшніе крестьяне и казаки менѣе консервативны, чѣмъ крестьяне губерній Европейской Россіи; нововведенія въ хозяйствѣ, домашнемъ обиходѣ принимаются ими охотно, и съ этой стороны между ними и городскими мѣщанами нѣтъ такой разницы, какъ въ Европейской Россіи.

Между крестьянами-старожилами и казаками ни въ физическомъ, ни въ бытовомъ отношеніи рѣзкой разницы нѣтъ (напр. въ Кокчетавскомъ у.), такъ-какъ часть казаковъ образована черезъ присоединеніе нѣсколькихъ крестьянскихъ деревень. Только тамъ, гдѣ крестьяне и казаки соприкасаются менѣе (напр. въ Петропавловскомъ, Усть-Каменогорскомъ у.у.), разница между ними становится замѣтнѣе. Особенностью казака можно считать только нѣкоторыя черты, напр., меньшую податливость къ нововведенію въ хозяйствѣ и меньшую привязанность къ труду; но это происходитъ не потому, что они крѣпко держатся за старину, а только потому, что, по складу характера и всей своей полувоенной жизни, они менѣе привязаны къ труду. Въ сибирскомъ казакѣ еще до сихъ поръ не искоренилось предубѣжденіе противъ „чернаго“ труда—земледѣлія, которымъ онъ не любитъ заниматься и при первой возможности прибѣгаетъ къ наемной рабочей силѣ. Проглядываетъ нелюбовь казака и къ другимъ отраслямъ труда. Въ семьѣ сибирскаго казака веденіе хозяйства лежитъ болѣе всего на женщинахъ и на наемныхъ рабочихъ. Эту не-

Сибирскіе казаки Кокчетавскаго уѣзда изъ татаръ.

любовь къ хозяйству слѣдуетъ объяснять историческими условіями, въ силу которыхъ казаку приходилось вести полуосѣдлую жизнь, проводить ее на военной службѣ; даже въ настоящее время военная служба требуетъ поголовнаго служенія мужчинъ въ строю и въ строевомъ запасѣ до 33 лѣтъ, отнимая у семьи главныхъ работниковъ и отучая ихъ отъ хозяйства. Это настолько вошло въ плоть и кровь казаковъ, что многіе изъ нихъ и теперь смотрятъ на себя прежде всего какъ на „слугу царскаго", у котораго на первомъ планѣ не хозяйство, а служба, забота не о томъ, чтобы лучше пашню пахать, а о томъ, чтобы умѣть шашкой владѣть. Эти условія сказались конечно и на характерѣ казака. Онъ держитъ, напримѣръ, себя свысока съ крестьянами, которыхъ считаетъ ниже себя только потому, что они—„мужики", возятся съ землей; на киргиза смотритъ презрительно, называя „собакой", и считаетъ излишнимъ имѣть съ нимъ равныя отношенія; обмануть, выругать ни за что—обыкновенныя явленія. „Цивилизуется" казакъ болѣе всего на службѣ („въ отрядѣ"). Но эта „цивилизація" чисто внѣшняя и, если можно такъ выразиться,—спеціально казачья: казакъ умѣетъ непринужденно держать себя съ начальствомъ, вести спеціальный разговоръ, критиковать даже распоряженія начальства и т. д., но вдумчиваго отношенія къ жизни, стремленія къ образованію и любознательности вообще—мало, а предпріимчивость развита менѣе, нежели въ крестьянахъ.

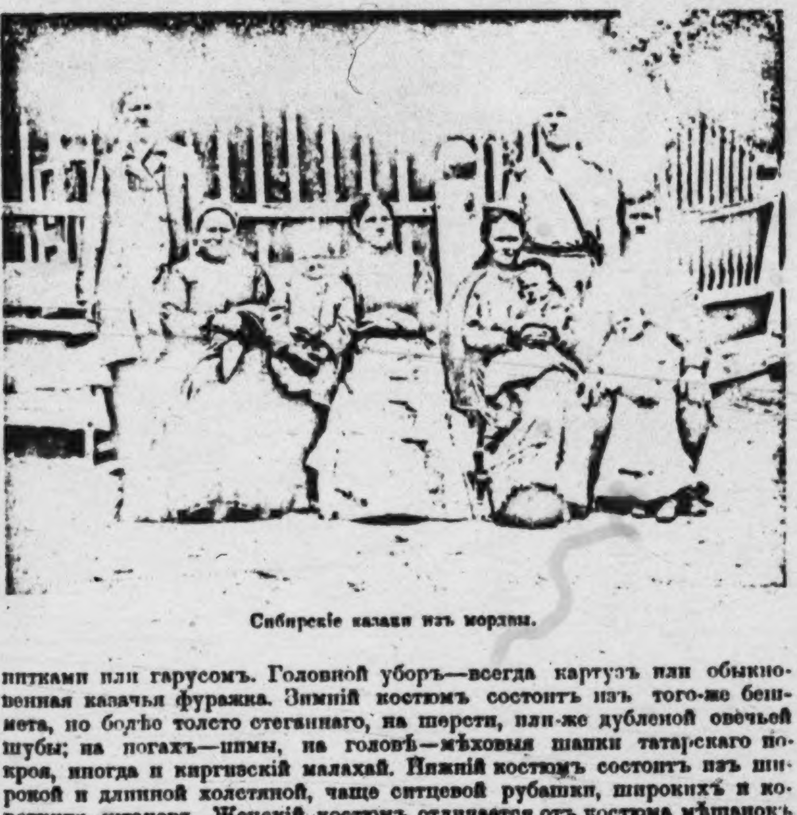
При одинаковыхъ условіяхъ крестьянамъ удается устроиться лучше, чѣмъ казакамъ; преимущество это берется главнымъ образомъ той способностью къ усидчивому, тяжелому труду, которая исторически выработалась въ крестьянинѣ и которая совершенно отсутствуетъ въ казакѣ. Вотъ почему въ Усть-Каменогорскомъ у., напр., крестьяне, живущіе рядомъ съ казачьими поселками, значительно богаче казаковъ, хотя послѣдніе имѣютъ лучшіе и болѣе значительные участки земли.

Въ общемъ условія природныя и историческія были однако для русскихъ колонизаторовъ богатой почвой, на которой культивировались энергичные и предпріимчивые характеры.

Теперь остановимся нѣсколько подробнѣе на образѣ жизни казаковъ и крестьянъ.

Поселенія сибирскихъ казаковъ (Киргизскаго края) представляютъ изъ себя три-четыре ряда домовъ съ неправильными улицами и кварталами. Общій видъ поселка невзраченъ; недомовитость казака кидается на каждомъ шагу; видны небрежность въ постройкѣ, отсутствіе заботъ о внѣшнемъ порядкѣ и т. д. Обычный типъ строенія—пятистѣнный домъ, одна половина котораго („горница") чистая, для пріема гостей; дома съ небольшими и немногими окнами и деревянной крышей весьма рѣдки. Дворъ при домѣ большой, обнесенъ таловымъ плетнемъ (въ лѣсистыхъ мѣстахъ досчатый) раздѣляется на двѣ половины: одна при домѣ—чистая, другая—пригонъ для скота; въ ней-же дѣлаются плетеныя стойки или навѣсы для защиты скота отъ мороза. Внутренность чистой комнаты содержится въ порядкѣ; стѣны или бѣлятся, или обиваются обоями. Принадлежностью такой комнаты, кромѣ мебели, являются: зеркало съ накинутымъ расшитымъ полотенцемъ, тряпичные половики, ящики съ одеждой и лубочныя картины военнаго или любовнаго содержанія. Богатые казаки обставляютъ себя по городски: вѣнская и мягкая мебель, трюмо, ташкентскіе ковры, портьеры, сравнительно хорошія картины, музыкальные инструменты—не рѣдкость.

Одежда казака—трехъ родовъ. Повседневнымъ костюмомъ можно считать бешметъ или халатъ киргизскаго покроя, только съ менѣе длинными рукавами, обыкновенно подпоясываемый широкой лентой цвѣтной матеріи или тканой опояской. Цвѣтъ халата чаще коричневый или въ киргизскомъ вкусѣ—съ узорами и цвѣтами. Въ праздники нѣкоторые носятъ пиджаки домашняго покроя и только немногіе одѣваютъ казачью форму—длиннополый однобортный сюртукъ съ наплечниками изъ краснаго сукна. Молодые парни ходятъ въ цвѣтныхъ рубахахъ, вышитыхъ нитками или гарусомъ. Головной уборъ—всегда картузъ или обыкновенная казачья фуражка. Зимній костюмъ состоитъ изъ того-же бешмета, но болѣе толсто стеганнаго, на шерсти, или-же дубленой овечьей шубы; на ногахъ—пимы, на головѣ—мѣховыя шапки татарскаго покроя, иногда и киргизскій малахай. Нижній костюмъ состоитъ изъ широкой и длинной холстиной, чаще ситцевой рубашки, широкихъ и короткихъ штановъ. Женскій костюмъ отличается отъ костюма мѣщанокъ мало. Обыкновенный костюмъ состоитъ изъ обтяжной или свободной кофты и широкой юбки; головы повязываютъ платкомъ и шалью; женщины въ праздничныхъ случаяхъ одѣваютъ наколки или косынки. Русскій сарафанъ и кокошникъ неизвѣстны кореннымъ казачкамъ; бусы,



Сибирскіе казаки изъ мордвы.

серьги, кольца и браслеты обычны. Большинство носитъ мужскіе сапоги. Болѣе зажиточныя казачки (не говоря о казакахъ) одѣваются по городскому. Верхняя одежда лѣтомъ—жакетка домашняго покроя, зимой—крытыя шубы. Алтайскія казачки часто носятъ лѣтомъ мужской костюмъ, такъ какъ въ немъ удобнѣе работать (ѣздить верхомъ на лошади) въ горахъ.

Питаніе казака простое; онъ знаетъ обѣдъ изъ одного блюда—мясной похлебки (чаще изъ баранины) и молоко; прииртышскіе много питаются рыбой (въ разныхъ видахъ); каши рѣдки, картофель и зелень довольно обыкновенны. Большую роль играетъ въ питаніи казака кирпичный чай, безъ котораго, какъ и безъ водки, не обходится ни одно семейное празднество; чай употребляется крѣпкій, въ прикуску съ сахаромъ. Хлѣбъ—преимущественно пшеничный (ржаной очень рѣдокъ); водка въ большомъ употребленіи; на Алтаѣ приготовляется медовое хмельное пиво, которое замѣняетъ вино.

О занятіяхъ казака мы уже говорили. Обязанности службы не даютъ большого простора для развитія производительныхъ силъ казачьяго населенія. Земледѣліе, какъ требующее большой затраты труда, не пользуется его любовью и если заводится, то почти всегда съ наемными рабочими—киргизами; торговля скотомъ и товарами или даже перекупнымъ хлѣбомъ, благодаря такимъ нетребовательнымъ и податливымъ покупателямъ, каковы киргизы, предпочитается, какъ болѣе легкое и выгодное занятіе. Лучшими хлѣбопашцами считаются казаки Кокчетавскаго уѣзда (бывшіе крестьяне).

Скотоводовъ много по Иртышу и въ степныхъ уѣздахъ (Акмолинскомъ и Атбасарскомъ), гдѣ этому способствуютъ и природныя условія; нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ десятки и даже сотни тысячъ капитала отъ этого занятія. Иртышскіе (и немногіе изъ кокчетавскихъ) казаки занимаются рыболовствомъ; но оно ведется довольно первобытнымъ образомъ и не составляетъ самостоятельнаго промысла, служа только подспорьемъ; рыбалка, какъ промыселъ существуетъ лишь на оз. *Зайсанѣ*, гдѣ собираются немногочисленныя рыбачьи семьи. На Алтаѣ у казаковъ ведется пчеловодство, но оно поставлено хуже и не даетъ такихъ результатовъ, какъ у рядомъ живущихъ крестьянъ. Казачки принимаютъ въ веденіи хозяйства одинаковое участіе съ мужчинами; а такія отрасли, какъ огородничество, бахчеводство, табаководство, уходъ за скотиной—ведется исключительно ими.

Громадное большинство сибирскихъ казаковъ (96%)—*православные*; небольшая часть—старовѣры: пріемлющіе священство и непріемлющіе, а также сектанты; магометанъ среди казаковъ 3% (они живутъ въ Кокчетавскомъ у.). Набожностью казаки не отличаются, можетъ быть потому, что церковные приходы состоятъ изъ нѣсколькихъ поселковъ, раскиданныхъ на большомъ разстояніи, такъ что церковную службу и священника казаки видятъ рѣдко (болѣе половины поселковъ не имѣютъ церквей). Обряды исполняются исправно, посты соблюдаются, особенно женщинами. Во время мѣстныхъ бѣдствій (засухи, пожаровъ и т. п.), казаки мало прибѣгаютъ къ общественнымъ *молебнамъ*, *причемъ* молебны носятъ не особенно усердный характеръ. Вообще казаки переносятъ общественныя бѣды довольно апатично, не ропщутъ на судьбу, не ищутъ такого утѣшенія въ молитвѣ, какъ крестьяне; ихъ повидимому не покидаетъ увѣренность въ хорошемъ исходѣ.

Суевѣрія среди казаковъ распространены менѣе, нежели среди крестьянъ.

Изъ *обрядовъ* наибольшей сложностью отличаются *свадьбы*. Законная свадьба, т. е. не убѣгомъ, а съ согласія родителей слагается изъ слѣдующихъ моментовъ: сватовства, зарученья (рукобитья), дѣвичника, бранья, большого, похмельнаго и другихъ столовъ. Въ сватовствѣ участвуютъ отецъ, мать и ближніе родственники жениха вмѣстѣ съ послѣднимъ; дѣло ведетъ бойкая сваха. Отецъ невѣсты отвѣта отъ себя обыкновенно не даетъ, а проситъ подождать рѣшенія своего родственнаго совѣта; рѣшеніе послѣдняго сообщается невѣстѣ, а, при согласіи ея, извѣщаются родители жениха. Послѣ этого являются къ невѣстѣ сваты и свахи и дарятъ родителей невѣсты. Вечеромъ у невѣсты собираются родственники, приглашаются сваты, женихъ и его родители; всѣ они угощаютъ родственниковъ невѣсты виномъ, а женихъ дѣлаетъ подарокъ невѣстѣ (ситецъ на платье). Послѣ этого обыкновенно поются свадебныя пѣсни, вродѣ такой:

Казаки—калмыки Уральской области.

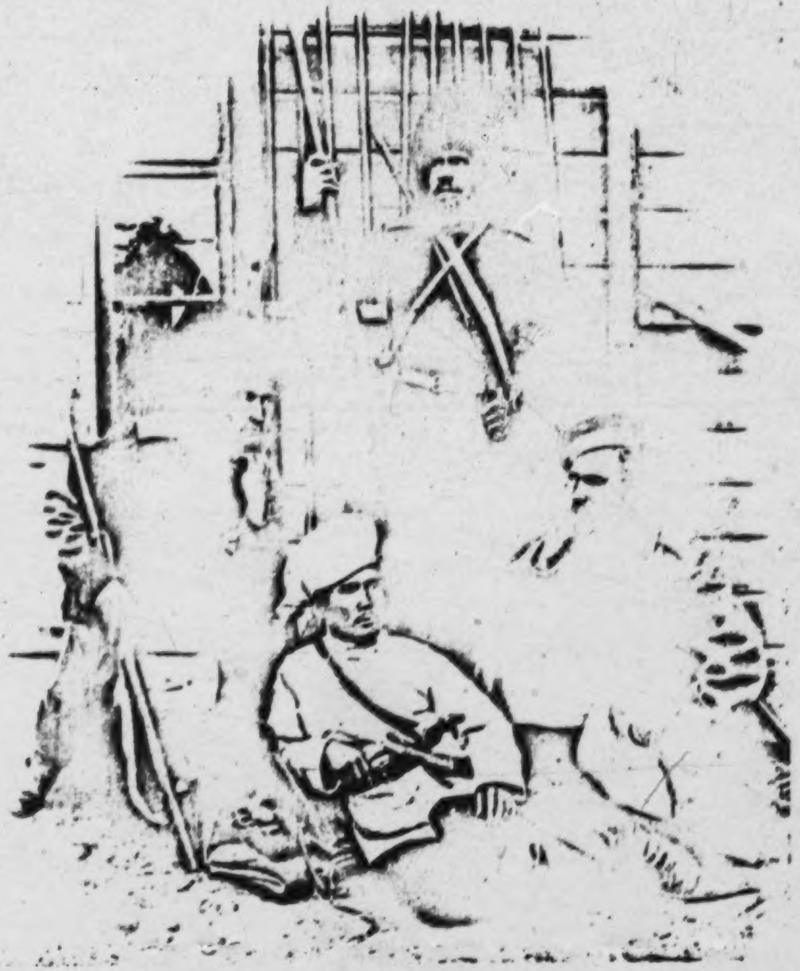
Заручена красна дѣвица,
Любезна наша подруженька (имя);
Заручилъ-то тебя родимый батюшка
За удалого добра молодца (имя).

Тутъ же рѣшаются подробности свадьбы (сколько времени гулять, у кого и т. д.): родители жениха послѣ этого берутъ иногда у родителей невѣсты подписку, что они не откажутся отъ свадьбы. Съ этого времени въ домѣ невѣсты начинаются сборища молодежи обоего пола, которая веселится, а невѣста оплакиваетъ свое дѣвичество, прощается съ родными, „съ трубчатой косой—дѣвичьей красотой". Затѣмъ назначается дѣвичникъ, во время котораго невѣста и дѣвушки идутъ въ баню, а въ домъ невѣсты пріѣзжаютъ женихъ, сваты и др. родственники жениха; они угощаютъ родителей и родственниковъ невѣсты; когда приходитъ невѣста, то женихъ обязанъ дарить и ее (серьгами, головнымъ уборомъ), а родственники его—родителей, сестеръ и братьевъ невѣсты. Послѣ этого ѣдутъ всѣ къ жениху, гдѣ происходитъ также обильное угощенье. Во все время дѣвушки поютъ пѣсни жениху, невѣстѣ, дружкѣ, свахѣ и др., за которыя послѣдніе обязаны дарить ихъ деньгами.

Наканунѣ вѣнчанья происходитъ омовенье жениха и всѣхъ, кто составляетъ съ нимъ свадебный поѣздъ; обставляется это нѣкоторыми церемоніями. На слѣдующій день женихъ получаетъ благословеніе родителей (во время котораго происходитъ обыкновенно пальба изъ ружей). Дружка выводитъ его и провожатыхъ на дворъ, гдѣ происходитъ прощаніе и благословеніе отъѣзжающихъ. У невѣсты, при входѣ въ домъ, читается три раза „Іисусова молитва", послѣ чего отецъ невѣсты впускаетъ поѣздъ въ комнаты; невѣста сидитъ за столомъ, окруженная родными (братомъ и сестрой) и дѣвицами, которые не пускаютъ пріѣзжихъ къ невѣстѣ. Дружка, шутя, начинаетъ пугать ихъ плетью, но получаетъ отвѣтъ, что получитъ невѣсту только тогда, когда задаритъ ихъ. Дружка даритъ и угощаетъ ихъ, послѣ чего они выходятъ изъ-за стола, а вмѣсто нихъ садятся женихъ и всѣ прибывшіе; начинается снова угощеніе и дареніе родныхъ невѣсты; дѣвушки поютъ прощальныя пѣсни, напр.:

Разлучаютъ (имя)
Со всѣмъ родомъ, со всѣмъ племенемъ,
Что со батюшкой, со матушкой,
Что съ братцемъ—яснымъ соколомъ...
Не клади (имя),
Не клади пени-жалобы
Ни на отца, ни мать свою...
Какъ чужая-то сторонушка
Она горюшкомъ усѣяна и т. д.

Затѣмъ родители благословляютъ молодыхъ; дружка выводитъ ихъ и усаживаетъ въ экипажъ; послѣ чего, читая „воскресную молитву", обходитъ три раза вокругъ экипажа, чтобы отогнать нечистую силу; затѣмъ уже ѣдутъ въ церковь. По пріѣздѣ въ домъ жениха молодые снова благословляются родителями, затѣмъ свахи расплетаютъ у молодой косу, подаютъ обоимъ зеркало и заставляютъ цѣловаться. Потомъ молодые уходятъ въ спальню; остаются они тамъ недолго, послѣ чего начинается уже полное веселье. Во время угощенія молодою отца, послѣдній „кладетъ" ей приданое—лошадь, корову и т. д.; тоже дѣлаетъ мать и родители молодого. Такъ составляется ихъ приданое. На другой день, а также и на слѣдующіе бываютъ „похмельный столъ" и другія гулянки. Благодаря такимъ церемоніямъ и обычаю обязательно дарить въ извѣстныхъ



Уральскіе казаки.

случаяхъ, свадьба обходится среднему казаку въ сто и болѣе рублей [1]. Совершаются браки чаще въ молодомъ возрастѣ, причемъ экономическіе разсчеты играютъ видную роль. *Разводъ* допускается въ очень рѣдкихъ случаяхъ, но случаи ухода женъ отъ мужей и сожительство мужей—явленія довольно обыкновенныя. Положеніе женщины въ семьѣ довольно сносное, благодаря самостоятельному веденію ею нѣкоторыхъ отраслей хозяйства (огородничество, маслодѣліе и др.).

Раздѣлы въ семьѣ совершаются довольно часто; большія семьи у казаковъ рѣдки; „старики" или сходъ въ дѣлежъ не вмѣшиваются: все дѣло рѣшаютъ отецъ и мать. При дѣлежѣ братьевъ въ спорныхъ случаяхъ прибѣгаютъ къ жребію.

Тяжелый трудъ въ жизни казака, какъ мы уже упоминали выше, не занимаетъ такого положенія, какъ у русскаго крестьянина; „тяготой" является воинская повинность, которая требуетъ отъ казака полнаго снаряженія (на сумму 150—200 руб.); если въ семьѣ нѣсколько мужчинъ, то снаряженіе ихъ ставитъ семейство иногда въ безвыходное положеніе. Вотъ почему у казаковъ отсутствуетъ въ бытовыхъ пѣсняхъ „тягота земельная", составляющая характерную черту крестьянскихъ пѣсенъ, а главное мѣсто отводится событіямъ военной службы, въ которой проходила прежде вся жизнь казака; да они и теперь еще накладываютъ на нее замѣтный отпечатокъ. Однѣ изъ пѣсенъ воспѣваютъ удаль и беспечность казака, напр.:

Мы давно сжились съ степями
И давно привыкли къ нимъ
Передъ дикими ордами
Мы не въ первый разъ стоимъ и т. д.

или:

Вспомнимъ братцы про былое,
Какъ мы въ оны времена
Крѣпко бились, брали съ бою
У кокандцевъ знамена....
Гремитъ слава трубою,
Мы дрались за Дарьею;
По холмамъ твоимъ, Чиназъ,
Разнеслась слава про насъ и т. д.

Изъ старинныхъ военныхъ пѣсенъ въ большомъ ходу „Старый пушкарь":

Рано утромъ весной
На редутъ крѣпостной
Разъ поднялся пушкарь посѣдѣлый,
Брякнулъ сабли кольцомъ,
Дернулъ сивымъ усомъ
И раздулъ свой фитиль догорѣлый и т. д.

Въ другихъ пѣсняхъ, позднѣйшихъ, проглядываетъ уже недовольство теперешней службой, отрицательныя стороны которой даютъ себя чувствовать, особенно семейнымъ и бѣднымъ. Такова, напр., пѣсня казачки, оставшейся одинокой послѣ ухода мужа въ отрядъ:

---

[1] Интересно, что почти въ такую-же сумму обходится свадьба сравнительно не болѣе бѣднымъ крестьянамъ центральной земледѣльческой полосы Европейской Россіи. *Ред.*

Погасло солнце за горой.
Сидитъ казачка у дверей.
Она сидитъ и горько плачетъ
И льются слезы изъ очей и т. д.

или:

Соберемтесь мы казаченьки
Во единый во кружокъ.
Запоемте мы казаченьки
Пѣсню нову про себя.
Хорошо житье казаченькамъ,
Только служба тяжела.
Ходя наѣдимся, стоя выспимся и т. д

Изъ историческихъ пѣсенъ въ большомъ ходу „пѣсня Ермака“ (слова Рылѣева), которую казаки поютъ съ особеннымъ увлеченіемъ:

Ревѣла буря, дождь шумѣлъ,
Во мракѣ молніи блистали.
Безпрерывно громъ гремѣлъ
И вѣтры въ дебряхъ бушевали..
Ко славѣ страстію дыша,
Въ странѣ суровой и угрюмой
На дикомъ брегѣ Иртыша
Сидѣлъ Ермакъ, объятый думой.
Товарищи его трудовъ,
Побѣдъ и громозвучной славы
Среди раскинутыхъ шатровъ
Безпечно спали близь дубравы...
Кто жизни не щадилъ своей
Въ разбояхъ злато добывая,
Тотъ думать будетъ-ли о ней,
За Русь святую погибая и т. д.

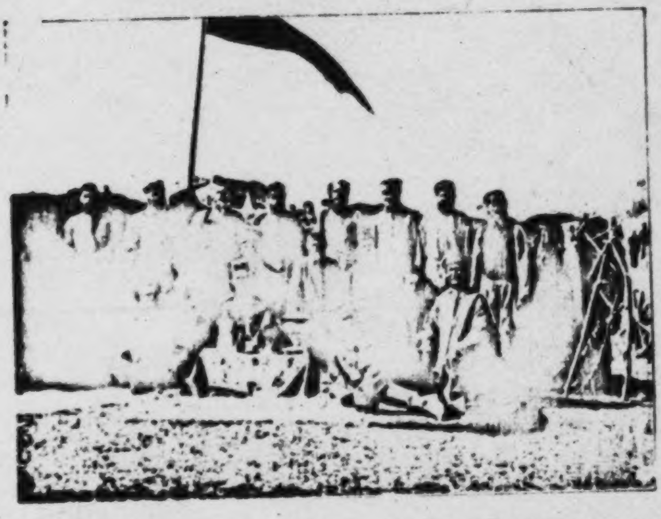
Однообразіе пѣсенъ, воспѣвающихъ главнымъ образомъ удаль казаковъ, какъ нельзя болѣе передаетъ главную характерную черту казачества, указывая въ то-же время на отсутствіе въ ихъ жизни болѣе глубокаго содержанія. „Тягота военная“ дѣйствуетъ не только непосредственно при снаряженіи, но и на всю жизнь казака. Экономическое положеніе казаковъ, несмотря на богатство лучшими земельными участками, незавидно.

Въ составъ казаковъ входитъ, кромѣ преобладающихъ великоруссовъ: малоруссы (около 6 %), мордва (5 %), бѣлоруссы (3 %), киргизы (1 %), татары (1 %) и въ незначительномъ числѣ черемисы, чуваши, пермяки, вотяки, зыряне и др. Но эти племена въ значительной степени утратили свои національныя черты, а послѣдніе (черемисы и др.) совершенно ассимилировались съ кореннымъ народомъ—великоруссами.

Какъ этнографическую разновидность, можно разсматривать и *уральскихъ* казаковъ.

Историческія условія ихъ жизни во многомъ сходны съ таковыми у сибирскихъ казаковъ, благодаря чему въ характерѣ и образѣ жизни уральцевъ много сходства съ сибирскими казаками. Родоначальницей уральцевъ была вольница—бѣглые крестьяне (великоруссы, малоруссы) раскольники, донскіе и волжскіе казаки, поляки, а позже даже татары и калмыки. Эта вольница была проникнута стремленіемъ создать себѣ вдали отъ правительства независимую жизнь, сохранивъ свои обычаи, порядки и свободу. Это горячее и упорное стремленіе къ свободѣ и вольности, а съ другой—безпрерывныя, втеченіе почти трехсотъ лѣтъ, столкновенія съ сосѣдями, наложили на уральца замѣтный отпечатокъ, опредѣливъ въ значительной мѣрѣ его теперешній характеръ и образъ жизни. При общемъ сходствѣ характера жизни уральцевъ и сибиряковъ-казаковъ, жизнь первыхъ проходила однако въ болѣе сложной обстановкѣ. Уральцы съ первыхъ-же лѣтъ занялись мирнымъ промысломъ—рыболовствомъ, которое, составляя главный источникъ ихъ благосостоянія, какъ у крестьянъ земледѣліе, наложило на ихъ жизнь глубокія черты. Бытовыя пѣсни отводятъ много мѣста восхваленію мѣста главнаго рыболовства—р. *Урала*—„Яикушки, сына Горыновича". Одна изъ нихъ, наиболѣе любимая казаками, начинается такъ:

Яикъ ты нашъ, Яикушка,
Яикъ, сынъ Горыновичъ!
Про тебя-ли, про Яикушку
Идетъ слава добрая
Про тебя-ли про Горыныча
Идетъ рѣчь хорошая:
Золочено у Яикушки
Его было донышко,
Серебряны у Яикушки
Его были краешки,
Жемчужные у Горыныча
Его круты бережки и т. д.

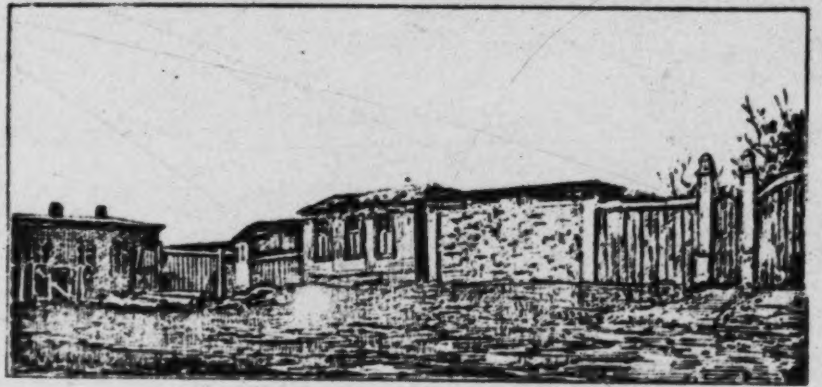


Осенняя плавня уральскихъ казаковъ: плавный атаманъ, врачъ и войсковые депутаты.

Живя на окраинѣ, почти совершенно независимо отъ центральной власти и вдали отъ общерусской жизни, уральцы не оставались однако безучастными къ крупнымъ явленіямъ русской политической жизни; достаточно указать на ихъ двуличную роль въ междуцарствіе и на большое участіе въ пугачевскомъ бунтѣ. Преданія о Пугачевѣ, пѣсни и сказанія, связанныя съ этимъ событіемъ, эти „крупицы, оставшіяся отъ стариннаго пированія", по выраженію уральскаго бытописателя Жолѣзнова, распространены и теперь въ народѣ, что̀ говоритъ о томъ, что въ характерѣ и складѣ жизни казаковъ отмѣченное явленіе нашло благопріятную почву. Ничего подобнаго въ средѣ сибирскихъ казаковъ не замѣчалось.

Народный эпосъ у уральцевъ также богаче, чѣмъ у казаковъ сибирскихъ (по крайней мѣрѣ если судить объ этомъ по имѣющимся литературнымъ даннымъ). Правда и въ немъ удаль и молодечество казаковъ занимаютъ центральную роль, но отведено немало мѣста и чисто бытовымъ особенностямъ (часть такихъ преданій, сказаній и пѣсенъ собраны Желѣзновымъ).

Въ *физическомъ* отношеніи уралецъ частью (въ особенности, когда въ немъ есть примѣсь киргизской крови) подходитъ къ сибиряку, а частью значительно отличается отъ него. Среди уральцевъ можно подмѣтить два характерныхъ типа: одинъ—коренастые, невысокіе, круглолицые, свѣтлые блондины съ довольно грубыми и неопредѣленными чертами и густой, но короткою растительностью, а другой—высокіе, съ тонкими чертами лица и густой, длинной растительностью, красивые брюнеты, отличающіеся своей стройностью. *Одежда* уральскаго казака мало отличается отъ одежды сибирскихъ казаковъ. У уральцевъ можно замѣтить любовь къ клѣтчатымъ рубашкамъ подъ пиджаками. *Поселенія* (станицы и поселки) уральцевъ болѣе богаты постройками. Характерны на деревенскихъ улицахъ деревянные высокіе кресты (формы могильныхъ), выставляемые нерѣдко казаками у оконъ (врываютъ въ землю) по обѣту, подобно тому какъ великорусскіе крестьяне ставятъ свѣчи къ образамъ. Въ южныхъ станицахъ Уральскаго войска преобладаютъ небѣленныя, саманныя и земляныя избы съ плоской земляной крышей, какъ это видно на прилагаемомъ рисункѣ. Въ составъ уральскихъ казаковъ входятъ, какъ мы уже сказали, кромѣ великоруссовъ, *татары*, *башкиры* (до 6 тыс.), *калмыки* (около 1 тыс. чел.).



Типы построекъ въ южныхъ станицахъ уральскихъ казаковъ.
(*По фот. Вен. П. Семенова*).

образъ жизни ихъ, подъ вліяніемъ русскихъ, измѣнился, и большинство ихъ занимается земледѣльческимъ хозяйствомъ и рыболовствомъ. Подробныя описанія этихъ народностей см. въ VI томѣ „Россіи“.

На *крестьянахъ-старожилахъ* края (почти всѣ исключительно жи- зели Акмолинской и Семипалатинской обл.) мы не будемъ останавливаться, такъ какъ часть ихъ, войдя въ составъ сибирскихъ казаковъ, передала имъ многое свое, такъ что многое изъ вышесказаннаго о первыхъ можно отнести и къ крестьянамъ.

Крестьяне-старожилы, какъ мы видѣли изъ предъидущей главы,— потомки вольныхъ колонизаторовъ края, потомки тѣхъ рѣшительныхъ, отважныхъ и свободолюбивыхъ людей, которые по своему желанію или въ дикій край, преодолѣвали всѣ препятствія и клали прочное основаніе здѣшней русской колонизаціи. Несомнѣнно, что такими колонизаторами могли быть только наиболѣе рѣшительные, энергичные элементы русскаго крестьянства. Условія жизни въ новомъ краѣ способствовали развитію и закрѣпленію этихъ качествъ, чѣмъ и отличаются они отъ недавнихъ пришельцевъ изъ Европейской Россіи.

Главнымъ отличіемъ здѣшняго крестьянина отъ казака нужно считать не столько физическія и бытовыя его особенности, сколько общій складъ характера, опредѣлившійся историческими условіями жизни тѣхъ и другихъ. Въ основѣ крестьянскаго заселенія края лежало главнымъ образомъ стремленіе найти здѣсь земельный просторъ, съ которымъ связывались самыя завѣтныя надежды. Желаніе исполнилось, крестьянину представлялась возможность углубиться въ хозяйство и вообще построить свою жизнь такъ, какъ хотѣлось-бы. И крестьянинъ весь ушелъ въ земледѣльческое хозяйство, вкладывая въ него всю свою жизнь. Дѣйствительно, въ сравненіи съ казаками, его хозяйство можетъ считаться образцовымъ. Это тяготѣніе къ землѣ кладетъ отпечатокъ (какъ и въ Европейской Россіи) на всѣ стороны его жизни. Общая характеристика сибиряка, сдѣланная выше, болѣе всего подходитъ именно къ здѣшнему старожилу-крестьянину, нежели къ казаку, среди которыхъ такія черты, какъ развязность, беспечность, самоувѣренность, можно считать характерными, а у крестьянъ — рѣдкими. Крестьянинъ несомнѣнно болѣе положительный типъ, а какъ экономическая сила и болѣе сильный и желательный элементъ въ замиренномъ краѣ, нежели казакъ; послѣдній сознаетъ превосходство крестьянина въ веденіи хозяйства, его опытъ и знаніе жизни и вѣрно объясняетъ свою отсталость условіями своей жизни.

Въ *физическомъ* отношеніи крестьяне-старожилы имѣютъ много общихъ чертъ съ казаками. Отличаетъ съ виду крестьянина скорѣе костюмъ; на нихъ тѣ же россійскіе зипуны, шапки, войлочныя шляпы, холщевыя и шерстяныя рубахи, сермяжныя поддевки, цвѣтные пояса, большіе сапоги („бутылы“), зимой—овчинныя шубы и т. д., у женщинъ— красные сарафаны, холщевыя станушки (рубахи), наколки, ленты, причемъ почти все собственнаго приготовленія. Киргизскій халатъ, который носитъ большинство казаковъ, на крестьянинѣ можно увидѣть развѣ изрѣдка.

Крестьянскія деревни въ общемъ имѣютъ болѣе приглядный и домовитый видъ, нежели казачьи поселки; даже въ постройкахъ сказался степенный, положительный характеръ крестьянина: онѣ сдѣланы болѣе основательно, чѣмъ у казака; плетеныя постройки, къ которымъ охотно прибѣгаютъ казаки даже лѣсистыхъ мѣстъ, у крестьянъ рѣдки. Отношенія между казаками и крестьянами не близки; случаи родства довольно рѣдки. Это особенно приложимо къ крестьянамъ алтайскимъ. Раскольничьи же деревни живутъ совершенно обособленно, своимъ міромъ.

Малоруссы (Харьковской, Полтавской, Кіевской и другихъ губерній) поселились за послѣдніе годы главнымъ образомъ въ южныхъ степныхъ уѣздахъ Акмолинскомъ и Атбасарскомъ. Ихъ деревни можно сразу узнать по бѣлымъ саманнымъ (сырцоваго кирпича) хатамъ съ соломенными крышами. Вообще „хохлы" устраиваются на новой родинѣ такъ, какъ жили и на прежней; новую деревню можно всегда сразу отличить отъ старой, на которой уже сказалось мѣстное вліяніе. Съ великоруссами селятся они только въ крайности, предпочитая отдѣльныя поселенія.

Нѣмцы-колонисты (меннониты, баптисты и др.), а также эсты и латыши появились въ Акмолинской обл. лишь въ 90-хъ годахъ XIX в.; часть ихъ живетъ на арендованныхъ участкахъ близъ Омска, другая — въ Акмолинскомъ у. на надѣльной землѣ (пос. *Преображенскій*, *Романовскій*, *Канкринскій*), какъ и крестьяне. Занимаются они земледѣліемъ. Съ русскимъ населеніемъ не имѣютъ близкихъ отношеній; въ п. Романовскомъ отношенія были настолько враждебны, что дѣло не обходилось безъ вооруженныхъ столкновеній, и администрація впослѣдствіи совершенно отдѣлила русскихъ на новый участокъ. Какъ земледѣльцы, они не уступаютъ крестьянамъ въ умѣньѣ обрабатывать пашню; устроились они на участкахъ даже лучше, чѣмъ крестьяне. Они имѣютъ свои школы и молитвенные дома. Общій видъ нѣмецкаго селенія близокъ къ малороссійскому; такихъ строеній, какія бываютъ, напр., въ Лифляндской губ., здѣсь нѣтъ. Но одежда (шляпы, пиджаки), экипажи (парныя телѣги, шарабаны) — сохранились.

Поляки, *евреи*, *бухарцы*, *сарты* живутъ исключительно по городамъ; послѣдніе занимаются торговлей и другими коммерческими предпріятіями. *Башкиры* и *калмыки* иногда живутъ въ деревняхъ Уральской и Тургайской обл., гдѣ ведутъ хозяйство.

Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію главнаго народа края — *киргизъ-казаковъ*. Этотъ народъ, какъ по количеству, и такъ по обширности занятой территоріи, занимаетъ первое мѣсто среди всѣхъ тюркскихъ народностей азіатскаго материка (и второе, послѣ турокъ-османовъ, на землѣ). Для этнографа киргизъ-казаки представляютъ большой интересъ, такъ какъ до сихъ поръ сохранили кочевой образъ жизни и родовой бытъ, близкій къ первоначальному. По своему этническому составу они являются также наиболѣе интересными изъ всѣхъ азіатскихъ тюрковъ, какъ заключающіе въ себѣ представителей всѣхъ главнѣйшихъ и древнѣйшихъ тюркскихъ племенъ. Рядомъ съ типичными чертами тюрковъ среди киргизъ можно наблюдать въ нѣкоторыхъ племенахъ ихъ и большую метисацію съ древними обитателями края (нетюрками) и монголами.

Разсмотримъ прежде всего этническій составъ киргизъ-казаковъ, составляющихъ въ предѣлахъ на[illegible] края Среднюю и Малую (младшую) орду.

Главная масса принадлежитъ къ *Средней* ордѣ; въ составъ ея входятъ нѣсколько племенъ, изъ которыхъ наиболѣе важными (считая съ востока) будутъ: *киреи, найманы, аргыны* и *кипчаки;* они занимаютъ Семипалатинскую, Акмолинскую области и части Семирѣченской, Сырдарьинской и Тургайской обл. Киреи занимаютъ область *Черную Иртыша*; состоятъ они изъ многихъ родовъ (*сарыбасъ, джадыкъ, чиреучи, джастабанъ, джантыкей, ители, каракасъ, мулку, чубаръ-айгыръ, итенемъ, чимоинъ, меркитъ, курсаты* и др.). Происхожденіе киреевъ, какъ и другихъ тюркскихъ племенъ, окончательно не установлено; несомнѣнно, что они произошли отъ смѣшенія тюрковъ съ древними обитателями края (усунями?). Найманы кочуютъ по *Тарбагатаю*, близъ *Балхаша* и *Улу-Тау*; въ составъ нихъ входятъ роды: *бура-найманъ, семизъ-найманъ, акъ-найманъ, сарыджумартъ, кокджарлы, багоналы, кожембетъ, мурунъ* и др. Найманы, по мнѣнію нѣкоторыхъ этнологовъ (Аристовъ), состоятъ изъ древнихъ найманскихъ родовъ. Племя *аргынъ* образовано союзомъ многихъ родовъ: *басентеинъ, атагай, канджигалы, тобуклы, чакчанъ, алтай, карыкъ, калкаманъ, айдобыль (суюндыкъ), козганъ, туки* и др. и особаго племени *каракисякъ*. Кочуютъ они по среднему теченію *Иртыша, Ишима*, верховьямъ *Тобола* и по *Уралу*. Союзъ родовъ существовалъ уже до появленія въ краѣ Чингисидовъ. Племя *кипчакъ* имѣетъ въ своемъ составѣ роды: *танабуга, карабалыкъ, торайгыръ, узунъ, кунделенъ, бултукъ, кокбюрюнъ, туючка, кытабакъ* и др.; живутъ эти роды въ предѣлахъ Тургайской области и отчасти Оренбургской губ. Нѣкогда кипчаки составляли многолюдное и могущественное племя, но съ XII вѣка они выдѣлили изъ себя значительныя массы на западъ, которыя вошли въ составъ казанскихъ, волжскихъ, крымскихъ татаръ, башкиръ и ногайцевъ; часть же ихъ ушла на ю.-в., составивъ главную массу узбековъ Ферганы, Хивы и Зеравшана. Къ Средней же ордѣ относятъ небольшое племя *байджигитъ* и *уванъ-гирей*, остатки прежнихъ союзовъ, обитавшихъ въ области Зайсана.

Малая орда составилась изъ племени *алчинъ*, въ составъ котораго вошли роды: *карасакалъ, дюрткара, чикли, кизя, каракисякъ, чумекей* и двухъ союзовъ—*байулы* и *джитыру*; первый образовался изъ родовъ *адай, джаппасъ, алача, байбакты, маскаръ, берчъ, тазларъ, исентемиръ, черкесъ, тана, кизылъ-куртъ, шейхларъ, алтынъ* и *исыкъ*; второй сложился изъ родовъ *табынъ, тама, кердери, джагалбайлы, кереитъ, тлеу* и *рамоданъ*. Эти роды кочуютъ въ предѣлахъ Уральской обл. и частью въ Тургайской, Сыръ-Дарьинской обл., Оренбургской и Астраханской губ. Основное племя *алчинъ*, по мнѣнію этнологовъ, представляло собой помѣсь тюрковъ съ древними динлинами и угро-финскими племенами; вообще вся Малая (младшая) орда представляетъ болѣе пестрый этническій составъ, чѣмъ Средняя и Большая орда.

Букеевская или *Внутренняя* орда выдѣлилась въ 1801 г. изъ Малой орды за р. Уралъ (въ предѣлы современной Астраханской губерніи) послѣ бѣгства оттуда торгоутовъ; состоитъ она почти изъ тѣхъ же родовъ, какъ и Малая.

Такимъ образомъ во всемъ киргизъ-казацкомъ (кайсацкомъ) народѣ можно отличать слѣдующія главныя, основныя, тюркскія племена: *канглы* и *дулатъ* (р. Чу)—въ Большой (старшей) ордѣ; *кипчакъ, аргынъ, найманъ, киреи*—въ Средней ордѣ и *алчинъ*—въ Младшей ордѣ.

Физическій типъ этихъ племенъ можно считать характернымъ для тюрковъ нашего края, но свести къ нему всѣ племена киргизъ-казаковъ края нельзя. Изъ перечисленныхъ выше родовъ и племенъ (среди которыхъ нѣкоторые ведутъ свое происхожденіе отъ монголовъ или отъ усуней и другихъ древнихъ народовъ) видно, какой сложный и пестрый конгломератъ представляютъ собой киргизъ-казаки, а слѣдовательно не можетъ быть и рѣчи объ его цѣльности въ этнологическомъ и антропологическомъ отношеніяхъ. Цѣльность здѣсь скорѣе политическая, основанная на родствѣ языка, обычаевъ, вѣры и невольно созданная степью—этой ареной жизни всѣхъ кочевыхъ народовъ. Степь не только объединила всѣ племена киргизъ-казаковъ, но и оказала на нихъ нивеллирующее вліяніе, наложивъ на всѣ разнородныя племена болѣе или менѣе однообразный характеръ.

Киргизъ.

Въ нижеслѣдующемъ описаніи *физическаго типа* киргизъ-казаковъ цыфровыя данныя отнесены къ опредѣленнымъ племенамъ и не могутъ быть обобщены на всѣхъ киргизъ-казаковъ края.

Ростъ коренныхъ тюрковъ считаютъ выше средняго. Цыфры для отдѣльныхъ народностей таковы (Харузинъ). Для киргизъ Букеевской орды—1.629 м.м., Малой орды—1.669 м.м. Киргизы Средней орды—1.647 м.м., изъ нихъ родъ муруновъ—1.611 м.м., наймановъ—1.626 м.м., байджигитовъ—1.643 м.м. и киреевъ—1.685 м.м. Такимъ образомъ наряду съ ростомъ выше средняго (1.650—1700 м.м.) есть племена съ ростомъ ниже средняго (1.600—1.650 м.м.). Средній ростъ киргизъ-казаковъ выведенъ въ 1.646,8 м.м. Величина головы равна: у киргизъ Средней орды—192 м.м.; мурунова рода—192 м.м., наймановъ—181 м.м., байджигитовъ—192 м.м. и киреевъ—197 м.м., у Букеевской орды—238 м.м. Величина лица: малыхъ размѣровъ (119 м.м. и меньше), у киргизъ Букеевской орды—117 м.м., у Средней орды—116, мурунова рода—116, наймановъ—114, байджигитовъ—117, киреевъ—115. У киргизъ Малой орды лицо среднихъ размѣровъ достигаетъ 121 м.м. Головной указатель (отношеніе длины черепа къ его ширинѣ) даетъ слѣдующія цифры для отдѣльныхъ племенъ: въ Букеевской ордѣ—86,8, въ Малой—87,8, Средней 89,8, въ родѣ муруновъ—89,8, наймановъ—89,8, байджигитовъ—89,8 и киреевъ—89,6. Послѣдніе цыфровые показатели даютъ основаніе отнести киргизъ (всѣхъ перечисленныхъ племенъ) къ брахицефаламъ (короткоголовымъ).

Изъ всѣхъ приведенныхъ данныхъ видно, какъ значительно колеблются цифровые показатели для разныхъ племенъ. Это показываетъ, что съ антропологической стороны тюрки нашего края, какъ уже сказано, не составляютъ одного цѣлаго. Съ внѣшней стороны киргиза можно охарактеризовать такъ: тѣлосложеніе довольно стройное; грудь хорошо развита, шея не толстая и не короткая; ноги слегка вогнуты (отъ частой верховой ѣзды), съ короткими голенями, кисти рукъ и ногъ небольшія. Цвѣтъ тѣла—желтовато-блѣдный, у лица нѣсколько темнѣе; волосы на головѣ черные, прямые и густые; носъ при основаніи расширенный, иногда горбатый; скулы выдаются слегка; ротъ небольшой; глаза карія съ густыми черными бровями. Мышечная сила довольно значительна (но менѣе, чѣмъ у русскаго крестьянина). Жизнь съ малыхъ лѣтъ въ степи, подъ открытымъ небомъ, закаляетъ киргиза и дѣлаетъ ихъ организмъ весьма выносливымъ и мало чувствительнымъ къ внѣшнимъ вліяніямъ (перемѣнѣ температуры, ушибамъ, пораненіямъ и пр.); благодаря этому-же киргизы имѣютъ мало развитое чувство вкуса, обонянія и притупленное осязаніе, но зато богато развитые зрѣніе и слухъ. Температура тѣла у киргизъ въ среднемъ выше (на 0,25° C) таковой у русскихъ. Половая зрѣлость приблизительно начинается въ то-же время, какъ и у русскихъ, у женщинъ же—нѣсколько раньше. При всей сравнительной крѣпости организма, киргизы не отличаются долговѣчностью: 80-лѣтніе старики среди нихъ рѣдки.

Киргизка.

Женскій типъ въ общемъ близокъ къ мужскому, лишь нѣсколько слабѣе и мельче; нерѣдко голова относительно тѣла представляется болѣе, чѣмъ у мужчинъ (что свидѣтельствуетъ объ умственномъ развитіи); черты лица болѣе правильны и выразительны, нежели у мужчинъ; красавицы среди киргизокъ не составляютъ особенной рѣдкости.

Изъ умственныхъ способностей киргизъ на первое мѣсто слѣдуетъ поставить память на окружающую его жизненную обстановку (природа, люди, событія); въ этомъ отношеніи киргизъ стоитъ значительно выше крестьянина. Память высшаго порядка, особенно на усвоеніе отвлеченныхъ понятій,—слаба. Любознательности менѣе, чѣмъ любопытства; ученіе (особенно математика) дается не трудно; среди учащихся лица съ хорошими способностями нерѣдки. Образованія киргизы не получаютъ: они почти всѣ безграмотны. Среди народа извѣстенъ счетъ только до 10 тысячъ—„тюмень“ (русская „тьма“); больше киргизы чиселъ не знаютъ (въ обиходѣ ихъ жизни и до девяти тысячъ приходится, впрочемъ, считать очень рѣдко). Время считается такъ, какъ считалось у древнихъ монголовъ (отъ которыхъ и было принято). Годъ начинается съ марта; въ мѣсяцѣ 28 дней. Время считается періодомъ, состоящимъ изъ 12 годовъ, имѣющихъ, каждый, названіе особаго животнаго. Первый годъ—„тышканъ" (годъ мышей), второй—„сіиръ" (корова), третій—„барсъ", четвертый—„коянъ" (заяцъ), пятый—„лу" (наукообразное), шестой—„джиланъ" (змѣй), седьмой—„джилкы" (лошадь), восьмой—„кой" (баранъ), девятый—„мешинъ" (многоножка), десятый—„таукъ" (курица), одиннадцатый—„итъ" (собака) и двѣнадцатый—„донгузъ" (свинья). 1902 г., напр., есть годъ зайца (съ марта), 1903 г. (съ марта) есть „лу" и т. д.

Образъ жизни способствовалъ развитію у киргизъ живого, общительнаго характера; въ связи съ этимъ находится добродушіе, гостепріимство, сострадательность и честность. Къ слабымъ сторонамъ характера слѣдуетъ отнести лѣнь, безпечность, склонность къ сплетнямъ и угощеніямъ. Эти черты создались и поддерживаются всѣмъ современнымъ складомъ киргизской жизни. Въ лѣтнее время киргизъ живетъ исключительно животной жизнью—ѣстъ, пьетъ, ѣздитъ и принимаетъ гостей; работа по хозяйству, забота о семьѣ—лежатъ на женѣ. Только зимой киргизу приходится заботиться о хозяйствѣ (главнымъ образомъ о благополучіи скота), но и тутъ онъ находитъ время „тамырничать"—т. е. ѣздить изъ кстау въ кстау (зимовки) по гостямъ, много ѣсть, разносить и слушать новости.

Среди тюрковъ, кочующихъ въ Азіи, киргизъ-казаки—наиболѣе культурный народъ, и несомнѣнно, что ему предстоитъ лучшее будущее: количество его увеличивается, и онъ оказывается воспріимчивымъ къ культурнымъ пріобрѣтеніямъ.

О сравнительной культурности киргизъ-казаковъ можно судить отчасти по характеру языка, по способности и формѣ излагать свои мысли, по богатству народной литературы и наконецъ по состоянію развитія искусствъ.

Нарѣчіе киргизъ-казаковъ одни изъ русскихъ этнологовъ (напр. Паткановъ) относятъ къ восточной группѣ тюркскаго языка, другіе (Радловъ)—къ западному и именно къ особому виду его—киргизскому (на которомъ говорятъ всѣ тюрки нашего края). Азбука у киргизъ—арабская, которая стала распространяться среди тюрковъ Средней Азіи съ VIII вѣка вмѣстѣ съ исламомъ. До этого (съ IV в.) у нихъ была сирійская азбука (занесенная христіанами несторіанской секты). Загадочныя руническія письмена, открытыя археологами въ Восточной Сибири, оказались принадлежащими также тюркамъ, а не древнимъ славянамъ, финнамъ, евреямъ или другимъ народамъ, какъ думали многіе. Видоизмѣненная сирійская азбука сохранилась теперь только у монголовъ и маньчжуръ, остальные же тюрки держатся арабской азбуки.

Тюркскій языкъ относится къ типу несовершенныхъ (какъ имѣющій мало развитыя грамматическія отношенія словъ). Онъ построенъ изъ ***сложенія*** словъ, т. е. грамматическая зависимость между словами выражается не измѣненіемъ начальной формы слова, а прибавленіемъ къ ней приставокъ (аффиксовъ) и вставокъ (инфиксовъ); при этомъ связь корней съ ними настолько слаба, что всѣ составныя части слова легко выдѣляются. Такіе языки извѣстны у однихъ ученыхъ подъ именемъ агглутинирующихъ, у другихъ—несовершенныхъ, *безформенныхъ* и пр.; такъ какъ на нихъ говорятъ урало-алтайскія племена, то чаще называютъ ихъ урало-алтайскими. Подъ вліяніемъ ислама и сосѣдей (русскихъ, монголовъ и др.) въ киргизскомъ языкѣ наблюдается примѣсь чужихъ словъ—арабскихъ, монгольскихъ, русскихъ, особенно-же тарскихъ и нѣкоторыхъ другихъ.

Народное творчество довольно богато, хотя и однообразно; выражается оно главнымъ образомъ въ произведеніяхъ лирическаго и эпическаго содержанія. Первыя сводятся къ описанію любви, переживанію различныхъ чувствъ и положеній влюбленными; много мѣста занимаютъ въ нихъ сравненія внѣшнихъ и внутреннихъ качествъ героя и героини. Эпическія произведенія содержатъ описанія былой жизни киргизъ, подвиги и широкіе пиры „на всю степь“ видныхъ героевъ и богатыхъ хановъ—блая, Наурбая и др. Изъ нихъ наибольшаго вниманія заслуживаетъ поэма „Курпечъ (Кузу) и Баянъ (Солу)“—древнее произведеніе, повидимому не одного автора, а собирательное. При несложной фабулѣ (Курпечъ любитъ Баянъ и по завѣту отца думаетъ на ней жениться, но является другой претендентъ на Баянъ—Тологой и убиваетъ Курпеча, Баянъ же убиваетъ Тологоя и себя), произведеніе это представляетъ большой интересъ по художественному описанію природы и особенно тогдашнихъ быта и нравовъ; съ этой стороны она не имѣетъ себѣ равныхъ среди другихъ киргизскихъ произведеній. Популярность ея среди киргизъ велика. Съ именами ея героевъ связано много названій мѣстностей—горъ, рѣкъ, урочищъ и пр. (гдѣ происходили описываемыя событія); могила Курпеча и теперь сохранилась (недалеко отъ Сергіополя).

Кромѣ того существуетъ цѣлая серія бытовыхъ пѣсенъ, пріуроченныхъ къ различнымъ обрядамъ и событіямъ жизни,—свадебныя, похоронныя и проч. Какъ созданіе позднѣйшаго времени слѣдуетъ назвать произведенія извѣстнаго народнаго поэта Ногойбая и его послѣдователей,—пѣвцовъ народнаго горя, выразителей нуждъ и положенія бѣднѣйшей части киргизовъ—джетаковъ; въ то же время пѣсни ихъ носятъ и обличительный характеръ (притѣсненій и несправедливостей со стороны власть имущихъ). Какъ сатирическое произведеніе позднѣйшаго времени можно указать „Зарзаманъ“ (Плачъ времени) Чорманбая, довольно удачно обличающее недостатки киргизъ, поскольку они создавались подъ вліяніемъ русской власти. Наконецъ, какъ представителя новаго теченія въ киргизской поэзіи, слѣдуетъ назвать Кномбая (въ Семипалатинскомъ у.)—автора многихъ стихотвореній, изящныхъ по формѣ и поэтическихъ по содержанію (особенно описанія природы). Этому же автору принадлежатъ хорошіе переводы „Евгенія Онѣгина“ и многихъ стихотвореній Лермонтова (который оказался наиболѣе понятнымъ для киргизъ); такимъ образомъ у семипалатинскихъ „оленгчи“ (пѣвцовъ) можно слышать, напр., „письмо Татьяны“, распѣваемое, конечно, на свой мотивъ.

Лирическія произведенія являются однако наиболѣе характерными для киргизской поэзіи: они также просты и незамысловаты, какъ и ихъ кочевая жизнь.

При отсутствіи грамотности, всѣ произведенія передаются устно; эту роль несутъ спеціальные люди—„акыны“ и „оленгчи“ (какъ гусляры и кобзари въ прежней Руси). Первые не только передаютъ старинныя пѣсни, но и сочиняютъ новыя; „оленгчи“ же обыкновенно занимаются „рифмоплетствомъ“, не столько обращая вним

только на то, чтобы была рифма и удачное

жаніе, сколько на то, чтобы была рифма и удачное сравне

Всѣ перечисленные типы народнаго творчества не разсказываются, а поются. Пѣніе (преимущественно одноголосое) въ жизни киргиза играетъ видную роль: безъ него не обходятся важнѣйшіе моменты жизни.

Въ музыкальномъ отношеніи киргизская пѣсня на первое впечатлѣніе кажется непріятной; но если въ нее вслушаться, то оригинальность, простота и содержательность мотива произведутъ обратное впечатлѣніе. Въ общемъ въ ней преобладаетъ растянутость и заунывность. Киргизы цѣнятъ умѣнье пѣть, и „оленгчамъ“ (пѣвцамъ) живется хорошо: ихъ зовутъ какъ почетныхъ гостей на всякое семейное и общественное празднество и щедро дарятъ за доставленное удовольствіе. Обыкновенно передача пѣсни сопровождается подыгрываніемъ на инструментѣ; изъ послѣднихъ распространены: домра—родъ треугольной балалайки съ тремя струнами (бараньи жилы) и кобызъ—овальная балалайка съ колышкомъ внизу (какъ у віолончели), на которой играютъ смычкомъ; изъ духовыхъ можно назвать зурну—деревянный длинный рожокъ.

На ярмаркѣ въ Темирѣ. (*По фот. А. Н. Чагина*).

Существуетъ среди киргизъ и живопись, выражающаяся въ раскрашиваніи фигуръ и узоровъ на дверяхъ юртъ, посудѣ, сѣдлахъ и проч. и въ тканьѣ различныхъ узорчатыхъ шерстяныхъ издѣлій. Искусство это находится еще на низшей ступени развитія.

Остановимся теперь на болѣе подробномъ описаніи сначала внѣшняго, а затѣмъ внутренняго быта киргизъ.

Жилищемъ киргизъ служатъ: лѣтомъ—юрта (точнѣе—уй, т. е. жилище; юрта же—монгольское слово), зимой—кстау, т. е. зимовка. Въ рѣдкихъ случаяхъ (у бѣдныхъ) лѣтнимъ и зимнимъ жилищемъ является юрта; на югѣ края, гдѣ зимы не такъ суровы, въ юртахъ живутъ и среднія семьи.

На описаніи юрты мы остановимся нѣсколько подробнѣе, так-

На описаніи юрты мы остановимся нѣсколько подробнѣе,

къ она сосредоточиваетъ въ себѣ всю жизнь кочевника: въ ней склашивается его міровоззрѣніе и происходятъ всѣ важнѣйшіе моменты его домашней и общественной жизни. Зимовка же — печальная необходимость, вызываемая мѣстными климатическими особенностями.

Юрта представляетъ собой деревянный, конусообразной формы, рѣшетчатый остовъ, обтянутый кошмой. Благодаря своей легкости и простому устройству она скоро разбирается и также скоро составляется, что весьма важно при частыхъ перекочевкахъ киргизъ. Остовъ юрты состоитъ изъ „кереге“ — деревянной рѣшетки, служащей основаніемъ юрты (часть ея изъ 12—17 паръ палокъ называется канатомъ), и „ченгаракъ“ — деревяннаго круга съ выгнутыми поперечными дугами — „кульдереушъ“. Кереге и ченгаракъ связываются между собой деревянными дугами — „уками“, которыя вставляются однимъ концомъ въ отверстія ченгарака и другимъ привязываются къ кереге. Число укъ въ юртѣ различно: въ небольшихъ — до 100, въ большихъ — 150—200. Высота кереге, длина укъ и размѣръ ченгарака у различныхъ юртъ различны; высота юрты — 4—6 арш. Дверь юрты состоитъ изъ прямоугольной рамы въ 1¹/₂ арш. выс.; боковыя части рамы называются „босага“ или „таинышъ“, нижняя — „табалдырыкъ“, верхняя — „мандайга“. Дверь — „есикъ“ дѣлается изъ толстаго кошемнаго полотнища или дерева. Все это привязано къ „кереге“. Для того, чтобы вѣтеръ не сорвалъ „ченгаракъ“, его привязываютъ къ центру юрты арканомъ — „джиль-бау“ или подпираютъ на это время особымъ шестомъ — „баканъ“. Съ наружной стороны кереге обставляется плетеной сѣткой изъ стеблей чія (**Lasiagrostis splendens**), нерѣдко красиво переплетеннаго цвѣтными нитками; этотъ плетеный поясъ употребляется кромѣ того и въ самой юртѣ, какъ ширма. При постановкѣ юртъ употребляются много различныхъ веревокъ — „аркановъ“; изъ нихъ главную роль играетъ „баскуръ“ — тканый шерстяной поясъ (до двухъ четвертей ширины), который охватываетъ верхнюю окружность кереге, придавая этимъ крѣпость и красоту юртѣ. Совершенно составленный остовъ изъ перечисленныхъ выше частей покрывается кошмой. Изъ нея приготовляются четыре прямоугольныхъ куска — „туурлыкъ“, которыя охватываютъ кереге и налегаютъ на нижнюю часть укъ; двѣ трапецевидныхъ части „узюкъ“ покрываютъ „уки“ до ченгарака и прикрываютъ верхнюю часть туурлыка; къ узюку привязываются шесть аркановъ „бау“, которыми онъ плотно притягивается; наконецъ ромбовидный кусокъ „тюндукъ“ прикрываетъ ченгаракъ; его открываніе замѣняетъ окно въ юртѣ и трубу для выхода дыма (костеръ раскладывается всегда подъ нимъ). Дверь юрты ставится на сѣверовостокъ, въ виду господства южныхъ и юго-западныхъ вѣтровъ, а также какъ на противуположную „святой“ сторону (на юго-западѣ находятся Мекка и Медина). На юрту употребляютъ самую лучшую (бѣлую) кошму; у богатыхъ она расшивается цвѣтными нитками и даже шелкомъ и позументами; красными узорами ткутся баскуръ, есикъ и плетется чіевая циновка. Всѣ деревянныя части красятся, чаще въ желтый, коричневый и синій цвѣтъ.

Приготовленіемъ деревянныхъ частей занимаются особые мастера „уйге“, которые дѣлаютъ все при помощи топорика (чапаготъ) и буравчика (уске), кошмы приготовляются женщинами (чаще всего цѣлаго аула). Ими же обыкновенно ставится и юрта. Хорошая юрта стоитъ до 150 руб., обыкновенная — 80—100 руб. (въ Акмолинской обл.).

(„ульку

Описанная юрта не является однако единственнымъ типомъ. Кромѣ него есть другія, употребляемыя въ опредѣленныхъ случаяхъ; изъ нихъ мы назовемъ: кошъ, джолумъ-уй и аблайчу. Всѣ онѣ представляютъ упрощенный типъ описанной юрты, болѣе удобный въ извѣстныхъ случаяхъ. Кошъ состоитъ изъ трехъ „канатовъ“ (связокъ) кереге; ченгарака онъ не имѣетъ, уки скрѣпляются верхними концами. Употребляется кошъ при частыхъ переѣздахъ для пріѣзжихъ гостей, пастухами же — при стадѣ. Джолумъ-уй есть походная юрта, отличающаяся меньшими размѣрами: она покрывается только туурлыкомъ и тюндукомъ. Эти юрты стали входить въ употребленіе среди русскихъ войскъ, передвигающихся въ южной полосѣ края; извѣстны они подъ именемъ „джоломейки“.

Аблайча состоитъ только изъ укъ, воткнутыхъ въ землю, а на верхнемъ концѣ ихъ укрѣпляется ченгаракъ; она закрывается однимъ кускомъ кошмы. Наиболѣе употребительна она при дальнихъ перекочевкахъ и поѣздкахъ; происхожденіе свое аблайча ведетъ отъ хана Аблая (XVIII стол.), войско котораго имѣло такія юрты. Среди обыкновенныхъ юртъ различаютъ два типа — конусообразный или торгоутскій и киргизскій — куполообразный; первый встрѣчается рѣдко и ставится въ исключительныхъ случаяхъ.

Киргизскія дѣти у юрты. (по фот. Бейсина).

Какъ въ избѣ крестьянина есть „красный уголъ“ — почетное мѣсто, такъ и въ юртѣ киргиза мѣсто, противуположное двери, уставленное ящиками и устланное коврами, считается почетнымъ; сюда на коверъ, сырмакъ (расшитая кошма) или одѣяла проводится почетный гость. Собственно хозяйской половиной служитъ правая, ближайшая къ двери часть юрты, отгороженная чіевой ширмой или занавѣской; тамъ хранятся пищевые продукты, казанъ (котелъ на треножникѣ, „саба“ — мѣшокъ изъ прокопченой кожи, „баурсаки“, холодное мясо и др. Рядомъ у стѣны стоитъ „тюсекъ-орукъ“ — постель (низкая кровать съ подушками); здѣсь мѣсто хозяина; рядомъ — „кебеже“ — ящикъ съ лучшей посудой, чаемъ, сахаромъ. Лѣвая часть юрты (при входѣ) считается черной: тутъ отводится мѣсто собакѣ, молодому барану, беркуту; тутъ-же сидитъ у богатыхъ киргизъ бѣдняки-просители. У лѣвой-же стороны отводится мѣсто взрослымъ или женатымъ дѣтямъ. Мебели, кромѣ невысокаго (въ одну четверть) круглаго стола для ѣды, нѣтъ. Очагъ, вокругъ котораго любятъ сидѣть киргизы не только за ѣдой, но и за разговоромъ, называется „отбосы“; съ нимъ связано представленіе о благополучіи, почему въ нѣкоторыхъ случаяхъ ему приносится жертва (см. свадьбу.).

Въ жизни киргиза юрта играетъ важную роль. Отцовская юрта [illegible]

кунъ ченгаракъ“) считается священной; обсужденіе важныхъ попросовъ, касающихся цѣлаго рода, происходитъ въ ней. Жена отдѣленнаго сына послѣ рожденія ребенка обязана притти въ отцовскую юрту, сдѣлать тамъ три поклона и вылить масло въ очагъ. Киргизы нерѣдко божатся юртой („коттукадамъ уюмде аизъ этеменъ, арь кимнен уйъ де узике менетъ"—„клянусь священной юртой, своя юрта—храмъ божій").

Находящійся въ юртѣ считается подъ защитой хозяина; обидѣть перваго значитъ оскорбить хозяина. Къ дверямъ юрты принято, напр., привязывать подаренныхъ животныхъ, причемъ, если оно сдѣлаетъ даже какое-нибудь несчастіе (напр. лошадь улягнетъ проходящаго), хозяинъ не отвѣчаетъ за это; если-же недоброе случится отъ лошади пріѣзжаго, послѣдній отвѣчаетъ за это передъ судомъ біевъ, такъ какъ обязанъ привязывать лошадь къ задней стѣнѣ юрты.

Вообще юрта играетъ въ жизни киргиза видную роль, какъ мѣсто, гдѣ проходитъ вся жизнь, складываются ея семейныя и общественныя отношенія.

Постоянныя жилища не являются для киргизъ такими необходимыми, какъ юрта; только климатическія условія заставляютъ его промѣнивать житье въ юртѣ на зимовку. Житье киргиза въ зимовкѣ есть даже не жизнь, а скорѣе прозябанье, такъ какъ оно связано обыкновенно съ большими стѣсненіями, неудобствами, лишеніями и непріятностями. Самъ киргизъ смотритъ на житье въ зимовкахъ, какъ на временную, печальную необходимость въ своей жизни.

Съ другой стороны эти жилища, какъ одно изъ звеньевъ, составляющихъ переходъ кочевника къ осѣдлой жизни, заслуживаютъ вниманія: зимовая стоянка представляетъ собою ядро современнаго киргизскаго землевладѣнія и землепользованія.

Въ „кстау"—въ этихъ зимнихъ жилищахъ киргиза—можно наблюдать самыя разнообразныя строенія, въ зависимости какъ отъ климатическихъ и естественно-историческихъ условій края, такъ и отъ экономическаго состоянія владѣльца. Въ горахъ южнаго Алтая и Тарбагатая зимовки киргизъ дѣлаются изъ камня и дерева и располагаются въ долинахъ и логахъ горъ. Въ степной, южной (безлѣсной) полосѣ зимовки строятся изъ дерна; въ сѣверной, лѣсной—чаще изъ дерева, рѣже изъ дерна.

На описаніи зимовокъ двухъ послѣднихъ типовъ, какъ наиболѣе распространенныхъ, мы и остановимся.

Какъ осѣдлые народы выбираютъ для своихъ поселеній такія мѣста, которыя представляютъ наибольшія удобства и выгоды для ихъ жизни, такъ и киргизскія зимовки расположены въ такихъ мѣстахъ, которыя прежде всего благопріятны для содержанія скота—главнаго источника ихъ жизни. Въ виду этого зимовки располагаются у подножья горъ, на берегахъ рѣкъ и озеръ, у опушки лѣсовъ, т. е. въ такихъ мѣстахъ, гдѣ зимой скотъ можетъ легче достать кормъ; поэтому подобныя мѣста охраняются лѣтомъ отъ потравы, чтобы сохранить траву на зиму. Въ кстау бросается въ глаза прежде всего тѣсная связь людского помѣщенія со скотнымъ дворомъ и отсутствіе планомѣрнаго расположенія строеній. Стѣны жилого помѣщенія строятся изъ пластовъ дерна, до аршина и болѣе толщиной; сверху такихъ стѣнъ укладывается рядъ деревянныхъ брусьевъ, на которыхъ укрѣпляются нѣсколько перекладинъ, служащихъ для настилки потолка. Послѣдній дѣлается изъ хвороста, камыша и травы; сверхъ ихъ накладываются дерновые пласты. Крышъ кстау не имѣютъ. Въ стѣнѣ, обращенной на дворъ, дѣлается невысокая дверь; на противуположной стѣнѣ устраиваются одно или два незначительныхъ окна—нерѣдко дыры съ однимъ стекломъ или натянутымъ пузыремъ[1]) Помѣщеніе дѣлится на двѣ половины: переднюю, болѣе грязную, въ которой помѣщается печь (обыкновенно сырцовая, состоящая изъ двухъ ящиковъ, причемъ въ первый вдѣланъ казанъ, а во второмъ пекутся баурсаки, топится сало и пр.); въ этой-же половинѣ находятся молодые бараны и телята, конская сбруя и вороха другихъ хозяйственныхъ принадлежностей. Дальняя половина (2—3 саж. длины, 2 саж. ширины и 1 саж. высоты) почти вся занята нарами, на которыхъ киргизы ѣдятъ и спятъ. По стѣнамъ набиты колья, на которыхъ развѣшиваются платье, лучная сбруя, кошмы и пр. Ночью землянка освѣщается сальникомъ (фитиль съ бараньимъ саломъ въ чашкѣ). Изъ всего сказаннаго о зимовкѣ можно судить, въ какой тѣснотѣ, грязи и духотѣ приходится проводить киргизамъ зиму. Зимовки болѣе богатыхъ киргизъ безлѣсныхъ мѣстъ въ общемъ мало отличаются отъ описанной, только чище.

Степная зимовка и мечеть киргизскаго рода Ту[illegible].

Вплотную со своимъ помѣщеніемъ строитъ киргизъ стойла для барановъ. Они имѣютъ такое-же устройство, какъ и жилье, только безъ оконъ и печи. Кромѣ нихъ пристраиваются еще два дерновыхъ помѣщенія: одно—нѣчто вродѣ кладовой и другое—для джатаковъ-рабочихъ. Затѣмъ идутъ болѣе легкія постройки, составляющія собственно дворъ киргизскаго дома. Дворъ обносится валомъ изъ земли навоза, камыша и пр.; къ нему упираютъ концы жердей, укрѣпленныхъ другими концами или на особыхъ стойкахъ, или также на валу; на этихъ жердяхъ устраивается камышевая крыша надъ всѣмъ дворомъ. Крыша въ степныхъ зимовкахъ является необходимой въ виду частыхъ вѣтровъ и бурановъ. Внутри дворъ разбивается на нѣсколько частей, причемъ наиболѣе теплыя отводится для мелкаго и рогатаго скота, менѣе теплая—для лошадей.

---

[1]) На лѣто обыкновенно оконныя рамы со стеклами или пузырями выни- и убираются куда-нибудь, во избѣжаніе пробивки или [illegible] пропажи или поломки.

Общее впечатлѣніе отъ степныхъ кстау невыгодно: съ виду это куча тѣсно сплоченныхъ, заваленныхъ назьмомъ, землянокъ. Сплоченность построекъ однако весьма удобна для степного населенія въ виду частыхъ снѣжныхъ бурановъ.

Зимовки киргизъ лѣсныхъ мѣстъ отличаются бо́льшимъ удобствомъ. Жилое помѣщеніе состоитъ изъ небольшой избы съ небольшимъ окномъ и дверью, поломъ и потолкомъ, но чаще также безъ крыши. Большая часть помѣщенія занята нарами, на которыхъ лежатъ кошмы, циновки, ковры, подушки; подъ нарами ставятся ящики и другіе хозяйственные предметы. Печка также болѣе совершеннаго типа, скорѣе красивая, нежели удобная. У средняго киргиза для варки мяса и для работниковъ дѣлается на дворѣ отдѣльное помѣщеніе—„чучела“. Это—куполообразное, наполовину дерновое, наполовину кошемное строеніе, грязное и холодное. Дворъ лѣсной зимовки не представляетъ такой скученности, какъ степной. Здѣсь у жилья дѣлается изъ дерна только помѣщеніе для барановъ; другой скотъ зимуетъ въ плетеныхъ или камышевыхъ пригонахъ, построенныхъ гдѣ-либо вглуби лѣса. Такимъ образомъ видъ лѣсныхъ кстау напоминаетъ отчасти русскую деревню.

У южныхъ (чуйскихъ и др.) киргизъ рядомъ съ земляными зимовками остаются юрты, поставленныя среди камышей и обло[illegible]ныя снизу дерномъ и снѣгомъ; для скота дѣлаются простыя изгороди изъ камыша и саксаула. У киргизъ южнаго Алтая и Тарбагатая зимовки строятся изъ камня и лѣса; рѣже встрѣчаются дерновыя; для скота же совсѣмъ не дѣлаютъ помѣщеній, а держатъ его въ завѣтренныхъ логахъ и долинахъ.

Одежда киргизъ довольно разнообразна. Нижняя состоитъ у мужчинъ изъ одной ситцевой, рѣже холщевой, рубахи („куйлюкъ“), длинной и широкой и короткихъ, но широкихъ штановъ („дамбалы“) изъ сѣрой или цвѣтной матеріи. Сверху надѣваются халатъ изъ шерстяной, у богатыхъ изъ шелковой матеріи, всегда съ рисунками или вышивкой, широкіе штаны или „шелбары“ изъ бумажной матеріи, иногда изъ дубленой кожи. Поверхъ ихъ носится бешметъ—широкій кафтанъ изъ цвѣтной матеріи, или вышитый, иногда изъ армячины домашняго приготовленія. На головѣ киргизъ носитъ „аракчинъ“, а сверхъ его круглую шапку „боркъ“. На ноги надѣваются широкіе кожаные сапоги „саптама“ съ деревянными высокими каблуками; легкая обувь—„ичиги“ (сапоги изъ тонкой кожи безъ каблуковъ) носятся всегда съ калошами. Поясомъ служитъ широкая ситцевая лента, или же кожаный „ксе“. Послѣдній состоитъ изъ узкаго ремня, изукрашеннаго съ внѣшней стороны металлическими, у богатыхъ серебряными бляхами; на ремнѣ обыкновенно висятъ: небольшая сумка, въ которой прежде хранили трутъ и кремень, а теперь кладется на дорогу сыръ „куртъ“, чехолъ для ножа (который теперь употребляется при ѣдѣ мяса) и пороховница (пустая). Съ внѣшней стороны эти придаточныя части также изукрашены бляхами. Зимой киргизы одѣваютъ сверхъ бешмета „купу“ — шубу изъ войлока, сбитаго естественнымъ путемъ, т. е. на кожѣ барана или верблюда; это легкая, но очень теплая одежда. Кромѣ того носятъ дубленыя шубы и стеганые бешметы. Рукава у всѣхъ одеждъ мужскихъ и женскихъ дѣлаются длинными, что замѣняетъ киргизамъ перчатки и рукавицы.

Ноги одѣваютъ въ стеганые или овчинные штаны — „шелбары" и толстые (воловьей кожи) сапоги съ кошемными чулками. На голову надѣвается „малахай" — конической формы мѣховая шапка съ длинными и широкими наушниками, закрывающими сзади шею. Цвѣтъ матерій для костюмовъ выбирается всегда пестрый съ крупными цвѣтами и узорами.

Костюмъ женщинъ во многомъ сходенъ съ мужскимъ. Онѣ носятъ такія же широкія и длинныя рубахи, какъ и мужчины, широкія дамбалы, а сверху — свободное платье; на ногахъ — тѣ же сапоги или ичиги съ тонкими лаковыми калошами; халаты и бешметы дѣлаются въ талію. Дѣвушки на головѣ носятъ круглыя шапки съ мѣховой оторочкой; женщины надѣваютъ „кимешекъ" — бѣлый капюшонъ, который закрываетъ голову и опускается на плечи, причемъ спереди въ немъ дѣлается

Зимовка (кстау) состоятельнаго киргиза въ лѣсной мѣстности (дворъ, надворныя постройки и домъ).

разрѣзъ для лица. Верхняя часть головы закрывается бѣлымъ платкомъ — „джаулыкъ" (лицо у киргизокъ не закрывается).

Невѣста надѣваетъ на голову „саукеле" — высокую, острую, конусообразную шапку, расшитую позументомъ, серебряными бляхами и др. украшеніями; верхушка ея состоитъ изъ пучка перьевъ. Изъ другихъ особенностей свадебнаго костюма невѣсты можно назвать цвѣтную шаль „джилекъ", которой покрывается вся невѣста сзади (прикрѣпляется джилекъ къ саукеле). Остальная одежда — обыкновенная, только болѣе богатая. Костюмъ жениха отличается отъ обычнаго еще меньше — только перьями на шапкѣ; но и это нельзя считать постояннымъ отличіемъ или принадлежностью костюма жениха.

Одежда мальчиковъ и дѣвочекъ въ общемъ одинакова, за исключеніемъ аракчина, который носится мальчиками съ малыхъ лѣтъ.

Главнымъ *питаніемъ* у киргизъ слѣдуетъ признать кумысъ — кобылье молоко, пришедшее въ молочнокислое и спиртовое броженіе. Для приготовленія и храненія кумыса употребляется особенный мѣшокъ „турсукъ" изъ прокопченой кожи; въ него вставляется деревянная бол-

Омскіе киргизы. Киргизка, доящая кобылу.
(*По фот. Бебенина*).

тушка, которой перебалтываютъ кумысъ во время приготовленія и всякій разъ передъ употребленіемъ. Лучшій кумысъ имѣется у киргизъ южнаго Алтая и Кокчетавскаго уѣзда, какъ обладающихъ лучшими пастбищными мѣстами для скота. Въ лѣтнее время большинство киргизъ живетъ главнымъ образомъ на кумысѣ, выпивая его большое количество. Изъ другихъ молочныхъ кушаній употребляются: „айранъ“ — кислое коровье молоко и различные виды сыра: „куртъ“ — поджареный бараній сыръ небольшими колобками, „еремчикъ“ — кислый коровій сыръ и др. Мясо употребляется главнымъ образомъ зимой и больше баранье, какъ дешевое; конина же появляется только въ видѣ исключенія, какъ лакомое блюдо. Мясо почти всегда варится (въ казанѣ), рѣже жарится; ѣдятъ сначала мясо (причемъ берутъ его руками), а затѣмъ запиваютъ изъ большихъ деревянныхъ чашекъ наваромъ — „сурпой“; употребляютъ мясо и въ копченомъ видѣ. Дичь и рыба употребляются рѣдко, зелень — также.

Изъ хлѣбной пищи наиболѣе распространенной является просо, или немного поджаренное (тогда прямо грызется), или въ видѣ каши. Изъ муки приготовляютъ „баурсаки“ — прѣсное тѣсто, которое рѣжется на мелкіе кусочки и жарится въ бараньемъ салѣ (напоминаетъ масляничные орѣшки у русскихъ). „Баламыкъ“ — жидкое кушанье, сваренное въ казанѣ изъ муки, поджареннаго въ салѣ проса и воды. „Каурдакъ“ — кусочки жаренаго мяса изъ разныхъ частей животнаго, причемъ особенно вкусными считаются почки. Въ знакъ особеннаго вниманія и любезности къ гостю хозяинъ самъ вкладываетъ ему въ ротъ кусочки каурдака [1]; это называется — ѣсть „бишь-барманъ“ (пять пальцевъ). Кумысъ, баурсаки и каурдакъ — главная пища киргизъ и наиболѣе любимая, особенно кумысъ, который считается при этомъ такимъ же священнымъ, какъ у крестьянина хлѣбъ. О распространеніи среди киргизъ любви къ кумысу можно судить отчасти по такому факту, какъ существованіе распивочной продажи кумыса, какъ водки у русскихъ (такъ называемые „кумысные кабачки“). Въ Акмолинскѣ, Уральскѣ и другихъ степныхъ городахъ, населенныхъ отчасти киргизами, есть немало такихъ распивочныхъ кумысенъ, гдѣ за 2 — 3 коп. можно получить большую чашку (3—4 чайныхъ) хорошаго кумыса.

Питательныя и возбудительныя качества кумыса извѣстны хорошо и мѣстному русскому населенію. Не говоря уже о посѣтителяхъ лѣчебныхъ станцій (*Боровое*, *Щучье*, *Баянъ-Аулъ*, *Ульбинское* и др.) и дачникахъ, которые пьютъ кумысъ по совѣту врачей, немало его выпиваетъ лѣтомъ русское населеніе окраинныхъ городовъ, какъ напр. Омска, гдѣ на это время открывается наѣзжими киргизами торговля кумысомъ (30–50 коп. четверть). Киргизы приготовляютъ изъ кумыса (перегонкой) опьяняющій напитокъ „араку“, но онъ не имѣетъ [illegible] широкаго распространенія. Пьютъ киргизы охотно и чай съ сахаромъ, преимущественно кирпичный. Водки и вина не употребляется. У пригородныхъ киргизъ печеный русскій хлѣбъ обыкновененъ.

---

[1] Отсюда повидимому и происходитъ русское слово „кавардакъ“.

Выше было сказано, что главнымъ занятіемъ киргизъ, какъ народа кочевого, служитъ скотоводство, а за послѣднее время стало распространяться и земледѣліе. Здѣсь мы остановимся только на домашнихъ занятіяхъ киргизъ.

Изъ нихъ первое мѣсто занимаютъ издѣлія изъ шерсти (овечьей и верблюжьей), а именно: приготовленіе войлока, армячины, тесьмы и веревокъ. Армячина („шекпекъ“) приготовляется изъ тонкихъ нитокъ верблюжьей и овечьей шерсти. Тканьемъ занимаются исключительно женщины (при участіи трехъ-четырехъ дѣтей); станокъ, основа и пр. приготовляются каждый разъ мастерицей. Армячина употребляется на одежду и по хозяйству (мѣшки и пр.). Изъ верблюжьей шерсти ткутъ узорчатыя широкія и узкія тесьмы („басъ-куръ“ и „уй-бау“). Эта работа у хорошихъ мастерицъ выходитъ не только прочной и чистой, но и красивой по рисунку. Много приготовляется также кошемъ (изъ овечьей шерсти), которыя находятъ, какъ и всѣ предыдущія издѣлія, широкій сбытъ среди киргизъ. На кошмахъ выкатываются иногда цвѣтные рисунки. Приготовленіе ихъ самое первобытное: шерсть кладется слоемъ на цыновку, свертывается въ трубку, поливается горячей водой и катается по землѣ. Вьютъ также волосяныя и шерстяныя веревки. Но болѣе тонкой ткацкой работы киргизы еще не знаютъ. Всѣ перечисленныя работы производятся только женщинами; мужчины иногда только обстригаютъ шерсть животныхъ.

Мужчины занимаются выдѣлкой кожи, шитьемъ изъ нея обуви и столярно-слесарнымъ мастерствомъ. Главными издѣліями послѣдняго является приготовленіе остова (кереге и др. частей) юрты, посуды, сѣделъ и экипажей — арбъ и телѣгъ (послѣднее производство — недавнее). Слесаря изощряются на отдѣлкѣ сѣдла, стремянъ и прочихъ принадлежностей сбруи; есть искусные накладчики на желѣзныя вещи серебра и мелкихъ мозаичныхъ работъ (инкрустація) при выдѣлкѣ посуды и др. роговыхъ и костяныхъ вещей.

Киргизскій аулъ близъ Омска. (*По фот. [illegible]*).

У призайсанскихъ, чуйскихъ и отчасти уральскихъ киргизъ существуетъ рыболовство, но большого значенія для нихъ оно не имѣетъ. У всѣхъ киргизъ есть страсть къ охотѣ, особенно съ соколомъ или беркутомъ, но не какъ къ промысловому занятію, а скорѣе какъ къ интересному спорту и развлеченію; промысловый характеръ охота носитъ лишь у незначительной части населенія.

На заработки, требующіе значительнаго напряженія физическаго труда, киргизы не нанимаются; но обѣднѣвшіе киргизы (джетаки) составляютъ главный контингентъ рабочихъ на горнозаводскихъ и сельско-хозяйственныхъ промыслахъ края и предпочитаются русскимъ, какъ болѣе дешевые и крѣпкіе въ работѣ.

Общественная жизнь киргизъ развита, но сводится къ угощенію, поѣздкамъ и увеселеніямъ; различныя семейныя событія и праздники сопровождаются всегда угощеніемъ цѣлаго аула и даже ближайшихъ, безконечными разсказами новостей, играми молодежи и пѣснями „оленгчи".

Общественный строй киргизъ можно назвать демократическимъ, такъ какъ древніе султанскіе роды (Валиханъ, Аблай, Букей и др.) и ходжи (потомки Магомета), хотя и считаются свѣтской и духовной аристократіей, но особенными привилегіями не пользуются; вліяніе ихъ на народъ становится незначительнымъ. Въ прежнее время (до половины XIX столѣтія) среди киргизъ существовало рабство (рабъ—„кулъ"), созданное тогдашней политической жизнью (частыя племенныя усобицы и войны съ сосѣдними народами — башкирами, калмыками и др.); въ концѣ XVIII столѣтія рабство было узаконено и русскимъ правительствомъ. Въ *Ямышевской* и *Семипалатинской* крѣпостяхъ производился долгое время торгъ рабами изъ киргизъ, которыхъ пріобрѣтали и русскіе въ качествѣ рабочей силы. Первая попытка къ ограниченію рабства была сдѣлана въ 1822 г., съ образованіемъ въ степи киргизскихъ округовъ; по закону этого года всѣ невольники, находившіеся у киргизъ, оставлялись при владѣльцахъ, но пріобрѣтать ихъ вновь строго запрещалось. Положеніе рабовъ было тяжелое, какъ и крестьянъ у русскихъ помѣщиковъ; владѣльцы распоряжались ихъ жизнью и смертью, не неся за это отвѣтственности. Какъ особый видъ добровольнаго рабства, существовалъ цѣлый разрядъ людей—тюленгутовъ (чаще обѣднѣвшихъ киргизъ), составлявшихъ то челядь, то свиту, которой окружали себя знатные султаны и цѣлые богатые роды. Эти люди считали себя независимыми отъ своихъ патроновъ, но долговременное проживаніе у послѣднихъ давало патронамъ поводъ заявлять на нихъ свои права, какъ на рабовъ. Недоразумѣнія съ тюленгутами и тяжелое положеніе куловъ продолжались до 1859 года, когда, по предложенію западно-сибирскаго генералъ-губернатора, султаны, біи и старшины всѣхъ округовъ рѣшили дать свободу своимъ рабамъ; послѣдніе переходили съ этого времени на положеніе свободныхъ киргизъ. По оффиціальнымъ даннымъ, въ Акмолинской и Семипалатинской обл. было освобождено 400 чел., но число это далеко ниже дѣйствительнаго числа бывшихъ рабовъ.

Но если исчезло среди киргизъ оффиціальное рабство — оно продолжаетъ еще фактически существовать въ не менѣе тягостной формѣ экономическаго рабства—кабалѣ. Среди многихъ ауловъ можно встрѣтить обѣднѣвшихъ киргизъ—„джетаковъ" (лежачихъ, т. е. не имѣющихъ скота для кочевки), которые живутъ на положеніи [illegible] и безплатнаго рабочаго у богатыхъ киргизъ. Положеніе ихъ крайне тягостно; за кусокъ хлѣба и жалкія обноски они исполняютъ всѣ работы. Надежды что-либо заработать и скопить, чтобы начать самостоятельную жизнь, для нихъ нѣтъ, такъ какъ хозяинъ всегда считаетъ джатака должнымъ, хотя долги чаще фиктивны. Особенно замѣтно джатачество среди иртышскихъ киргизъ; въ каждомъ казачьемъ поселкѣ можно встрѣтить джатаковъ, ютящихся по землянкамъ и хлѣвамъ казачьихъ дворовъ и влачащихъ жалкую жизнь. Обыкновенно за это джатакъ исполняетъ у казака всю хозяйственную работу и нерѣдко закабаляетъ себя и семью, въ лучшихъ случаяхъ получаетъ въ зиму 5—10 руб.

Экономическое неравенство существуетъ среди киргизъ издавна и обусловливалось въ значительной мѣрѣ ненормальностью формы землевладѣнія. Киргизы владѣютъ землей на правѣ захвата, установленномъ обычнымъ правомъ; благодаря этому существуетъ большая неравномѣрность въ пользованіи землей; такъ, одинъ родъ имѣетъ на кибитку тысячу десятинъ земли, другой—десятки, много если сотни десятинъ; усиленная колонизація степей обострила эту ненормальность. Наконецъ не могъ не способствовать этому и общій ходъ развитія экономической жизни киргизъ, именно появленіе земледѣлія, мѣстами переходъ отъ натуральнаго (скотоводческаго) хозяйства къ денежному, и, въ связи съ этимъ, разложеніе патріархальнаго строя. Современный аулъ не представляетъ уже равноправныхъ семей: въ каждомъ можно выдѣлить нѣсколько зажиточныхъ семей, въ экономической зависимости отъ которыхъ находится все остальное населеніе аула. Подобное явленіе (и джатачество) усиливается съ каждымъ годомъ и особенно въ годы „джута" (голода).

На ярмаркѣ въ Уилѣ. (*По фот. А. Н. Чагина*)

Прежнія патріархальныя отношенія сохранились (отчасти) въ обычномъ правѣ и семьѣ.

Судъ у современныхъ киргизъ состоитъ изъ „біевъ" (старѣйшинъ въ родѣ, которые прежде наслѣдовали эту должность по роду изъ поколѣнія въ поколѣніе); теперь же бій избирается отъ 100—200 кибитокъ (можетъ имъ быть однако только лицо не моложе 25 лѣтъ и не состоящее подъ судомъ и слѣдствіемъ). Суду біевъ подлежатъ всѣ дѣла противъ чужой собственности и вообще тяжебныя до 500 руб. (но не уголовныя); притомъ окончательныя рѣшенія могутъ быть постановлены по искамъ не свыше 30 руб.; по дѣламъ свыше этой нормы судящіеся могутъ апеллировать къ съѣзду волостныхъ біевъ (подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго, теперь крестьянскаго начальника); послѣдніе разбираютъ дѣла на всякія суммы, но окончательное постановленіе могутъ дѣлать по дѣлу на сумму не свыше 500 руб.

Попытки русскаго правительства (1830 и 50-хъ годовъ) реформировать народный судъ кончились неудачей и ухудшили его постановку настолько, что реформа 1868 г., вернувшаяся къ старому выборному началу судей, не могла вернуть къ суду должнаго уваженія; теперешній бій—это ставленникъ извѣстной партіи, дѣйствующей въ ея интересахъ. Судъ біевъ происходитъ публично, причемъ большую роль играетъ присяга свидѣтелей-поручителей тяжущихся. Кромѣ суда біевъ есть судъ домашній (остатокъ патріархата) изъ выборныхъ родственниковъ или одного „аксакала“; они вѣдаютъ дѣла рода и не подлежатъ контролю біевъ; есть наконецъ и третейскій судъ, къ которому обыкновенно обращаются до народнаго суда.

Здѣсь же слѣдуетъ упомянуть о *барантѣ* — возстановленіи нарушенныхъ правъ силой или „своимъ судомъ“. Заключается она въ угонѣ скота обидчика. Въ барантѣ принимаютъ участіе лучшіе джигиты аула, и нужно много смѣлости и ловкости, чтобы угнать лошадей изъ аула обидчика. Въ свою очередь потерпѣвшій аулъ предпринимаетъ въ отместку нападеніе на аулъ нападавшихъ; бываетъ, что въ барантѣ принимаютъ участіе цѣлыя волости 1).

Патріархальныя отношенія внутри рода и семьи также держатся. Аксакалъ (начальникъ рода) — самое почетное и уважаемое лицо, рѣшеніе котораго равносильно постановленію бія. Въ семьѣ центральное положеніе занимаетъ отецъ: онъ полный и единоличный хозяинъ; женщина и дѣти находятся на положеніи слугъ. Условія жизни ставятъ однако женщину значительно выше, чѣмъ она должна была бы быть юридически. Она фактически является главнымъ хозяиномъ, такъ какъ на ея плечахъ лежитъ воспитаніе дѣтей, приготовленіе пищи и одежды, уходъ за приаульнымъ скотомъ, приготовленіе издѣлій для домашняго обихода, постановка и поддержаніе въ порядкѣ жилища (юрты) и др.; вообще она принимаетъ большое и даже главное участіе во всѣхъ хозяйственныхъ дѣлахъ семьи и этимъ самымъ выходитъ изъ того незавиднаго положенія, въ которое ставитъ ее законъ. По закону она простая собственность мужа, которая послѣ его смерти поступаетъ въ собственность брата или семьи мужа (послѣднее впрочемъ стало уже выводиться).

Скажемъ нѣсколько словъ о главныхъ обрядахъ киргизъ.

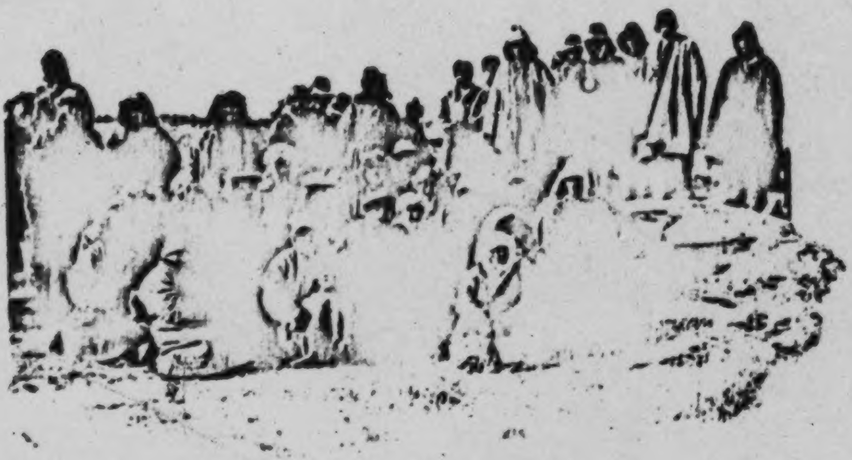
Бракъ у киргизъ нельзя считать таинствомъ или священнымъ обрядомъ — каковъ онъ, напр., у насъ: у нихъ это гражданская сдѣлка. Современные браки возникаютъ преимущественно на почвѣ такихъ соображеній, какъ породниться съ родомъ, богатымъ землей, или съ родомъ, вліятельнымъ на выборахъ, или наконецъ путемъ калыма поправить свое хозяйство. При такихъ основаніяхъ личное участіе жениха и невѣсты становится излишнимъ, и сговоръ возможенъ когда они, женихъ и невѣста, еще лежатъ въ колыбели. Въ прежнее время калымъ былъ двухъ родовъ—султанскій и киргизскій; первый со-

---

1) Съ барантой пришлось столкнуться переселенцамъ Акмолинской обл. съ первыхъ же дней жизни на новомъ мѣстѣ; киргизы уводили лошадей не только съ поля, но разбирали конюшни. Этимъ киргизы мстили за стѣсненіе ихъ въ землѣ.

стоялъ изъ 47 головъ разнаго скота (верблюдовъ, лошадей, коровъ и мелкаго), второй—изъ 37 головъ такого-же скота; при этомъ въ составленіи калыма принималъ участіе весь родъ невѣсты, а въ полученіи—весь родъ жениха. Теперь-же въ составленіи калыма участвуетъ только отецъ невѣсты, почему величина его стала сильно колебаться: у богачей онъ доходитъ до 300 головъ, у бѣдняковъ же случается, что даютъ только одну корову.

Свадьба слагается изъ слѣдующихъ моментовъ: сговора и поѣздки родителей, посѣщенія женихомъ невѣсты, поѣздки невѣсты къ жениху и молитвы муллы. Все это обставлено различными церемоніями и особенно подарками.

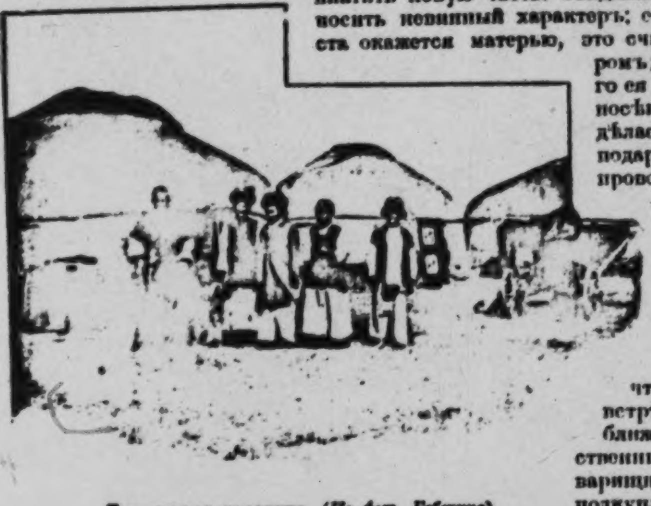


Съѣздъ для выбора волостныхъ біевъ въ степи.

Послѣ того, какъ состоялся неоффиціальный сговоръ, отецъ жениха съ богатыми и наиболѣе родовитыми родственниками ѣдетъ къ родителямъ невѣневѣсты. Гости предоставляются заботамъ женщинъ-родственницъ невѣсты, которыя угощаютъ и ходятъ за пріѣхавшими; послѣднія должны „откупиться“ отъ нихъ подарками или остроумнымъ разговоромъ; если этого не бываетъ, то гостямъ грозятъ не только насмѣшки, но и опасности: такихъ гостей женщины насильно одѣваютъ въ женское платье, купаютъ со всей одеждой въ водѣ, брѣютъ усы и бороду, запрягаютъ въ экипажъ, привязываютъ къ вертящемуся колесу и пр.; все это продѣлывается на глазахъ всего аула. Отецъ невѣсты угощаетъ пріѣхавшихъ самымъ вкуснымъ блюдомъ—„куйрюкъ-бауръ“ (лучшія части конины, курдючное сало и печень, все подъ соусомъ изъ курта—„зудукомъ“); съѣсть это блюдо значитъ завязать первый брачный узелъ.

Послѣ этого визита отецъ и родственники невѣсты ѣдутъ къ отцу жениха за полученіемъ калыма или его большей части. Пріѣздъ сопровождается гулянкой. Женихъ посылаетъ при ихъ отъѣздѣ въ аулъ невѣсты „уастры"—конину или другое мясо въ подарокъ женщинамъ аула.

Послѣ сговора и уплаты калыма женихъ получаетъ право посѣщать невѣсту. Эти посѣщенія имѣютъ существенное значеніе, являясь началомъ брака; такъ, въ случаѣ смерти жениха или невѣсты, послѣ того какъ между ними были свиданія, возвращается не весь калымъ, а только половина его, тогда какъ до свиданій удерживается незначительная часть; если женихъ думаетъ жениться на сестрѣ невѣсты, послѣ того какъ имѣлъ съ послѣдней свиданія, то обязанъ къ калыму приплатить новую часть. Свиданія эти должны носить невинный характеръ; если же невѣста окажется матерью, это считается позоромъ для нея и всего ея рода. Первое посѣщеніе женихъ дѣлаетъ съ массой подарковъ и въ сопровожденіи своихъ друзей. Въ юртѣ отца невѣсты происходитъ гулянье; невѣста-же уходитъ, чтобы избѣжать встрѣчи, въ юрту ближайшаго родственника. Ночью товарищи жениха и подкупленныя женщины аула являются къ родственнику, гдѣ во время пированья стараются похитить невѣсту. Происходитъ борьба двухъ партій—невѣстиной и жениховой; послѣдняя почти всегда побѣждаетъ, и невѣсту на коврѣ переносятъ въ юрту отца (это событіе называется „кызъ кашаръ"—бѣгство дѣвы). Здѣсь ее посѣщаетъ женихъ; при этомъ свиданіе ограничивается разговоромъ и держаніемъ руки черезъ рѣшетку юрты и называется „колъ статаръ" (держать руку); женщинъ, устроившихъ свиданіе, женихъ даритъ.



Киргизская молодежь. (*По фот. Бебенина*).

На слѣдующій день женихъ дѣлаетъ оффиціальное посѣщеніе невѣсты; при этомъ онъ долженъ откупиться отъ различныхъ родственницъ невѣсты, преграждающихъ ему доступъ; эти подарки извѣстны подъ именемъ „кемпъ ульде" (пропала старуха, т. е. одна старуха должна уступить мѣсто новой женщинѣ или „итъ-ирдаръ"—„собака рычитъ", т. е. его, какъ чужого, нельзя впустить) и др. При входѣ жениха на очагъ льютъ масло; женихъ дѣлаетъ родителямъ невѣсты три поклона на одномъ колѣнѣ („тижмъ“). Невѣста обыкновенно сидитъ за чіевой перегородкой (влѣво), куда и пропускается женихъ; это посѣщеніе невѣсты составляетъ главный моментъ свадьбы; называется оно „корне кіймылъ-датаръ“. Всѣ посѣщенія и пріѣзды жениха сопровождаются взиманіемъ съ него подарковъ; можно сказать, что женихъ не можетъ сдѣлать шага безъ того, чтобы за это не взяли съ него подарка родственники невѣсты, не говоря о спеціальныхъ и обязательныхъ, какъ напр. „лю“ —подарокъ отцу невѣсты и родственникамъ, „сюзаны“—семьѣ „за молоко матери“, и др. Черезъ нѣкоторый періодъ времени (годъ, иногда болѣе или менѣе) женихъ пріѣзжаетъ за невѣстой. Онъ привозитъ остальную часть калыма и скотъ въ даръ („той малъ“) въ возмѣщеніе расходовъ, вызванныхъ свадьбой; кромѣ того привозятся кошмы на юрту, которая ставится при его пріѣздѣ особо; деревянныя же части ея даетъ невѣста въ приданое. Въ новую юрту приводится невѣста, и начинается гулянье, причемъ поется наставительная пѣсня „Жаръ, жаръ“ (буквальный переводъ „о двухъ половинахъ“), въ которой дается совѣтъ, какой женой должна быть молодая. Затѣмъ юрта и все приданое невѣсты навьючивается, и молодые (невѣста въ брачномъ нарядѣ) въ сопровожденіи матери ѣдутъ въ аулъ жениха. При входѣ въ юрту дѣлаются поливаніе масла на очагъ и колѣнопреклоненія; мать жениха читаетъ наставленіе молодой и палочкой поднимаетъ съ ея лица покрывало (обычай новый; простые киргизы не знаютъ его). Послѣ этого начинается новое гулянье, игры и особенно скачки. Подъ вліяніемъ ислама, послѣ пріѣзда въ юрту жениха происходитъ обрядъ вѣнчанія: надъ чашкой съ водой, куда спущена монета, мулла читаетъ на арабскомъ языкѣ молитву (которой слѣдовательно никто не понимаетъ), затѣмъ спрашиваетъ молодыхъ о согласіи, даетъ имъ пить воду, а затѣмъ и всѣмъ присутствующимъ, монету же оставляетъ себѣ. По пріѣздѣ въ аулъ молодая не имѣетъ права называть мужчинъ ихъ именемъ, а должна дать имъ новыя имена (пережитокъ, указывающій на подчиненное и низшее положеніе женщины въ семьѣ).

Бо́льшая часть браковъ совершается въ возрастѣ 14—18 лѣтъ для невѣсты и 18—20 лѣтъ для жениха; бываютъ и 75-лѣтніе женихи, и женихи въ люлькѣ. Хотя мусульманскій законъ разрѣшаетъ киргизамъ многоженство, послѣднее не распространено, такъ какъ требуетъ большихъ расходовъ и подъ силу только богатымъ; бо́льшая часть киргизъ имѣетъ двухъ женъ (старую и молодую).

Роды происходятъ при такихъ-же условіяхъ, какъ и у крестьянокъ глухихъ угловъ нашего отечества: присутствуетъ бабка, которая въ трудныхъ случахъ прибѣгаетъ къ грубымъ пріемамъ, ведущимъ за собой нерѣдко смерть роженицы. На пятый день ребенку дается имя, чаще бабкой (обыкновенно названіе какого нибудь предмета—уздечка, нагайка, посуда, веревка и пр., вообще какое придетъ въ голову); рѣже имя даетъ аксакалъ; тогда оно дается въ память какого-нибудь извѣстнаго предка рода; или же имя дается муллой; тогда новорожденные нарекаются именемъ людей, такъ или иначе связанныхъ съ Магометомъ. На пятый годъ производится обрѣзаніе. По случаю благопріятныхъ родовъ киргизы не забываютъ устроить угощеніе и отпраздновать это событіе.

Похороны довольно просты. Умершаго кладутъ въ лѣвой сторонѣ юрты (при входѣ) за чіевую перегородку и посылаютъ гонцовъ по ауламъ съ извѣщеніемъ. Всѣ сколько-нибудь знакомые умершему считаютъ своей обязанностью непремѣнно посѣтить покойника, такъ-какъ при этомъ (по магометанскому закону) облегчаются грѣхи покойнаго и самого посѣтителя. Сверстники-друзья покойнаго производятъ омовеніе, за что получаютъ одежды покойнаго; остальные обыкновенно громко плачутъ и выражаютъ соболѣзнованіе семьѣ покойнаго. Покойника закутываютъ въ бѣлую простыню (или шелковую)—„ахретъ“ (т. е. „конецъ свѣта“, или одежда того свѣта) и перевязываютъ на головѣ, на поясѣ и въ ногахъ шнуркомъ. Затѣмъ его выносятъ за аулъ на открытое мѣсто, кладутъ на землю такъ, чтобы покойникъ лицомъ смотрѣлъ на юго-западъ (гдѣ находится Мекка), т. е. головой на сѣверо-востокъ и не на спину, а слегка на бокъ (на лопатку). Здѣсь читается на арабскомъ языкѣ молитва „джаната“ (освобожденіе души). Мулла обыкновенно спрашиваетъ: „онъ (покойникъ) былъ безгрѣшенъ?“, на что присутствующіе отвѣчаютъ: „безгрѣшенъ“. Если грѣшенъ, то мулла предлагаетъ выкупить грѣхи покойника скотомъ. Прежде этотъ выкупъ шелъ бѣднымъ, теперь поступаетъ въ пользу муллы. Могилы дѣлаются неглубокими (1—2 арш.), иногда съ боковой нишей, куда и кладется покойникъ (въ „ахретѣ“), нѣсколько на бокъ, взглядомъ къ Меккѣ. Нишу закладываютъ камнями или деревомъ, а сверху засыпаютъ землей; присутствующіе бросаютъ въ могилу горсти земли. Для могилъ выбираются видныя и людныя мѣста у большихъ дорогъ и непремѣнно на холмѣ, сопкѣ или горѣ; этимъ выражается почетъ умершимъ. Сверхъ могилы воздвигаются памятники, самыхъ разнообразныхъ формъ и различной стоимости; большинство изъ нихъ дерновые, но есть и цѣлые мавзолеи, напр. могила Алача, Курнеча, Аблая и др. Могилы чтутся киргизами, какъ священныя мѣста.

Киргизы исповѣдуютъ исламъ. Бóльшая часть ихъ приняла его въ первой четверти XIV вѣка, въ царствованіе хана Узбека (въ Золотой Ордѣ). Проповѣдниками ислама были хивинскіе, бухарскіе и ташкентскіе муллы. Киргизы считаютъ себя суннитскаго толка, т. е. признаютъ, кромѣ корана, священными книгами жизнеописаніе Магомета и другія. Извѣстно, что истинные сунниты весьма ненавидятъ шіитовъ (непризнающихъ этихъ книгъ), болѣе даже, чѣмъ христіанъ; киргизы же не только не отличаются такой нетерпимостью, но скорѣе даже равнодушны къ своей религіи; для нихъ религіозныя распри чужды, и обряды исполняются ими мало; вообще киргизы плохіе магометане. Прежде духовное сословіе составляли ходжи (потомки четвертаго поколѣнія Магомета-Али, носящіе зеленую чалму) и муллы. Позже духовными руководителями (муллами) были малограмотные бѣглые казанскіе татары, спасавшіеся въ степяхъ отъ солдатчины; у безграмотнаго и невѣжественнаго народа этимъ людямъ было нетрудно показать себя истинными муллами. Въ настоящее время киргизы имѣютъ муллъ изъ своей среды. Для подготовки ихъ существуютъ *медресе* (школы при мечетяхъ, въ Петропавловскѣ и Семипалатинскѣ), гдѣ получается первоначальное образованіе; затѣмъ, для пополненія образованія ѣздятъ въ ученые центры мусульманства — Бухару, Хиву, Ташкентъ, Самаркандъ [1]. За послѣднее время, съ усиленіемъ сношеній съ магометанами Средней Азіи, мусульманство начинаетъ пускать болѣе глубокіе корни. Объ этомъ можно косвенно судить по усилившемуся паломничеству въ Мекку. Въ 1901 году было выдано въ Омскѣ до 300 паломническихъ билетовъ.

---

[1] Волостной мулла называется ахуномъ. Главное духовное лицо (съ властью нашего архіерея)—муфтій живетъ въ Европейской Россіи.

Изъ праздниковъ назовемъ „курбанайтъ“ („жертвоприношеніе“, символизирующее принесеніе Исаака въ жертву). Въ этотъ праздникъ должно рѣзать (приносить въ жертву) лучшаго самца (лошадь или быка для того, „чтобы на томъ свѣтѣ, когда грѣшниковъ погонятъ черезъ адъ по тонкой веревочкѣ, острой, какъ сабля, было на чемъ переѣхать“). Рѣжутъ обыкновенно одного животнаго на семь человѣкъ; по старому обычаю, къ столу приглашаются богачами всѣ бѣдные въ аулѣ. Шкуры животныхъ идутъ муллѣ. Праздникъ сопровождается играми и развлеченіями; изъ нихъ популярными считаются скачки, причемъ въ нихъ принимаютъ участіе и дѣвушки; зрѣлые любуются бѣгомъ своихъ лучшихъ скакуновъ, молодежь веселится въ погонѣ другъ за другомъ; если юноша нагонитъ дѣвушку, то ему разрѣшается поцѣловать ее; если-же ему не удастся догнать, то дѣвушка будетъ гнать его обратно. Праздникъ этотъ переходящій.

Типъ городской киргизской мечети.

Въ воспоминаніе поста Магомета установленъ тридцатидневный „ураза“ (постъ); мѣсяцъ этого поста называется „Рамазанъ“. Въ это время киргизъ обязанъ съ появленіемъ дневного свѣта („какъ только можно видѣть нитку“) и до заката солнца отказываться отъ принятія пищи и питья; ѣсть можно только ночью. Киргизы приспособились къ этому такъ, что всю ночь ѣдятъ и пьютъ, а днемъ спятъ. Зимой этотъ постъ проходитъ легко, но лѣтомъ, когда день достигнетъ 18—20 час., поститься составляетъ большой подвигъ, въ особенности для бѣдныхъ, которымъ приходится весь день работать; поэтому несоблюденіе его у послѣднихъ встрѣчается часто. Законъ разрѣшаетъ только для стариковъ, больныхъ, роженицъ, родильницъ и дѣтей три дня или три раза по три дня принимать пищу.

Послѣ „уразы“ начинается праздникъ „Рамазанайты (Уразайты); какъ и предыдущій, онъ проходитъ въ обильномъ потребленіи мяса (баранины, конины) и кумыса, устройствѣ разныхъ развлеченій (борьба, скачки и др.). Кромѣ этихъ двухъ праздниковъ киргизы празднуютъ поминки наиболѣе чтимыхъ покойниковъ; они сопровождаются разнообразными угощеніями, обычными скачками, состязаніями въ верховой ѣздѣ и др.

7: Sedel'nikov et al

RQ2 Kazak

Киргизы еще не вышли изъ-подъ власти природы; эта зависимос чувствуется въ каждомъ шагѣ киргиза; всѣ сколько-нибудь выдающія событія его жизни связаны съ примѣтами, совершеніемъ нѣкоторыхъ обрядностей и др. Закоренѣлый киргизъ не выйдетъ, напр., въ дальнюю дорогу въ субботу и во вторникъ, изъ боязни несчастья, такъ какъ эт дни считаются „тяжелыми". Въ крайнемъ случаѣ онъ долженъ совершит нѣкоторыя церемоніи, которыя оберегли-бы его отъ неизбѣжност несчастья, напр., отойти наканунѣ на сорокъ шаговъ отъ юрты по напр ленію предполагаемой поѣздки и зарыть горсть соли въ мѣшечк Выѣзжая въ тяжелый день, киргизъ выкапываетъ мѣшечекъ и берет его съ собой, вѣря, что это застрахуетъ его отъ несчастья. Доволь распространены амулеты, которые навѣшиваются какъ на любимыхъ животныхъ, такъ и на дѣтяхъ (у мальчиковъ на груди, у дѣвочекъ иног въ косахъ).

Отъ прежняго язычества киргизы сохранили вѣру въ *бакси* (шамана обыкновенно старика, къ которому прибѣгаютъ при лѣченіи болѣзней Христіанство прививается къ киргизамъ весьма туго; дѣятельност семипалатинской и тургайской киргизскихъ миссій не принесла замѣ ныхъ результатовъ; нѣкоторый успѣхъ, имѣетъ проповѣдь тольк среди бѣдняковъ (джатаковъ или байгушей), для которыхъ въ числ побудителей къ принятію христіанства не послѣднее мѣсто составляют чисто матеріальные разсчеты; случаи обратнаго перехода въ магометан ство нерѣдки.